

РЕШЕРТУАРЪ

РУССКАГО

И

ПАТРОНЪ

ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ,

НА 1842 ГОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. Песочкинъ.

IX.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ,

1842.

РЪШЕНІЕ

УВАЖАЮ

II

ИЛИ ТИ ПО

ВЪСЯ ВЪРОЖЕНІЯ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 30-го Апрѣля, 1842 года.

Ценсоръ: П. Корсаковъ

Издатель

И. Гречъ

.XV

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ И. ГРЕЧА.

ВЪСЯ ВЪРОЖЕНІЯ

1842

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

КАРЛЪ XII ПОДЪ ПОЛТАВОЙ.

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ, СОЧ. Р. Зотова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Карлъ XII, Король Шведскій.
Графъ Пинеръ, его Канцлеръ.
Фельдмаршалъ Рвиншильдъ.
Генералъ Шлиппенбахъ.
Полковникъ Россъ.
Полковникъ Гиртъ.
Мазепа, бывший Гетманъ.
Меншиковъ.
Кремненко, староста деревни.

Ануся, дочь его.
Юрій, молодой казакъ, ея женихъ.
Маша, сумасшедшая дѣвушка, живущая у Кремненко.
1-й } Адъютанты.
2-й }
3-й }
Отрядъ Русскихъ войскъ, королевскіе драбаты, Шведскіе солдаты.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Хижина простая, но чистая. На задней завѣсь два окна, сивозъ которыхъ видна обширная равнина. Вдали Полтава. Между окнами устроены ниши или родъ шкафа. Два кабинета и еще одно боковое окно. Мебель самая простая, именно столъ, лавки, табуреты.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кремненко и Ануся. (Онъ у стола чиститъ ружье, а она шьетъ).

Кремненко.

Ну, что, Ануся! Не видать ихъ?...

Ануся.

Нѣтъ!

Богъ вѣсть гдѣ онъ замѣшкался такъ долго!

Кремненко.

А Шведы, кажется, угомонились...

Ануся.

Ужъ скоро вечеръ, и пора бы имъ проклятымъ перестать. Вѣдь цѣлый день стрѣляютъ, да трубятъ, да барабаняютъ; такіе страхи!

Кремненко.

Кажется, тебѣ

пора бы и привыкнуть къ нимъ! Вѣдь ты четыре мѣсяца все это слышишь... Прислушалась, я чай...

Ануся.

Да я, папа,

Не за себя боюсь... Ну, что мне Шведы!...
Мнѣ страшно всякій разъ за жениха:
Онъ за опасныя дѣла берется...

Кремненко.

За честныя, за славныя!... И ты
Должна бы радоваться...

Ануся.

Да! какъ онъ

Воротится, такъ я всегда и рада...
А вотъ покуда итъ его... такъ страшно!...
Такія мысли въ голову приходять!
Ведь долго ль до бѣды! Злодѣи схватятъ
И разомъ пришбуютъ...

Кремненко.

Все въ Божьей волѣ!

Онъ долгъ свой исполняетъ, какъ казакъ,
Который вѣренъ чести и присягѣ,
Который преданъ родинѣ, Царю,
И за него не надобно боятся.
Господь хранитъ его и защититъ!

Ануся.

Все такъ! Да ежели его убьютъ?

Кремненко.

Тогда награду онъ получитъ тамъ!
До тѣхъ поръ будемъ за него молиться.

Ануся.

И то я цѣлый день молюсь и плачу...

Кремненко.

Да плакать—то о чемъ?

Ануся.

Ну, такъ! не знаю...

На сердцѣ станетъ тяжело и тѣсно...
Кажись и стыдно бы, а слезы льются...
Я и сама не рада.. Какъ же быть!

Кремненко.

Дочь казака, и малодушна такъ!
Стыдись Ануся.. Надобно такъ жить,
Чтобъ быть готовымъ умереть всегда.
Мы подъ Богомъ все ходимъ... Я, сегодня,
А Юрій завтра...

Ануся.

Что ты! Богъ съ тобой!

Какъ можно говорить такія вещи!
Да развѣ я переживу тебя?

Кремненко.

Переживешь, когда угодно будетъ Богу...
Чтобъ съ нами ни было, ты Христіанка,
И крестъ свой безъ роптанія носи.

Ануся.

Ахъ! а съ ума сойду! Я утону

Въ слезахъ... Да. Боже мой, когда все это
Окончится? Который ивельцъ Шведы
Льютъ кровь и грабятъ на Святой Руси?
Уже ли Царь не одолѣетъ ихъ!...

Кремненко.

Да! гости Сѣвера зашли далеко!
Передъ добромъ ли разгулялся Карлъ?
Побѣдами вознесся онъ высоко!
Чтобъ съ этой высоты онъ не упалъ!
Казакъ простой, я Царскихъ тайнъ не знаю;
Но въ станѣ Русскихъ я бывалъ не разъ,
И чувствую, надъбное, пререкую,
Что настаетъ борьбы послѣдній часъ,
И что добравшись смѣло до Полтавы,
Богъ итъ, какъ путь обратный Карлъ найдетъ!

Ануся.

Ахъ, какъ бы весело! Войнѣ конецъ!
И мы бы зажили... ты, я... и Юрій!..

Кремненко.

Да! ты должна сердита быть на Шведовъ!
Безъ нихъ давно бъ ты за мужемъ была.
Они пришли и помѣшали свадьбу...

Ануся.

Злодѣи! Нужно было имъ итъ
На Русь!

Кремненко.

Какъ быть! Знать Богу такъ угодно!

Ты, чай, видала, какъ въ несчастный годъ
Къ намъ прилетаетъ съ полдня саранча;
И въ часъ одинъ всю жатву поѣдаетъ!
Чтожъ? смиляется Богъ, и все пройдетъ!
Вотъ, на Святую Русь наслалъ Господь
Отъ Сѣвера другую саранчу,
Но съ вѣрой теплою, съ вѣрностью къ Царю
Народъ вездѣ встрѣчаетъ ту невзгоду,
И скоро Православіе и вѣрность
Восторжествуютъ надъ ордой пришельцевъ.

Ануся.

А Юрій все нейдетъ!.. Ужъ эта Маша
Не сблалась ли съ дороги?

Кремненко.

Быть не можетъ!

Господь лишивъ ея разсудка, дажъ
Въ задѣиъ понятливости и зоркости глазъ.
Она въ глухую полночь путь найдетъ
Отсюда до Полтавы.

Ануся.

Ну, да Шведы

Ихъ могутъ подстеречь...

Кремненко.

По ихъ дорогѣ

Одни непроходимыя болота;

Кустарникъ желкій закрываетъ ихъ,
 Ни другъ, ни врагъ не знаютъ, что возможно
 Живому существу пройти въ Полтаву,
 И Юрій безопасенъ отъ враговъ.
 Вотъ мнѣ такъ больше бы бояться надо,
 Прокрадываясь часто въ Русскій станъ...
 Тутъ мнѣ спасенье только ночь и Богъ!

Ануся.

А ты опять пойдешь?

Кремненко.

Лишь только Юрій

Воротится...

Ануся.

Ахъ! какъ всегда мнѣ страшно
 Бываетъ за тебя!...

Кремненко.

Чего бояться?

Кто вѣрно служить Богу и Царю,
 Тотъ невредимъ пройдетъ между врагами...

Ануся.

Да безъ тебя меня обидѣть могутъ...

Кремненко.

Кто? Шведы? Нѣтъ, Ануся! грѣхъ сказать!
 Они ведутъ себя все честно... Вспомни,
 Что здѣсь они четвертый мѣсяць, кто жъ
 Обижень былъ изъ жителей? Никто!
 Они съ насъ требуютъ услугъ, припасовъ,
 Но вотъ и все! Король ихъ благороденъ
 И строгъ!

Ануся.

Да! Шведамъ надо честь отдать,
 У насъ они стоятъ который мѣсяць,
 А дома всѣ пѣлехоньки еще.
 И этотъ шкафъ (указывая междуокнами), ко-
 торый ты задѣлалъ
 И объявилъ, что въ немъ твои пивъне,
 Они не тронули ни разу...

Кремненко.

Да!

Здѣсь все мое имѣнье, даже больше!
 Сокровище мое, и жизнь, и счастье!
 И если бѣ Шведы вздумали когда
 На это достоянье покунуться,
 Я бѣ умеръ, защищая кладъ святой.

Ануся.

Да! счастлива была твоя побѣдка
 Въ Москву... Ты тамъ достала такую рѣдкость!

Кремненко.

Привѣжій Нѣмецъ все мнѣ смастерилъ...
 Хитерь злодѣй! искусникъ пречудесный!

Я отдалъ все ему, что только было
 Со мной... Я далъ бы вдвое, если бѣ онъ
 Потребовалъ... такъ я доволенъ былъ,
 Такъ счастливъ!

Ануся.

И кому жъ хотѣлъ отдать!...

Кремненко.

Не поминай, Ануся! Тяжкій грѣхъ
 Прости Господь! Какъ могъ я знать, что Гет-
 манъ...

И думать страшно, и сказать грѣшно...

Казакъ и Христианинъ Православный
 Могъ измѣнить и чести и присягъ,
 Покрывать стыдомъ народъ, свой край,
 Забыть священннй долгъ къ Царю, престолу,
 И ко врагамъ Россіи перейти!

Ануся.

Злой духъ его поцуталъ, вѣрно...

Кремненко.

Нѣтъ!

Кто въ Вѣрѣ твердъ, кто сердцемъ любитъ
 Бога,

Кто предавъ Православному Царю,
 Надъ тѣмъ злой духъ и власти не имѣеть!
 И не поцутаетъ того лукавый вѣтъкъ,
 Кто вѣрный подданный и честный человекъ!

Ануся.

Предателя Господь и Царь накажутъ...

Кремненко.

Да! здѣсь онъ презрѣнъ и отверженъ всѣми,
 А тамъ... О! тамъ еще страшнѣе казнь!

Ануся (высовываясь въ
 окно).

Я что-то слышу! Наше мѣсто свято!...
 (За сценою слышенъ голосъ Маши, поющей
 Малороссійскую пѣсню).

Кремненко.

Да это Маша! вѣрно Юрій съ ней...
 Ну, слава Богу, воротился...

Ануся (вскакиваетъ).

Юрій!

Да гдѣ жъ онъ! побѣгу!...

Кремненко.

Постой! ему

Нужна во всемъ большая осторожность!
 Онъ пробирается у изгороды
 Чтобъ Шведы не замѣтили его...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тъ же и Маша, потомъ Юрій.

Маша (поетъ и приплясываетъ).

Вотъ и я пришла! Вы ждали ли насъ!

Ануся.

Ахъ, Маша! гдѣ же Юрій? онъ съ тобой?

Маша (поетъ).

Все ль спокойно здѣсь? Нѣтъ ли врага?

Кремненко.

Нѣтъ, мы одни! войти онъ можетъ смѣло...

Маша (поетъ у окна).

Ты войди, войди, добрый молодецъ!
Образамъ помолясь, хозяину поклонись!
И на теплой печи отдохни, обсушись!

Юрій (входитъ).

Ну, вотъ и я!

Ануся.

Ахъ, Юрій! слава Богу!

Кремненко.

Ну, слава Богу! ты здоровъ и живъ!

Еще разъ удалось тебѣ пройти,
И службу сослужить... дай руку, Юрій,
Ты добрый малый...

Юрій.

Радъ служить Царю!

Вѣдь двухъ смертей не быть, одной не мно-
вать.

Кремненко.

Ну, говори скорѣе: что въ Полтавѣ?

Юрій.

Да худо, очень худо! Пищи нѣтъ,
Весь порохъ вышелъ, и народа мало...
И на двѣ смѣны нѣтъ... Последний приступъ
Ужъ вѣрно самъ Господь помочь отбить...
Но ежели еще рѣшатся Шведы...

Кремненко.

Авось до этого и не дойдетъ...

Юрій.

А между тѣмъ народъ не унываетъ!
Во храмахъ молится и клятвой положилъ,
Чтобъ биться до последней капли крови.
Всѣ умереть хотѣть за Вѣру и Царя.

Кремненко.

И Богъ и Царь ихъ вѣрно не оставятъ!...

А грамотку принесть отъ командира?...

Юрій.

Да! только вынуть надобно... зашита...

Ануся, распоряди подкладку фалды. (Ануся исподвѣстъ попяляется.)

Маша (сѣла въ это время за прялку и прела тихо, напѣвая про себя. Только теперь слышно нѣсколько словъ).

Онъ и грамотки любовныя писалъ.

Увѣрялъ въ любви, и плакалъ и вздыхалъ...

Кремненко (беретъ письмо).

Теперь мнѣ надобно пробраться въ Русскій ла-
герь,

И батюшкѣ Царю отдать письмо....

Ануся.

Вотъ я опять боюсь! Такъ сердце и забилося....

То онъ, то ты....

Кремненко.

Какъ быть, дружечекъ!

Съ дѣвичьимъ сердцемъ служба не въ задѣ...
Вамъ хочется, чтобъ мы сидѣли съ вами,
А долгъ велитъ забыть семью и домъ,
Когда служить Царю и Вѣрѣ надо.

Ануся.

Да видишь, какъ стемнѣло... будетъ дождь,
Гроза; тебѣ провочить, ты прозлябнешь....

Кремненко.

Согрѣюсь чувствами у ногъ Царя,
Онъ наше солнце, Онъ нашъ Богъ земной...
Скорѣе шапку, палку, помолюся,
Да васъ благословлю, и съ Богомъ въ путь...
Эй, Маша!

Маша.

Кто? Я?

Кремненко.

Да! пойдемъ со мной!

Маша.

Куда?

Кремненко.

Ну, къ Русскимъ, знаешь....

Маша.

А, къ Царю!

Пойдемъ! (таинственно) Черезъ кладбище, пе-
редаюсь...

Болото... знаю, знаю, не далеко....

Кремненко.

И Шведы намъ не понадутся?

Маша.

Нѣтъ!

Я ночью за верету ихъ вижу... Знаю
Тропинки всѣ... Э, пусть кричатъ: я дура,

Я сумасшедшая... Не бойсь... я всьхъ
Разумниковъ хитрѣй...

Кремненко.

Ладно, ладно!

Возьми жь себѣ калачь! Дорогой съѣшь...
Вѣдь ты устала... Изъ Полтавы шла...

Маша.

Устала? Да! пора бы и отдохнуть...
Тамъ, на кладбищѣ, много, много мѣста.
Вотъ только отыщу отца и мужа,
И лягу, лягу съ миромъ отдохнуть...

Кремненко.

Ну, Богъ съ тобой! объ этомъ послѣ. Юрій!
Ты здѣсь съ Анусею останься... я
Вѣдь скоро вернусь... Ты береги
Свою невѣсту...

Юрій.

Скоро ли ты скажешь,

Вотъ, береги жену.

Кремненко.

Ты знаешь самъ:

Какъ скоро врагъ съ святой Руси отхлынетъ,
И Русскій Царь побѣдною стоей
На Шведскаго наступитъ льва, тогда
Со счастьемъ, съ радостью отчизны всей
И мы отпразднуемъ семейный праздникъ...
(Слышеть барабанный бой.)

Что это значить? (всѣ бросаются къ окну.)

Маша (поетъ).

Встрепенулися злодѣи,
И полки ихъ закипѣли...

Кремненко.

Это Шведы!

Юрій.

Да!

Деревня вся кипитъ народомъ...

Маша (тихо Кремненку).

Я

Тебя ждать буду на кладбищѣ... Тихе!
Смотри... не ошибись... Тутъ что-то плохо...
(уходитъ).

Кремненко.

Перемищенье войскъ должно быть тутъ...

Узнать бы вѣстачи... Только какъ...

Юрій.

Ужъ вѣрно

Тебя потребуютъ, чтобъ разводитъ
Ихъ по деревнѣ... Мы сейчасъ узнаемъ
Названіе полковъ, число солдатъ...
Ты староста!... спроси записку...

Кремненко

Стой!

Я вижу... Королевскіе драбанты...
Ужель Карль самъ здѣсь? Пойду, узнаю...

Я В Л Е Н І Е III.

Тѣ же, Пиперь и Мазена.

Пиперь.

Здѣсь старости деревни?

Кремненко.

Что угодно?

Пиперь.

Очистить хижину (указывая на боковую дверь),
Тамъ есть еще

Конурка?

Кремненко.

Наша снальня...

Пиперь.

Все убрать!

Здѣсь будетъ главная квартира...

Кремненко.

Какъ?

Король? (Пиперь дѣлаетъ знакъ, чтобъ молча-
ли и убрали. Всѣ повинуются.)

Мазена (тихо Пиперу).

Напрасно говорите вы

Объ этомъ... У Царя повсюду есть
Лазутчики... Онъ тотчасъ же узнаетъ...

Пиперь.

Его Величество Король мой, Карль
Двѣнадцатый, не думаетъ скрываться.
Онъ рассудилъ за-блага перенести
Въ деревню эту главную квартиру,
И дѣло сдѣлано, а что за нужда
Узнаетъ ли объ этомъ Царь Московскій
Иль нѣтъ!... Гдѣ Шведы, тамъ Король вездѣ!

Кремненко (отвѣтъ въ это
время Юрія за авансцену,
отдавъ ему письмо, и ти-
хо говорилъ что-то, огля-
дываясь на вновь пришед-
шихъ. По окончаніи тира-
ды Пипера слышны толь-
ко въ полголоса послѣд-
нія слова.)

Вручи Царю письмо... Я здѣсь останусь...
Ты знаешь Маша гдѣ... Она тебя
Въ станъ Русскій проведетъ... Бѣги, не ме-
ди,

Возьми въ углу ружье мое тихонько,
Будь остороженъ... Богъ съ тобой! Прощай!

(Юрій незаметно уходитъ.)

Пиперъ (слушала въ это время, что Мазена ему тихо говорилъ).

Нѣтъ, Гетманъ! вы не правы!

Кремненко (съ сильнымъ движеніемъ вскрикиваетъ).

Гетманъ! Боже!

Ужели это онъ?

Пиперъ.

Что ты, старикъ?

Кремненко.

Ахъ! Кто бы вы ни были! Вы честный Шведъ, Вы вѣрный подданный, вы Христіанинъ; И терпите, чтобъ подлѣ васъ стоялъ, Чтобъ съ вами говорилъ, чтобъ съ вами жилъ Предатель и измѣнникъ!...

Мазена.

Замолчи!

Кремненко.

Кто, я? Передъ тобой? Передъ злодѣемъ, Который измѣнилъ присягу, Вѣрь, Отчизнѣ, Православному Царю!... Ахъ! бѣдный я, несчастный человѣкъ! Я въ этой хижинѣ родился, выросъ, Въ ней умерли отецъ мой, дѣдъ и прадедъ, И я теперь ее обязанъ сжесть! Да, извергъ! сжечь! Она осквернена Присутствіемъ предателя отчизны!

Мазена.

Ничтожный червь! Когда бы тебѣ подобныхъ Не такъ я презирала, — и бы въ отвѣтъ Сказала тебѣ, что родишь своей И вамъ, созданнымъ ничтожнымъ, я Готовила независимость и славу...

Кремненко.

И пѣснь покрылъ безчестьемъ!... Кто тебя Просилъ? Кто поручилъ тебѣ искать Другаго счастья, другой свободы Для нашей родины, какъ быть подъ кровомъ Великаго Россійскаго Царя?

Мазена.

Молчи! тебѣ ль судить мои поступки! Дней нѣсколько еще, и Карлъ побѣдой Повергнетъ насъ къ своимъ стопамъ; тогда Опять вы будете у ногъ моихъ, Какъ черви пресмыкаться!...

Кремненко (съ холоднымъ презрѣніемъ).

Насъ жертвами къ твоимъ ногамъ положить!

А иначе, — кто, честный человѣкъ, Заочетъ взглядомъ подарить тебѣ?

Мазена (въ сильномъ порывѣ гнѣва).

Презрѣнный, замолчи, ни слова, Проклятый твой языкъ я вырву...

Пиперъ.

Что вы! опомнитесь? Король сейчасъ Сюда войдетъ!...

Мазена.

Такъ пусть же онъ велитъ Сейчасъ казнить его!...

Пиперъ.

Мы донесемъ Его Величеству!... но успокойтесь!... Ты староста, молчи! Я Шведскій Канцлеръ, Даю тебѣ приказъ!... или за дерзость Ты жестоко наказанъ будешь.

Кремненко.

Ты

И твой Король повелевать здѣсь можетъ, По праву силы и завоеванья Тебѣ я повинуюсь!... но предатель!...

Пиперъ (грозно).

Молчи!

Кремненко.

Молчу. (Нѣкоторое молчаніе. Пиперъ какъ будто ищетъ глазами на что бы обратить разговоръ, и указывая на шкафъ между окномъ).

Пиперъ.

Что это у тебя?

Кремненко.

Шкафъ, все мое имѣніе въ немъ!...

Пиперъ.

Никто

Не тронетъ твоего имѣнья!... Ты Зачѣмъ же шкафъ такъ наглухо задымалъ?...

Мазена (Пиперу).

Сломать и осмотрѣть его нашъ долгъ. — Здѣсь будетъ жить Король, и безопасность Его для насъ священна!... Этотъ шкафъ Наполненъ, можетъ быть, оруженъ!... даже, Быть можетъ, порохъ!...

Кремненко.

Какъ сейчасъ замѣтно,

Что по себѣ ты судишь о другихъ!

Нѣтъ! Слава Богу въ хижинѣ моей

Ни мыслию, ни дѣломъ никогда

Предательства не знали; мой порогъ

Измѣнникъ не переступалъ во вѣкъ!...

Сегодня только Богъ послалъ мнѣ кару!...

Пинеръ.

Старикъ, молчи!...

Кремненко.

Простите, Генералъ!

Но, можно ли, чтобъ онъ кого нибудь
Осмѣлился въ измѣнѣ обвинять!
Клянусь вамъ Богомъ!... слову казака
Повѣрьте.... здѣсь не скрыто ничего,
Что бѣ насъ могло тревожить.... Я сказалъ,
Что здѣсь положено мое имѣнье....
Еще прибавлю, что для насъ оно
Цѣны и сотой доли не имѣетъ,
Какая для меня заключена....

Мазепа.

Увертки все! Когда вы слово дали,
Что денегъ и пожитковъ не возьмете,
То осмотрѣть не стоитъ ничего,
Все будетъ нѣю.... но сопротивленье
Должно родитъ невольно подозрѣнье....

Пинеръ.

Вы правы, Гетманъ! Эй! драбанты. (Входятъ
нѣскольکو).

Шкафъ

Сейчасъ сломать!...

Кремненко (съ порывомъ
отчаяннѣ бросается къ шкафу).

Дочь! Смертная минута

Настала наша! Умертвите насъ,
Но не касайтесь святыхъ предметовъ....

Ангуя.

Ахъ, батюшка! она убьютъ тебя....

Кремненко (борется съ драбантами).

Злоды! прочь!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Карлъ со свитой, Рейншильдъ
Шлициненбахъ, Гирта и другіе (все оста-
навливаются).

Карлъ.

Что это значить?

Пинеръ.

Ваше

Величество! У старосты есть шкафъ,
Который онъ не хочетъ отпереть....
И ваша безопасность.... я хотѣлъ....

Карлъ.

Вы за меня боитесь? благодаренъ!
(Къ Кремненко).

Ты здѣсь хозяинъ? Что лежить въ шкафу?

Кремненко (на колыбѣхъ).

Мое имѣнье, Государь.... клянусь....

Карлъ.

И ты его показывать не хочешь!...
Ты правъ! Въ своемъ имѣньи всякой волею...
И этотъ домъ хоть я займу на время,
Но заплачу за все... Встань!

Кремненко.

Государь!

Все здѣсь твое.... Мнѣ ничего не надо....
Но не вели лишь трогать.... (Указываетъ на
шкафъ).

Карлъ.

Будь спокоенъ!

Твоихъ сокровищъ не возьмутъ....
Ты староста, мой солдаты здѣсь
Четыре мѣсяца стоять.... Скажи:
Ограбили, обдѣли ль они
Кого нибудь?

Кремненко.

Нѣтъ, Государь, они

И ласково и честно поступаютъ....

Карлъ.

И будутъ поступать, пока я живъ!...
Шведъ долженъ быть и храбръ и благороденъ,
Я ихъ Король!... Здѣсь много ли домоу?...

Кремненко.

Сто двадцать.

Карлъ.

Сколько жителей?

Кремненко.

Пятьсотъ.

Карлъ.

Изъ вашихъ есть ли кто въ Московскомъ вой-
скѣ.

Кремненко.

Нѣтъ, Государь! Съ тѣхъ поръ, какъ Шведы
здесь,
Мы только молимся за Православныхъ....

Карлъ.

Зачѣмъ вы не пошли въ монашъ рѣдахъ?
Упрямство! Фанатизмъ! Со мной бы много
Могли вы выиграть!... Вотъ, Гетманъ вашъ,
Онъ умный человекъ! Онъ вашу пользу
Постигъ, и все получить здѣсь....

Кремненко (торжественно

указывая на
небо).

А тамъ?...

Карлъ (грозно).

Что?

Кремненко (падаетъ къ ногамъ).

Государь, помилуй! Жизнь моя
Въ твоихъ рукахъ. Казни! по слову правды
Позволь мнѣ вымолвить...

Карлъ (дастъ знакъ, чтобъ онъ всталъ).

Со мной никто
Не долженъ иначе и говорить.

Кремненко.

Я темный человекъ, простой казакъ,
И худо понимаю изъ чего
Война между Царями происходитъ...
Но на дѣла и помыслы Царей
Нѣтъ на землѣ преграды и судей!
Въ десницѣ Божьей сердце ихъ и воля!...
Ты, Государь, народъ нашъ упрекнулъ,
Что поступилъ онъ дурно, неразумно
За то, что Вѣрь, чести и Царю
Не изменилъ... за то, что не пошелъ
Въ твои ряды съ предателей толпой,
За то, что твердь и вѣрнопъ оставался
Присягѣ, роднѣ и православию...

(Падаетъ на колѣни).

О, Государь! прости ты дерзость словъ!
Но вѣрь, что ты, которые дерзнули
Забить свой долгъ къ отчизнѣ и Царю,
И для тебя ты ненадежны будутъ....
Забывши клятву разъ, еще разъ позабудутъ....
Предавши честь, семейства и себя,
Безъ угрызения оставить и тебя!
Ты самъ, о Государь, лаская ихъ,
Въ душѣ своей навѣрно презираешь.
Ты добръ, ты любишь подданныхъ своихъ,
Ты храбръ, ты благороденъ, и ты знаешь,
Что вѣрный шить для царствъ лишь тотъ на-
родъ,
Который въ вѣрности Царю и Богу твердь!

Карлъ (бьетъ его по плечу).

Ты честный человекъ, и это также вѣрно,
Какъ то, что я Король... Ты очень любишь
Царя?

Кремненко.

Онъ Русскій Царь, нашъ Богъ земной!
Всѣ преданы ему мы сердцемъ и душой!

Карлъ.

Скажи же землякамъ своимъ, что я
Неволю совѣсти ни чьей не буду,
Что если хочетъ кто свободы, славы
И почестей, тотъ станетъ пусть со мной;
Ктожъ предавъ искренно Петру, того
Ни приневоловать, ни притѣснить
Не будетъ Карлъ!

Кремненко.

Ты истинный Король!
Карлъ.

Такъ жилъ досель я, такъ поступалъ, сражался,
И умереть надѣюсь, какъ Король!
(къ прочимъ) Ну, господа! такъ здѣсь квартира
паша!

Насъ въ роскоши не можно упрекнуть...
И помещенье наше очень скромно.
Но съ Божьей помощью мы здѣсь не долго
Пробудемъ... скоро битва и побѣда...
А тамъ, Царь Петръ, конечно, намъ уступитъ
Получше что нибудь... Кто знаетъ... можеъ
быть.

Онъ и Кремлевскій свой дворецъ позволить
Занять намъ... Какъ вы думаете, Канцлеръ?

Шпереръ.

Ваше Величество! Я думаю, что мнрѣ
Приятно будетъ заключить въ Кремль;
Но я такой охотникъ до трактатовъ,
Что даже здѣсь бы радъ былъ заключить.

Карлъ.

Не давъ Царю Московскому сраженья,
Не повторя ему того урока,
Который я подъ Нарвой далъ?

Шпереръ.

Съ тѣхъ поръ
Вашъ ученикъ успѣховъ много сдѣлалъ...

Карлъ.

А мы, по вашему, чтожъ? разучились?

Шпереръ.

Напротивъ! Мы въ наукѣ побеждать
Такъ далеко зашли, что по неволѣ
На мысль приходитъ, какъ бы воротиться.

Карлъ.

Такъ Канцлеръ говоритъ... Онъ дипломатъ.
Но то ли скажутъ генералы... Ты
Мойвѣрный Рейншильдъ, ты мой Шпенбахъ,
Какъ думаете вы объ этомъ?

Рейншильдъ.

Ваше
Величество! Гдѣ нашъ Король, тамъ мы!
Гдѣ Карлъ, тамъ и побѣда!

Шпенбахъ.

Государь!
Мы Шведы, и что скажетъ нашъ Король,
То мы свершимъ, нль съ радостью умремъ.

Карлъ.

Гиртъ, Шпарре, офицеры всѣ, солдаты
Какъ думаютъ?

Гвртъ.

Богъ и Король, ихъ лозунгъ!
Побѣдой мы нашли въ Россію путь,
Побѣдою найдемъ и путь обратный.

Карль.

Вы слышите ли, Канцлеръ? Мы подпишемъ
Тотъ только миръ, который мы предпримемъ.

Я В Л Е Н І Е V.

Тъ же и Адъютантъ.

Адъютантъ.

Ваше Величество! въ Московскомъ войскѣ
Движеніе замѣтно... Въ форпосты
Подвинулись впередъ... ведеты наши
Сражался отступаютъ...

Карль.

Отступаютъ!

Драбантовъ на коней... Я посмотрю
Кто Шведъ — при мнѣ хотя на шагъ отступить!

Рейншлядъ.

Здѣсь два полка Драгунъ, я ихъ подвину...

Карль.

Не нужно ничего! тревожить войско
Не надобно! Форпостное тутъ дѣло!
Довольно и мопхъ драбантовъ...

Мазена.

Ваше

Величество... ужь ночь... Кто знаетъ пылъ
Движенья Русскихъ?

Карль.

Да зачѣмъ же, гегманъ,

Я и иду? Чтобъ видѣть и узнать!

Мазена.

Но если много ихъ...

Карль.

Такъ я сочту...

Кому угодно, господа, со мной?

Намъ къ ужину движеніе сдѣлать надо,

И Русскіе къ прогулкѣ насъ зовутъ...

Посмотримъ, чьи форпосты отступаютъ.

Я В Л Е Н І Е VI.

2-й Адъютантъ и потомъ 3-й Адъютантъ.

2-й Адъютантъ.

Форпостовъ Русскіе не подкрѣпляютъ...

Все дѣло только въ рекогносцировкѣ...

3-й Адъютантъ.

Взять непріятельскій драгунъ, въ потьмахъ

Онъ оборвался въ ровъ... его сейчасъ

Мы распросили ..

Карль.

Чтожъ онъ показалъ?

3-й Адъютантъ.

Что Русскіе, узнавъ перемѣненъ
Квартиры главной въ заднюю деревню,
Подвинули сюда свои форпосты,
Чтобъ сдѣлать рекогносцировку...

Карль.

Скоро

Доходить вѣсти до Царя! Ему
Съ большимъ усердіемъ служить!.. Очень радъ!
Я и не думалъ никогда скрываться...
Драгуну Русскому свободу дать,
И домъ тотъ показать, гдѣ я живу.
Пусть Царь Московскій все подробно знаетъ
Гдѣ отыскать меня... Теперь куда
Его форпосты я назадъ отброшу,
И покажу какъ Шведы отступаютъ!
Пойдемте, господа! покажемъ имъ,
Какъ Шведы и Король гостей встрѣчаютъ.
(Всѣ уходятъ, кромѣ Пипера, Кремненки и Ануси).

Я В Л Е Н І Е VII.

Пиперъ, Кремненко и Ануся.

Пиперъ (про себя).

Великъ и въ дерзости! Не дай-то Богъ,
Чтобъ Шведамъ довелось испытать
Великъ ли будетъ онъ въ часы несчастій!
Великій воинъ, первый полководецъ,
Король любимый войскомъ безпредѣльно,
Онъ помнить только прежнія побѣды,
И славою, и счастьемъ ослѣпленъ...
Дай Богъ, чтобы сбывшия надежды,
Но только я не раздѣлю ихъ!
И Русскіе, и Царь ихъ ужь не ты,
Которые подъ Нарвой такъ легко
Побѣду Карлу уступили... Пить!
При Калишѣ и при Лѣсномъ, они
Учителей порядкомъ прочули...
Что будетъ подъ Полтавой! (слышна издали
пѣсня Машки).

Это что?

Кто ночью пѣсни издумалъ пить?

Кремненко.

У насъ

Есть сумасшедшая одна въ деревнѣ...

Она и день и ночь пьетъ...

Пиперъ.

А гдѣ

Она живетъ?

Кремненко.

Все на кладбищѣ, днемъ же

Бываетъ у меня...

Пинеръ.

Теперь я вспомнилъ...

Какъ мы сюда пришли, я видѣлъ здѣсь
Быль молодой казакъ.. Онъ снѣтъ твой, что ли?

Кремненко.

Онъ дочери женихъ...

Пинеръ.

Гдѣжь онъ теперь ?

Кремненко.

Домой пошелъ... Прикажете за нимъ
Послать... Да онъ, я чай, самъ скоро будетъ..

Пинеръ.

Зачѣмъ ?

Кремненко.

Чтобъ почепать здѣсь... вѣдь невѣсту
Кому же караулить, какъ не жениху...
Теперь же много такъ солдатъ въ деревнѣ...

Пинеръ.

Какъ онъ придетъ, такъ ты скажи мнѣ, я
Его пораспрошу... (про себя) Кто могъ такъ
скоро

Въ станъ Русскій сообщить?... увидимъ...
(Вслухъ, указывая на другую комнату.) Тамъ
Все приготовлено?

Кремненко.

Драбанты все

Разставили, бумаги разложили...

Пинеръ.

Такъ я до Короля займуся тамъ... (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Кремненко, Ануся, потомъ Юрій.

Ануся.

О Боже мой! гдѣ Юрій?

Кремненко.

Вѣрно здѣсь!

Ты слышала, какъ Мама пла; онъ
Бонсея въ дверь птти, тамъ карауль...

Не въ огородъ ли онъ притаился?..

Ануся.

Я отворю окно и посмотрю.... (отворяетъ бо-
ковое окно.)

Кремненко.

Да тише, чтобы Шведы не слышали.

Ануся (тихо въ окно).

Ты здѣсь ли, Юрій?

Юрій (за окномъ).

Можно ли войти!

Кремненко (тихо).

Скорѣй, влѣзай....

Юрій.

Ружье оставить здѣсь?

Кремненко.

Да! спрячь въ грядяхъ, скорѣй ... да тише....

Ануся.

Тише! (онъ вскакиваетъ
въ комнату.)

Кремненко (все говорятъ въ
полголоса).

Ну, что? все удалось?

Юрій.

Все, и больше....

Кремненко.

Ты видѣлъ ли Царя?

Юрій.

Нѣтъ! у стрѣлковъ

Я Меньшикова встрѣтилъ, все сказалъ

И отдалъ... Онъ меня назадъ послалъ....

Кремненко.

Такъ это вѣрно онъ и цѣль подвинулъ....

Юрій.

Да! вслѣдъ за мной услышалъ я движеніе
И перестрѣлку....

Ануся.

Какъ же ты? тебѣ

Не видѣли ли Шведы?..

Юрій.

Въ томъ и дѣло,

Что я на нихъ ватянулся у кладбища....

Кремненко.

Ну, чтожь?

Юрій.

Я съ Машею бѣжалъ въ болото!

Они проклятые за мною... только

Всѣ, разумеется, отстали... ночью

Тропинки имъ нельзя было найти....

Одинъ, повыше всѣхъ, такой упрямый,

Всѣхъ ближе догонялъ меня... За нимъ

И всѣ лѣпились по болоту... Худо,

Подумалъ я, и взвелъ курокъ; пѣзъ тучъ,

Вдругъ мѣсякъ выглянулъ.... Я приложился,

А мой противникъ сталъ и погрозилъ....

Не знаю, что со мной вдругъ стало... только

Я дуло отъ груди его спустилъ

И въ ногу выстрѣлъ свой направилъ....

Кремненко (съ ужасомъ).

Боже!

И ранилъ ты его?...

Юрій.

Кажись, слегка....

Я мѣтился въ ступень....

Кремненко.

Что жъ было дальше?

Юрій.

Онъ захромалъ и вскрикнулъ, чтобы по мнѣ

Изъ ружей дали залпъ....

Ануся.

Ты раненъ вѣрно?

Юрій.

О нѣтъ! я тотчасъ же прилегу, и Мама,

И оба мы ползкомъ по круговой
Тропинкѣ пробрался къ ригѣ; тутъ
Запѣла Маша пѣсною... я жъ тихонько
Прокрался въ огородъ... Ну, вотъ и я!
Да что ты на меня такъ смотришь странно?

Кремненко.

Ты знаешь ли, въ кого теперь стрѣлялъ?
(слышенъ шумъ.)

О Боже мой! сюда идутъ... молчи!
Чтобъ ни спросили, помни, ты ни шагу
Не дѣлалъ изъ деревни.

Юрій.

Знаю...

Ануса (бѣгала къ наруж
ной двери).

Всѣ

Опять сюда идутъ...

Кремненко.

И самъ Король...
(про себя).

О Господи! Его ведутъ... онъ раненъ.

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Карль и свита его. Пинеръ выхо-
дитъ изъ другихъ дверей.

Карль (освобождаясь отъ
поддерживающихъ
его. Нога перевѣ-
зана).

Э! полноте! ну, что за рана! Миѣ
Совсѣмъ не больно... Развѣ я Ахиллъ,
Что рана въ пятку можетъ быть смертельна...
А любопытно было бы миѣ поймать
Негоднаго лазутчика...

Рейншильдъ.

У нихъ

Черезъ болото есть тропинка... надо
Подробно осмотрѣть ихъ...

Карль.

Негодяй

Изъ этой долженъ быть деревни... я,
Миѣ кажется бѣ узналъ его... онъ мѣтилъ
Сперва миѣ въ грудь... Миѣ приходилось худо...
Я погрозилъ ему... и онъ послушалъ!...
И выстрѣлъ и расчетъ его былъ вѣренъ...

Мазепа.

Какъ жаль, что не поймали мы его...
Сейчасъ измѣнника бы разстрѣляли.
А, впрочемъ, дѣло не ушло... Онъ здѣшній,
И мы сейчасъ узнаемъ кто ушелъ
Изъ хижины своей въ станъ Русскій... Эй,
Гдѣ староста?..

Кремненко.

Я здѣсь!

Карль (увидя Юрія).

Постой! а это кто?

Кремненко.

Женихъ моей Ануси... здѣшній...

Карль.

Гдѣ

Живетъ онъ?

Кремненко.

Черезъ домъ отсюда... впрочемъ,

И день и ночь бываетъ у меня...

Карль.

А предъ моимъ приходомъ былъ ли онъ?

Пинеръ,

Былъ... видѣлъ я его... но послѣ онъ
Исчезъ.

Мазепа.

Уже ль измѣна есть? позволите

Миѣ допросить его... Я все узнаю...

Кремненко.

Тебѣ узнать? тебѣ открыть измѣну?

Здѣсь есть предательство, здѣсь есть преда-
тель,

Но это ты одинъ...

Мазепа.

Несчастный!

Карль.

Тише!!

Я казака самъ допрошу... (Садится и дѣлаетъ
Юрію знакъ, чтобъ подошелъ. Тотъ при-
ближается и становится на колѣни. Карль
наклоняется къ нему и тихо говоритъ).

Послушай!

Ты выстрѣлилъ въ меня... Молчи! За это
Ты по законамъ долженъ быть разстрѣлянъ,
Я не нарушу ихъ... Но ты бы могъ
Попастъ миѣ и не въ ногу; жизнь моя
Была въ твоихъ рукахъ... и я обязанъ
Спасти тебя... Ты, кажется, въ станъ Рус-
скій

Дорогу знаешь хорошо... Бѣги жѣ
Сейчасъ туда... Бѣги скорѣй! покуда
Здѣсь Шведы; возвращаться ты не смѣй...
Ты вѣрно хорошо стрѣляешь, только
И Шведы болѣе не промахнутся...
Ступай... твою невѣсту и твой домъ
Я честно, вѣрно буду охранять (Юрій цѣлуетъ
его руку и медленно выходитъ изъ хижины,
сдѣлавъ рукою знакъ прощанія Анусѣ.)

Ануса (тихо отцу).

Куда онъ? Боже мой! Что это значитъ?

Кремненко.

Молчи.

Карль (Анусѣ).

Ты, милая, его невѣста?..

Ануса.

Такъ точно, Государь! Помилуй!..

КАРЛЪ.

Онь

Къ тебѣ воротится не скоро.... Я
Послалъ его далеко.... Будь спокойна,
Онь дѣлъ и невредимъ прійдетъ къ тебѣ.
А здѣсь ему бы было непріятно.
Стрѣлокъ хорошій онъ, да низко вѣтитъ.
(Указывая свою погу. Всеобщее движеніе.)

МАЗЕПА,

Какъ? неужели? И вы злодѣю
Позволили уйти? Тому, кто смѣлъ
Поднять на васъ предательскую руку!
Нѣтъ, я найду измѣнника, и вырву
Жизнь гнусную предателя, злодѣя....

Кремненко.

Такъ умертви же самъ себя, Мазепа!
Предатель и злодѣй здѣсь ты одинъ.

КАРЛЪ.

Старикъ! Какъ смѣлъ ты говорить при мнѣ
И оскорблять товарища и друга!

Кремненко.

Кто, Государь? Мазепа другъ тебѣ?
Онь твой товарищъ? Ты вѣчный Царь!
Помазанный ты Божій! Онъ злодѣй,
Предатель родины, клятвопреступникъ,
Котораго и вѣра, и отчизна
Отвергли, предали на ежъ проклятью...

КАРЛЪ.

Старикъ! молчи!...

Кремненко.

Нѣтъ, Государь, казни!

Вотъ голова моя! Богъ милосердо
Духъ приметъ грѣшника! Но умирая,
И подъ сѣкирой палача скажу,
Что не товарищъ и не другъ тебѣ
Отверженецъ, предатель и измѣнникъ!
Что онъ твоей особѣ стыдъ наноситъ!
Что онъ довѣренности твою срамитъ!
Что вѣренъ онъ тебѣ не можетъ быть...
Кто своему Царю и Вѣрѣ измѣняетъ,
Того здѣсь люди, тамъ Господь самъ отвер-
гаетъ.

МАЗЕПА.

Ваше Величество! Простите! я
Не въ силахъ болѣе сносить! Молю
И требую надъ нимъ примѣрной казни!...

КАРЛЪ.

За что?... Забыли вы, конечно, Гетманъ,
Что Богу я отдать отчетъ обязанъ,
За судъ и казнь людей!... Я признаюсь,
Что дерзость старика велика.... Только
Наказывать его я не могу....
Приблизьтесь! дайте руку! (Мазепа подходитъ
и подаетъ руку. Карлъ наклоняетъ его къ се-
бѣ ближе и говоритъ тихо.)

Между нами,

Старикъ несносный правду говорилъ....
За правду жъ никого я не казнилъ.

(Завѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Декорация та же).

ЯВЛЕНІЕ I.

КАРЛЪ, Пинеръ, Рейншлядъ, Шинниен-
бахъ, Мазепа и другіе генералы и полков-
ники, составляющіе военный совѣтъ).

КАРЛЪ.

Что жъ пишетъ Крассовъ?

Пинеръ.

Гольцъ, Снявскій,

Ему пути всѣ заграждаютъ; онъ
Ни двинуться сюда, ни отдѣлится

Отъ корпуса не можетъ ничего....
Не то Лещинскаго престолъ погибъ....

КАРЛЪ.

Пусть остается! Тотъ, кого возвелъ
Я на престолъ, на немъ остаться долженъ,
Хотя бъ я самъ погибъ.... А что Либекеръ?

Пинеръ.

Доносить, что при этомъ первомъ шагѣ, вся
Ингерманландія въ рукахъ враговъ....
И если не угодно намъ отдать....

Карль.

Хотя бь меня Царь Петръ загноилъ въ Сибирь,
Ни шагу я земли не уступлю
Добытой предками и Шведской кровью....
А что Султанъ? Что Крымскій Ханъ?...

Пинеръ.

Отъ нихъ

Нельзя диверсїи ожидать.... Диванъ
Не хочетъ разрывать съ Царемъ трактатовъ....

Карль.

Безумцы! спать надъ бездною, и не видать,
Что скоро пасть въ нее должны.... И такъ,
Намъ помощи не будетъ ни откуда!
Тьмъ лучше, Господа! самимъ себѣ
Побѣдою обязаны мы будемъ!

Ждать долѣ нельзя, и завтра битва!
Московскій Царь сюда насъ заманилъ,
И думаетъ, что мы уснули! — Нѣтъ!

Мы не спимъ, Московскій Царь, не спимъ!
Левъ дремлетъ, но онъ смотритъ на добычу,
Чтобы быстрѣй, вършитъ ее схватить!..

Царь Петръ не ждетъ насъ. Богъ и Карла мечъ
Рѣшать судьбу Царя, судьбу Россіи!
Въ Исторіи отгрянетъ бой Полтавы,
И наши имена прейдутъ вѣкамъ....

Готовы будьте.... Вся Европа смотритъ
На каждое движеніе наше.... Мы
Дадимъ газетамъ Европейскійи пищу....
Исполните свой долгъ, я свой исполню!
За Шведовъ Богъ и честь! Гдѣ Карль, тамъ и
побѣда!

Всѣ.

Вивать! вивать! Король нашъ! Нашъ герой!

Рейншильдъ.

Давно мы ждали этой битвы, Ваше
Величество! Въ восторгъ войско будетъ....

Шлиппенбахъ.

Оно исполните долгъ свой! Побѣждать
Привыкли съ вами Шведы....

Рейншильдъ.

Государь?

Благоволите дать всемъ генераламъ
Инструкцію....

Карль.

Побѣду одержать!

Вотъ вся инструкція! Разбить Петра —
И Русскихъ уничтожить!

Рейншильдъ.

Но пламя битвы....

Карль.

Подъ выстрѣлами завтра сообщу....
Я съ вами буду! Что жь еще вамъ надо?

Рейншильдъ.

На случай отступленія нуженъ пунктъ,
Куда ретироваться....

Карль.

Какъ куда?

Въ Москву! Другой не будетъ ретирады!
Рейншильдъ.

Расположеніе войскъ....

Карль.

Вечеровой

Приказъ по арміи вамъ все объявить!
Советъ военный конченъ, господа!

Идите и обрадуйте солдатъ. (Всѣ кланяются и
удаляются. Движеніемъ руки Карль оста-
навливаетъ Мазепу).

Останьтесь, Гетманъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Карль и Мазепа.

Карль (подастъ ему ру-
ку).

Все еще печаленъ!

Мы помирились, кажется, съ тобой....

Мазепа.

Ваше Величество! вы такъ добры,

Такъ милостивы.... Мнѣ желать осталось,

Чтобъ смертію моею запечатлѣть

Всю преданность мою къ особѣ Вашей.

Карль.

Я на нее надѣюсь... я увѣренъ въ ней.

Мазепа.

Но дерзость старости... Какъ я отъ ней стра-
даю!

При всѣхъ осмѣлится....

Карль.

Э! полно, Гетманъ!

Что значить мнѣнье для тебя толпы!

Ты цѣль высокую въ виду имѣешь,

И долженъ выше быть сужденій черни....

Мазепа.

Конечно... по три раза смердъ ничтожный

Рѣшился оскорбить меня.... Хотя бы

Для страха только вы благоволили

Отдать его во власть мою... я,

Конечно, жизнь его бы пощадилъ.

Карль.

А такъ бы маленькую пытку?... нѣтъ,

Любезный Гетманъ! Старика не тронь!

Онъ *вѣрно* служить Богу и Царю.

И я людей подобныхъ уважаю....

Да онъ же ни угрозы, ни истязаній

Твоихъ не побоятся, будь увѣренъ!..

Что дѣлать съ ними? Ужъ народъ такой!

Мазепа.

Ваше Величество! я не такихъ

Какъ онъ заставлялъ трепетать предъ мною....

И имя Кочубей еще гремитъ
Мои доносчикамъ, злодѣямъ въ страхъ...

КАРЛЪ.

Ты хуже, Гетманъ! Оттого-то ты
И мало здѣсь приперженцевъ имѣешь...
Да расскажи мнѣ кстати... Что ты сдѣлалъ
Съ той дѣвушкой?...

МАЗЕПА (съ видимымъ ужасомъ).

Съ Маріей?... Пошадите,
Ваше Величество!... За всѣ поступки,
Которые свершилъ я, я готовъ
Отдать отчетъ потомству... даже Богу...
Но эта дѣвушка... вспоминаешь,
О ней мучительно, ужасно, грозно!...

КАРЛЪ.

Ну, такъ не будемъ говорить о ней...
Я не хочу друзей своихъ тревожить...
Мнѣ надобно подумать о врагахъ...
Царь Петръ насъ завтра на свиданье ждетъ...
Мы будемъ, Царь Московскій! Приготовишь
Такое жъ угощеніе подъ Полтавою,
Какимъ подъ Нарвой угостили! Миръ
Ты предлагалъ мнѣ! Заклучимъ его,
Да только у тебя въ гостяхъ, въ Москвѣ!

МАЗЕПА.

О! если бъ это все скорѣй сбылось!

КАРЛЪ.

Да, Гетманъ! Намъ обоимъ очень нужно
Побѣду одержать... Намъ здѣсь не ловко...
Льва Шведскаго хотѣть поймать въ тенета...
Орелъ Московскій когти расправляетъ,
Чтобы схватить и заковать его...
Нѣтъ! рано Русскій Царь, нѣтъ, рано, Петръ!
Не веселѣе еще своей побѣдой!
Я дешево не уступлю ее...
Ты заманилъ меня сюда искусно,
Но берегись! Левъ перескочитъ съи
И разорветъ охотниковъ толпу... (Дѣлаетъ
сильное движеніе, но боль въ ногѣ видимо
останавливаетъ его).

МАЗЕПА.

Ваше Величество... Конечно, боль
Въ ногѣ еще сильна...

КАРЛЪ.

Ее побѣда
Чудесно завтра заживитъ (Мазепа хочетъ встать
его.)

Не тронь!

Я въ состоянн ходить одинъ.
И боль ничтожную преодолѣю...
Сейчасъ же сдѣлаю драгунамъ смотръ!
Пусть видятъ всѣ, что Карлъ здоровъ и веселъ.
Прощай, другъ Гетманъ. Завтра оба мы

Свою узнаемъ участь... Или ты — Герцогъ
Владѣтельный... или я Король безъ войска!
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

МАЗЕПА.

Что ежели второе? Гибель, гибель!
Вездѣ отчаянье и безнадежность!
Ахъ! рано я повѣрилъ планамъ Карла!
Что, если Сѣверный мой Александръ
Потерпитъ Даріево пораженіе!
Развѣска недалеко! Завтра, завтра!
Что вынется изъ урны роковой?
Кто бъ могъ подумать! Знаменитый вождь,
Заставившій Европу трепетать,
Не можетъ одолѣть толпы Московитянъ!
Что ежели ошибся я въ расчетѣ!
Побѣды Карла увлекли меня,
А честолюбіе заставило рѣшиться...
Я въ жертву все ему принесъ!.. Что, если
Полтава насъ обоихъ уничтожить...
(Садится и задумывается. Вдругъ подъ окномъ
раздается голосъ Маши).

МАША.

Злымъ не сдобровать!
Божья благодать
Освѣляетъ правыхъ.

МАЗЕПА.

Что это? что за голосъ! Холодъ смерти
По жиламъ пробѣжалъ.. Мечты! Мечты!
Довольно я несчастливъ и безъ мечты!
А вы мнѣ кажете вездѣ Марію...
Нѣтъ! все замолкло... Слава Богу! Грудь
Опять свободно дышитъ... Козни ада!
Вы покажите мнѣ моихъ враговъ!
Пусть явятся ко мнѣ изъ тѣи могильной,
Обезображенные смертью, ищемъ,
И головы свои въ рукахъ держа,
Я смѣло встрѣчу ихъ! Ни взглядъ, ни слово
Не обнаружатъ трепета во мнѣ...
Но только не Марію! не ее!
Съ ней встрѣчи я не въ силахъ перенести...

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАЗЕПА и МАША (входятъ, тихо
принимая.)

МАША.

Гдѣ жъ дѣвушка? пора бы на кладбище...
МАЗЕПА (увидя ее, съ ужасомъ отбѣгаетъ.)

Она! она! умилосердись, Боже!

МАША.

Кто этотъ старичекъ, не здѣшній! Здравствуй!
Куда идешь, откуда держишь путь?

Не въ Кіевъ ли на Богомолье?... Ахъ!
Давно собираюсь я сама туда...
Иль не въ Батуринъ ли идешь?... Тѣмъ лучше!
(Схватываетъ его за руку, и говоритъ тихо на
ухо.)

Тамъ у меня отецъ есть... Ты ему
Поклонъ отъ дочери снеси... Она...
Ахъ! я забыла, что случилось съ нею...
У ней былъ мужъ... Ахъ, нѣтъ! не мужъ, не

мужъ,
Но онъ былъ Гетманъ... Ты его не знаешь...
(всматривается въ него)

Постой!... вотъ странно!.. на него похожъ...
Нѣтъ! тотъ былъ лучше!.. Ахъ! гораздо хуже!..
Онъ умертвилъ отца... ты помнишь это?..
Ахъ! кто ты?... кто бъ ты ни былъ, возврати
Отца мнѣ, возврати отца!

(бросается на колѣни.)
Мазена (въ сильномъ вол-
неніи.)

Марія!

Маша,

Кто? кто Марія? гдѣ? Молчи! молчи!
Никто нея не знаетъ, знать не долженъ!...
Молчи! Мазена можетъ быть услышитъ...
Узнаетъ, можетъ быть, отецъ...

Мазена.
Нѣтъ силъ!
(Минута молчанія.)

А ты мнѣ нравишься... Я что-то помню:
Ты на него похожъ... Не ты ли это?
Скажи, признайся... нѣтъ! не говори!
Мнѣ страшно! что-то чудится!.. нѣтъ! нѣтъ...
Не ты?... не правда ли... не ты?... О, Боже!
Взгляни! взгляни! (ужасно вскрикиваетъ) Ма-
зена! смерть! прокляте!
(Убѣгаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

(Въ ту минуту, какъ Маша убѣгаетъ, входитъ
Карль и Пиперъ, и съ удивленіемъ смотрятъ
вслѣдъ за убѣжавшею.)

Карль.

Кто это? что за дѣвушка?...

Мазена.

Простите!

Я отвѣчать не въ силахъ... но скорѣй
За нею побѣгу... Она! Марія!..

(уходитъ.)

Карль.

Неужли это та?... Ты слышала, Графъ?...
Ты знаешь романтическую жизнь
Мазены?

Пиперъ.

Я не любопытенъ, Ваше
Величество... Богъ съ нимъ!... Да и теперъ

Не до романовъ... Польза Государства
И Вашего Величества...

Карль.

Ты, вѣрно,

Мнѣ проновѣдъ собираешься прочесть....
Пожалуй... къ смотру войско не готово...
Такъ можно Канцлера послушать....

Пиперъ.

Ваше

Величество! нашъ духъ высокой можетъ
Шутить въ опасностяхъ... Вы не привыкли
Къ противорѣчьямъ, къ убѣжденьямъ...

Карль (съ нетерпѣніемъ.)

Графъ!

Прошу безъ предисловій....

Пиперъ.

Можетъ быть,

Я возбужу вашъ гнѣвъ... но я исполню
Долгъ преданнаго, вѣрнаго слуги...

Карль.

Графъ Пиперъ! скоро къ смотру затрубить....
Вы опоздаете... прошу короче....
Въ чемъ вамъ угодно убѣдить меня?
Какой совѣтъ вы мнѣ подать хотите?

Пиперъ.

У вашихъ ногъ я умоляю, Ваше
Величество... (на колѣняхъ.)

Карль (ласково поднимаетъ
его.)

Э, полно! какъ не стыдно!
Въ чемъ дѣло? Развѣ я когданибудь
Сердился за совѣтъ, не слушалъ правды?
Ты знаешь, Графъ, что это долгъ мой....

Пиперъ.

Ваше

Величество! Вы завтра бой рѣшили....

Карль.

Ну, да! Пора Царю Петру напомнить,
Что мы не спимъ....

Пиперъ.

Но это битва, Ваше

Величество, — отчаянное средство....
Что, если проиграемъ мы ее?

Карль (грозно.)

Графъ!

Пиперъ.

Ради Бога, не сердитесь,
Ваше

Величество... Что, если эту битву
Мы проиграемъ?

Карль.

За кого, вы, Графъ,

Бонетесь? за себя иль за меня?

Ипперъ, ...
 Своихъ Помазаниковъ — Богъ хранить?
 А за себя!... что, государь, мнѣ въ жизни?
 Она ничто! Но польза Государства,
 Но благо Швеции, — но ваша слава; —
 Вотъ что всего священнѣе для меня!
 За нихъ-то я теперь насъ умоляю!
 Вы завтра бой рѣшили! но взгляните:
 Гдѣ мы — и кто предъ нами? кто за нами?
 Въ Россіи мы, огромной, безрельной,
 Далеко отъ границъ своихъ, друзей!
 Окружены народомъ сибирскимъ, храбрымъ
 И преданнымъ отчаянъ и Царю...
 Предъ нами Петръ, который мощной полей
 Народъ свой возсоздалъ, образовалъ!
 Съ нимъ войско закаленное въ бояхъ,
 Испытанное въ бѣдствіяхъ и счастья!
 Они уже не тѣ, которыхъ вы
 Подъ Нарвою и Фраушштатъ гнали;
 Они теперь отъ васъ же научились
 Искусству побеждать, — и эту тайну
 Не скоро Царь ихъ выпуститъ изъ рукъ...
 Они теперь отъ насъ защищаютъ,
 Честь, Вѣру, дома и семейства! Ваше
 Величество! помыслите, что будетъ!
 Какія слѣдствія произойдутъ,
 Когда мы завтра битву проиграемъ?

Карлъ.

Чтожь я, по вашему, обязанъ сдѣлать?

Ипперъ.

Миръ заключить!... Во чтобъ ни стало, миръ,
 И войско вывести изъ западни,
 Въ которую Царь Петръ насъ заманилъ...
 Пожертвуйте ему клочкомъ земли...
 Въ другое время второе вы возьмете...
 Левъ можетъ отступить, чтобъ сильнѣй
 Потомъ прыгнуть... О, Государь, повѣрьте,
 Вы преданности вѣрнаго слуги.
 Миръ, миръ съ Царемъ Московскимъ заключи-

(Слышны звуки трубъ).

Карлъ.

Вы слышите, Графъ Ипперъ... Смотръ готовъ!
 Я, кажется, все выслушалъ, что Канцлеръ
 По долгу службы мнѣ хотѣлъ сказать...
 Теперь позвольте мнѣ другимъ заняться...
 Я тоже долгъ свой знаю, Графъ, и вѣрьте,
 Что благо Швеции и слава войска
 Мнѣ дороги не менѣе васъ... Прощайте...

(Идетъ къ двери, но вдругъ оборачивается и
 увидя, что Ипперъ печально поникнулъ голо-
 вою, возвращается и дружески облакачивается
 къ нему на плечо).

Все это вамъ сказалъ Король, а Карлъ
 Благодарить тебя за дружбу, Ипперъ...

Ты добрый, честный *Шведъ*... Дай руку мнѣ,
 И помни, что за правду никогда
 Я не сержусь, а больше уважаю...
 (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Ипперъ одинъ, потомъ Мазепа.

Ипперъ (про себя).

И на него возможно ли сердиться!
 Съ какою радостью я за него
 Всю кровь пролью!... Мой добрый Карлъ!
 Какъ ты великъ, и даже въ заблужденхъ!
 Да сохрани тебѣ Господь отъ бѣды!
 Еще, еще бы торжество одно!
 Последнюю бѣ побѣду! Ахъ! изъ всѣхъ
 Она нужнѣй, спасительнѣй для насъ!

Мазепа (въ задумчивости).

Исчезла! нѣтъ ее! то призракъ былъ!
 Нѣтъ, не она! волшебство, чары ада...
 Она черезъ болото побежала...
 Которое непроходимо... Нѣтъ!
 То духъ лукавый принялъ видъ ея!...
 Во снѣ и на яву теперь я часто
 Враждебныхъ вижу призраковъ толпы!...
 Ахъ! голова моя горитъ!... я боленъ!...

Ипперъ.

Что такъ задумался, Гетманъ?

Мазепа.

Графъ!

Вы извините... я васъ не пригласилъ...

Ипперъ.

Не видѣли ль вы Короля?

Мазепа.

Онъ тамъ

Смотръ войску дѣлаетъ...

Ипперъ.

А много ль завтра

Изъ нихъ останется въ живыхъ?

Мазепа.

Судьба

Одна объ этомъ знаетъ!...

Ипперъ.

А побѣду,

Какъ думаете, кто одержитъ?

Мазепа.

Графъ!

Какой вопросъ! Король нашъ, безъ сомнѣнья!

Ипперъ.

Увѣрены ль вы въ этомъ?

Мазепа.
Можно ль, Графъ,
И сомнѣваться?

Пинеръ.
Можно, Гетманъ, можно!
Я первый сомнѣваюсь...

Мазепа.
Вы? его
И другъ и канцлеръ?...

Пинеръ.
Да! и если бь онъ
Совѣтамъ преданныхъ людей внималъ...
Онъ не замедилъ бы такъ далеко!

Мазепа.
Графъ!
Я удивляюсь.... Что же можетъ быть
Блгстательней Московскаго похода?

Пинеръ.
Развѣска близко! Богъ и Карла мечъ
Быть можетъ насъ обрадовать победой.
И Швецію отъ гибели спасуть...
Но ежели противное случится...
То тяжело отвѣтъ тѣмъ будетъ дать,
Которые сюда насъ заманили,
Намъ общаѣи горы насулили,
И не исполня равно ничего,
Намъ только къ безднъ указали путь,
Чтобы предательски въ насъ столкнуть.

Мазепа.
Кто жь эти люди, канцлеръ?

Пинеръ.
Первый въ!

Да, Гетманъ! Ваши ложныя надежды,
Внушенья, общанья и советъ
Къ Полтавѣ Карла привели. Зачѣмъ?
Что здѣсь намель онъ? что еще найдеть?
Вы Королю побдой близкой льстите!...
Не такъ ли же увѣрены вы въ ней,
Какъ въ вашихъ общаньяхъ и надеждахъ?
Вы насъ увѣрили, что все казаки
Подъ вашими знаменами пойдуть...
Какая горькая ошибка! Кромъ васъ
Мы въ станъ Шведскомъ никого не видимъ...
Все васъ оставили, все сохранили
Долгъ вѣрныхъ подданныхъ; все къ намъ вра-

жду
Къ вамъ ненависть питають, и теперь
Не о побдѣ, не завоеваньяхъ
Должны мы думать, объ одномъ спасеньи!
И кто жь всему виной? Одинъ вы, Гетманъ!
Я повторяю, если мы погибнемъ,
То тяжело намъ будетъ отвѣчать
Предъ нами, предъ Европой, предъ потом-

ствомъ...
А передъ совѣстью и передъ Богомъ...
Да это дѣло не мое... Прощайте. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Мазепа, потомъ Кремненко.
Мазепа.

Безумецъ! что твой голосъ надъ Мазепою!
Такія ль рѣчи слышать я привыкъ!
Гамъ, гдѣ ударила гроза небесъ,
Что можетъ сдѣлать голосъ человека?
На мигъ бы заглянулъ ты въ грудь мою,
Хоть часъ бы снамъ моимъ ты насладилась,
И ты замолкъ бы предо мной на вѣкъ!
Что мнѣ твои слова! Ты ни думаешь
Смутить меня, обдѣть, уничтожить!
Ты жестоко ошибся! Ты меня
Почти обрадовалъ... Ахъ! я давно
Упрековъ благородныхъ не слышалъ...
Какъ честный Шведъ ты все сказалъ, что ду-

малъ...
Не словъ боюсь я... нѣтъ, боюсь молчанья!
Движенье каждое и каждый взглядъ
Мнѣ въ душу льютъ по каплѣ смертный ядъ!
Притворное почтенье, состраданье
И предложенье помощи, услуги,
Вотъ что меня терзаетъ, убиваетъ!
Вотъ что всего ужасней, ненавистней!
Кремненко (про себя).
Вотъ и отверженецъ проклятый! скоро
Тебя постигнетъ судъ небесъ...

Мазепа (оглядывается, про себя).
Вотъ этотъ

Фанатикъ дерзкій жепѣи мнѣ несносятъ,
Чѣмъ въака учтивость царедворцевъ.
Тамъ чувства, скрытыя полуслова общидий,
Чѣмъ здѣсь бессмысленный потокъ рѣчей.
Кремненко (про себя).
Онъ давеча бѣжалъ за Машей... какъ бы
Узнать объ этомъ?... неужели онъ
Въ ней перелетчину подозрѣваетъ
И хочеть вывѣдать?...

Мазепа.
Я у него
Могу спросить о ней... она ль?.. Марія? (ему.)
Старикъ! послушай! я недавно видѣлъ
Здѣсь дѣвущку...

Кремненко.
Ануся? дочь моя!...
Мазепа.

Нѣтъ! ту я знаю... Но другая кто-то
Явилась на минуту, пѣсни пѣла...
И вдругъ исчезла...

Кремненко (про себя).
О злодѣи!...
(ему.) Ахъ! знаю!

То вѣрно сумасшедшая... Она
Давно живетъ въ деревнѣ...

Мазепа.

Но откуда

Пришла и кто она?

Кремненко.

Да развѣ можно

Распрашивать безумныхъ? Никому

До этого нѣтъ дѣла... Нищихъ духомъ

Должны питать мы и пещись о нихъ.

Господь сказалъ намъ: яко тѣхъ

Есть царствіе небесное!... Гетманъ, Гетманъ,

Уже ль ты мало взялъ грѣха на душу,

И хочешь кровь еще невинную пролить?

Что сдѣлала она тебя?

Мазепа.

Съ чего ты взялъ!

Какая мысль?

Кремненко.

Къ чему скрываться, Гетманъ,

Ты вѣрно знаешь кто она?

Мазепа.

О Боже!...

(схватываетъ его за руку.)

А ты, несчастный, развѣ знаешь все?

Кремненко.

Что, Гетманъ? я тебя не понимаю....

Мазепа.

Не понимаешь? что жъ сейчасъ сказалъ?...

Кремненко.

Я за несчастную боялся.... Ты за него

Бѣжалъ недавно.... Я подозревалъ,

Что умертвить ее ты хочешь....

Мазепа.

Я?

Несчастный! знаешь ли ты кто она!

Молчи! не говори! нѣтъ! ты не знаешь!...

Кремненко (про себя).

Что значить?... Неужель въ его душѣ

Раскаянье есть, состраданье!... Боже!...

Пути твои таинственны и святы....

Ты грѣшниковъ погибели не хочешь,

Отверзта всемъ раскаянія дверь....

Что смелъ Господня благодать

Заодно путь спасенія указать....

Но нѣтъ! не можетъ быть! кто такъ глубоко

Погрязъ пороковъ, преступленій въ бездну,

Не возвратится тотъ къ стезѣ добра....

(Ему).

Послушай, Гетманъ.... Я тебя недавно

Трикратно оскорбилъ.... Но я былъ правъ....

Когда бъ ты могъ почувствовать, постигнуть....

Мазепа.

Что мнѣ твои слова?... Что всѣ проклятыя!

Маріи видъ ужаснѣй адской муки!

Кремненко.

Маріи?... Боже мой! но кто жъ она?

Марія?... Неужель?... постой! я слышалъ,

Что умертвя отца, ты дочь дерзнулъ
Предать безчестію.... Ужели?... Боже!...

Мазепа.

Молчи! клянусь, полслова, и ты мертвъ!

Кремненко.

О! смертью не пугай меня.... Я къ ней

Готовъ, какъ Христіанинъ, всякій часъ....

Вотъ какъ-то, Гетманъ, встрѣтншь ты ее?

А особливо если къ изголовью

Прійдетъ Марія съ головой отца!

Мазепа.

Духъ адскій, замолчи!.. Я презиралъ

Безумныя ругательства твои;

Но о Маріи мнѣ не говори....

Я перенесъ не въ силахъ....

Кремненко.

Гетманъ, Гетманъ!

Какъ глубоко упалъ ты въ бездну зла....

Я презиралъ тебя.... теперь жалю....

Послушай! неужели нѣтъ въ тебѣ

Ни искры Христіанской Вѣры?... вспомни

Что дверь къ раскаянью всегда отверзта,

Что Божье милосердіе безпредѣльно,

Что можешь душу ты еще спасти,

И съ совѣстью, и съ Богомъ примириться....

Мазепа.

Безумецъ! замолчи! все поздно!

Кремненко.

Нѣтъ!

Не поздно, Гетманъ! нѣтъ! Богъ милосердъ!

Царь Русской въ благодати ему подобенъ!...

Раскайся, и пади къ его ногамъ!

Я поведу тебя... простой казакъ....

Пути къ нему я знаю.... Гетманъ, Гетманъ!

Минуты дороги! рывнись! спаси

Ты душу отъ геенскаго огня,

А ния отъ проклятія потомства!...

Пойдемъ, пойдемъ со мной!

Мазепа (въ ужасной вол-
неніи).

Куда? зачѣмъ?

Оставь меня, несчастный!

Кремненко.

Не оставляю!

Кто знаетъ, можетъ быть Всевышней Волей

Я предначиненъ, чтобъ спасти тебя....

Мазепа! я у ногъ твоихъ. (Становится на колѣ-
ни). Молю!

Не отвергай души своей спасенья!

Спаси себя, спаси нашъ край родной

Отъ вѣчнаго стыда передъ потомствомъ,

Что между нами былъ одинъ предатель....

Пойдемъ.... (Тихо ему). Тропинки есть! я знаю

ихъ....

Я приведу тебя къ стопамъ Царя....

Мы вмѣстѣ упадемъ.... воскликнемъ оба

Умилосердись, Государь! помилуй!
 Мечъ не съѣчетъ повинной головы!
 Вотъ грѣшникъ предъ тобой и передъ Богомъ,
 Къ раскашью его будь милосердъ!
 Ты нашъ отецъ, нашъ Царь, нашъ Богъ зем-
 ной!
 Будь благъ, будь милостивъ! спаси! помилуй!...
 Мазепа.

Нѣтъ! невозможно! поздно все....

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Марія.

МАРІЯ (входитъ непринятно при послѣднихъ словахъ Кремненко, безмолвно смотритъ на обонихъ; тихо подойдя, кладетъ руку на плечо Мазепы, и говоритъ торжественнымъ голосомъ).

Мазепа! (Опъ съ ужасомъ узнаетъ ее, и вскрикивалъ закрываетъ лицо руками).

Мы скоро всѣ пойдемъ на судъ Творца;
 Спѣши же съ совѣстію примириться.
 Послѣдній срокъ судьба тебѣ даетъ!

Передъ тобой проклятыя, вѣчность, адъ!

Мазепа, поспѣши! назадъ, назадъ!

Раскайся, и тебя.... (тихо на ухо) проститъ
 Марія.

Раскайся, и ес, быть можетъ, ты
 Спасешь отъ вѣчной муки!...

Кремненко.

Гетманъ! видишь

Какъ милосердъ къ тебѣ Гостодь!... Марія

Разсудокъ оцъ на время возвратилъ,

Гласъ истины въ уста ея вложилъ....

Рѣшися, раскайся! ты прощенъ, спасенъ!

Тебя Святая Церковь ожадасть,

Отечество объятъя простираетъ,

И голосъ совѣсти, и честь тебя зоветъ,

И Царь великій, милосердый ждетъ!

(Слышны звукы трубъ).

Мазепа.

Смотръ кончель! Карль сюда идетъ! все поздно,

Судьба моя на вѣки рѣшена!

Я не боюся путь себѣ избрать,

Не усташусь его и продолжать!

Прочь отъ меня!

Кремненко.

Погибъ на вѣки оцъ!

МАРІЯ.

Мазепа! горе! горе!... въ смертный часъ
 Еще увижусь я съ тобой.... Прощай....
 (Оба уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Мазепа, потомъ Карль и вся свѣта.

Мазепа.

Что было здѣсь? Кто говорилъ со мной?
 Я не лишился ли разсудка? (Входитъ Карль)
 Карль!

Карль (садится).

Благодарю васъ, господа! Я смотрю
 Доволенъ чрезвычайно! Войска духъ
 Мнѣ втриую побѣду обѣщаетъ!

Надѣюсь на содѣйство ваше! Завтра

Мы на поляхъ Полтавы повторимъ

Урокъ нашъ Нарвскій... Войску объявить,

Что до разсвѣта выступаемъ мы!

Я докажу Петру, что мы не спимъ!

А если онъ заснулъ, такъ мы его

Разбудимъ... Правда, онъ построилъ много

Окоповъ и редутовъ... Знакъ дурной!

Кто слишкомъ остороженъ, тотъ боится...

Кто прячется за шапками, тотъ слабъ!

Намъ, господа, не нужны укрѣпленья!

Защита Шведовъ — мужество и Богъ!...

Кто, господа, окопы взять берется?...

Роосъ.

Назначьте, Государь! всѣ будемъ рады!

Карль.

А! храбрый Роосъ, помню я, что ты

Подъ Добрыми удивилъ меня... Тебѣ

Я поручаю взять окопы...

Напомни, какъ подъ Нарвою ихъ брали...

Роосъ.

Я ихъ возьму — или останусь въ нихъ...

Карль.

Алардъ! ты съ конницей своей поддержишь

Атаку Рооса... Шляппенбахъ! всѣ наши

Орудія на правый флангъ поставитъ...

Шляппенбахъ.

Четыре пушки, Государь... не больше?

Карль.

Конечно, очень мало!.. мы замѣнимъ

Ихъ нашей храбростью... Пусть скажетъ свѣтъ,

Что побѣждать умѣемъ мы безъ пушекъ...

У Русскихъ много ихъ... такъ завтра съ ними

Мы дружески подѣлимся... Ты, Рейншильдъ,

Со мною будешь завтра безотлучно...

Верхомъ я ѣхать не хочу... Нога

Мѣшаетъ... Приготовить мнѣ носилки...

Меся вы, господа, найдете тамъ,

Гдѣ болѣе опасности и славы!

Идите, приготовьте войско къ бою!...

Пароль нашъ — Богъ, а лозунгъ — Карль! Побѣда!

ДВѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

(Та же декорация. Во все продолженіе акта до послѣдняго явленія слышны выстрѣлы).

ЯВЛЕНІЕ I.

Кремненко и Ануся.

Ануся.

Ахъ, батюшка! что съ нами будетъ! слышишь
Какъ тамъ палятъ... Ахъ, кто-то побѣдить?

Кремненко.

Какъ Господу угодно! все въ Его
Священной волѣ... мы должны молиться...

Ануся.

Я промолилася всю ночь...

Кремненко.

Съ тобой

И миліоны за Царя молились!
Авось святую Русь спасетъ Господь!

Ануся.

Ахъ, гдѣ-то Юрій?

Кремненко.

Юрій твой счастливецъ!

Онъ подъ знаменами теперь Царя
Сражается съ врагами...

Ануся.

Боже мой!

Ну, какъ убьютъ его?

Кремненко.

Тогда Господь

Въ селеньяхъ райскихъ наградитъ его.
За Вру и Царя честна, пріятна смерть.

Ануся.

А все безъ Юрія мнѣ грустно будетъ...

Кремненко.

Сюда идуть... бѣги на крышу — тамъ
Видѣе, какъ вдали идетъ сраженье...

Ануся.

Когда бы Юрія увидать мнѣ (Ануся уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Пиперъ и Кремненко.

Кремненко.

Приказъ исполненъ вашъ. Со всей деревни
Военной контрибуціи я собралъ
Три тысячи цѣлковыхъ, вотъ они. (Ставить
мѣшокъ на столъ).

Пиперъ.

Драбантъ! въ коляску положи. (Драбантъ бе-
ретъ мѣшокъ и уходитъ). Послушай,
А этотъ шкафъ, сокровище твое...

Кремненко.

Король далъ слово, неужель нарушить?..

Пиперъ.

Ни твоего, и ничего мнѣня.
Не тронуть Шведы, если бъ даже Карлъ.
И слова не давалъ... Но я тебѣ
Коммерческую сдѣлку предложу...
Его Величеству ты дашь займы,
Получишь королевскую расписку,
За тысячу червонныхъ, въ полторы...
Теперь идетъ сраженье... если мы
Одержимъ славную побѣду, ты
Въ Москвѣ и отъ меня получишь деньги...
Когда же иначе рѣшить судьба,
То Государственный Совѣтъ въ Стокгольмѣ
Тебѣ заемъ нашъ возвратитъ... Довольволь?

Кремненко.

Я темный человекъ! не понимаю
Всѣхъ этихъ сдѣлокъ. Все, что есть, возьми.
Богъ далъ мнѣ, Русскій Царь мнѣ возвратитъ.

Пиперъ.

Ты, кажется, упрямъ, старикъ! смотри!
Не ошибись въ своемъ расчетѣ... если
Мы побѣдимъ, то все твое, конечно,
Здѣсь въ цѣлости останется; но если
Побѣду Русскіе одержать, если
Мы быстро будемъ отступать, тогда
Я не ручаюсь, чтобы мы успѣли
Тебѣ расписку дать... Подумай! лучше
Быть обезпеченнымъ на всякій случай...

Кремненко.

Расчетъ мой очень вѣренъ! онъ вѣдь въ Богѣ!
Допуститъ ли Господь Россіи пасть?
Допуститъ ли пришельцамъ, иноверцамъ
Надъ Православіемъ торжествовать?..
(Сильные выстрѣлы.)

О! въ этихъ грозныхъ звукахъ слышу я
Рѣшеніе судьбы, Петра побѣду!
И бѣгство близкихъ враговъ! — тогда
Берите все, возьмите жизнь мою,
Я умирая буду восклицать:
Побѣда! Русь святая побѣдила!
Тогда я самъ открыто побѣжденнымъ
Безымянное сокровище мое...
Тогда, поверьте мнѣ, его вы сами

Не захотите ваять... А если Богъ
Судить продатьъ годову испытаній,
Когда одержите победу вы,
То что тогда въ имѣнїи мнѣ и жизни?
Возьмите все!—но и тогда со мною
Остается сокровище мое.

Пинегъ.

Съ тобою трудно сговорить, старикъ,
Но повторяю я, — не ошибись!

Я В Л Е Н І Е III.

Тѣже и Адъютантъ.

Адъютантъ.

Его Величество прислалъ меня
Сказать вамъ, Графъ, что все идетъ прекрасно.
Начало битвы общается намъ
Побѣду славою... Мы прорвались
Сквозь шесть редутовъ... Русскіе теперь
Выводятъ войско изъ окоповъ...

Кремненко.

Боже!

Ужели это правда?...

Пинегъ.

Возвратитесь

Къ Его Величеству... скажите, я
Въ восторгѣ... да хранитъ его Господь
Отъ всякъ опасностей... Благодарите
За милость и за радость (Адъютантъ уходитъ).
Слава Богу!

Намъ вѣногда еще такъ не нужна
Была побѣда!..

Я В Л Е Н І Е IV.

Тѣже и Мазепа (выходитъ въ задумчивости).

Пинегъ.

Гетманъ! вы откуда?

Мазепа.

Я? съ поля битвы...

Пинегъ.

Государь сейчасъ

Обрадовалъ меня извѣстьемъ... Вы
Не ранены?

Мазепа.

Нѣтъ?

Пинегъ.

Мы продолжаемъ.

Однако же гнать Русскихъ?

Мазепа.

Нѣтъ! — они

Теперь сражаются только начинаютъ...

Пѣхота вышла и стѣною стоитъ...

Пинегъ.

Король и Шведы сломятъ эту стѣну...
Но вы... зачѣмъ же съ битвы возвратились?

Мазепа.

Его Величество послалъ меня
Къ вамъ, Графъ, чтобъ успокоитъ васъ...

Пинегъ.

Меня?

Что это значить? развѣ я боюсь?

Я Шведъ и Канцлеръ Короля! слыжалъ

Я выстрѣловъ довольно...

Мазепа (съ горькою усмѣшкою).

Если намъ

Угодно, Графъ, я расскажу лѣстѣ...
Присутствіе мое казалось многимъ

Зловѣщимъ, неприятнымъ — и Король

Отправилъ въ главную меня квартиру...

Кремненко.

Не мудрено! какое войско можетъ

Присутствіемъ измѣнника быть твердо!...

Пинегъ.

Старикъ! опять ты началъ...

Мазепа.

Что его

Ничтожныя слова! Тамъ было мнѣ

Больше, Графъ!

Пинегъ.

Спокойнѣе, Гетманъ, будьте!

Незначущую неприятность намъ

Король стократъ вознаградитъ... Такъ въ

Сраженіи оставили въ разгарѣ?

Мазепа.

Если

Судить по гулу выстрѣловъ... быть можетъ,

И вѣтеръ прямо ихъ сюда привоистъ...

А кажется онъ слышится...

Пинегъ (про себя).

Да!.. вѣрите

Я поступлю, къ отъѣзду приготовивъ...

Казна и канцелярія въ коляскѣ...

Пойти и уложить все остальное (уходитъ).

Я В Л Е Н І Е V.

Тѣже безъ Пинегъ, потомъ Магїя.

Мазепа.

Жестокій Карлъ! и умереть мнѣ не далъ
На поля битвы!..

Кремненко.

Слишкомъ смерть слава

Такая для Мазепы! жаждетъ ее

На мѣстѣ лобномъ, гдѣ законъ караетъ

Преступниковъ, измѣнниковъ отчизны!

Мазепа.

Проклятый воронъ, замолчи предъ бурей

Закаркалъ ты! я съѣло жду се...
 Кто знаетъ, чья еще побѣда будетъ!
 Кто знаетъ, атожь громъ кого разить!
 Кто въ торжество прійдетъ, кто побѣжитъ!

Марія (входитъ).

Что дѣлается тамъ? земля дрожитъ,
 И выстрѣлы слышите и слышите...

Мазепа.

Она! опять она!

Марія.

Мазепа! здѣсь?

Поди, поди туда! повѣрь, тамъ лучше!
 А здѣсь не сдобровать тебѣ...

Мазепа.

Марія!...

Разсудка силы собери... скажи,
 Зачѣмъ ты скрылась отъ меня, бѣжала?
 Зачѣмъ теперь ты отъ меня бѣжишь?
 Оставь свою скитательную жизнь!
 За мной послѣдуй въ счастье и несчастье!
 Забыла ль, что ты мнѣ принадлежишь?

Марія.

Нѣтъ, не тебѣ! нѣтъ! — Богу одному!
 Онъ отнялъ у меня разсудокъ мой,
 Чтобы я не такъ страдала, а теперь
 Онъ мнѣ послалъ минутный свѣтъ — на то,
 Чтобы съ Церковью святою примириться...
 Чтобы къ смерти приготовиться душой!
 Я чувствую, мой часъ насталъ, конецъ
 Печальной жизни близокъ.... О, Мазепа!
 Вчера бы я еще могла спастись
 Тебя отъ гибели спасая... Ты
 Отвергъ совѣты наша и мольбы!
 Вчера бы съ радостью я умерла,
 Когда бы ты посядовалъ за мною!
 Сегодня я могу молиться только
 И плакать о тебѣ... Ахъ! что ты сдѣлалъ,
 За что себя на вѣки погубилъ?
 За что меня несчастную повлекъ
 Въ ужасный грѣхъ и вѣчную погибель.
 Но милосердъ Господь! Онъ не отвергнетъ
 Раскаянныя преступницы.... Прощай
 Мазепа! мы уже ни въ этой жизни,
 Ни, съ милосердіемъ ко мнѣ Господнимъ,
 И въ той не встрѣтимся.... Какъ христіанка
 Тебя прощаю я теперь за все,
 За все, что ты со мной несчастной сдѣлалъ...
 О! если бы Господь простилъ тебя
 И за твои другія преступленья!
 Мазепа! обратись къ нему съ молитвой!
 Вѣрь, никогда раскаяться не поздно!...

Я В Л Е Н І Е VI.

Тѣ же и Ануся и Юрій побѣгаютъ.

Ануся.

Вотъ онъ! вотъ батюшка!

Кремненко.

Ты Юрій!

Откуда? что съ тобою? ты задохся!...

Юрій.

Бѣжалъ.... меня прислалъ.... За мной идутъ
 О! я сказать не въ силахъ.... грудь моя
 Съ восторга разрывается.... (кричить.) Побѣда!
 Побѣда, батюшка! Царь Русскій побѣдилъ!
 Разбиты Шведы!

Кремненко (всѣ бросаются
 на колѣни, кромя Мазепы).

Боже милосердый!

Ты сохранилъ народъ свой и прославилъ!
 Ты спасъ святую Русь! низвергъ гордыню!
 О Господи! прими благодаренье
 Какъ жертву радости на твоей святой алтарь!
 Великъ нашъ Богъ! великъ нашъ Русскій Царь!

Мазепа.

И такъ все кончено! спасенія нѣтъ!

Померкли всѣ надежды, всѣ мечты!

И здѣсь, и тамъ я осужденъ на вѣкъ!

Драбантъ! скорѣ осѣдлай коня!

(Драбантъ уходитъ.)

Недостаетъ теперь мнѣ въ плѣнъ попасться!...
 Нѣтъ! этой радости не дамъ Царю!
 (хочетъ идти, но Марія быстро и сильно схва-
 тывается за него.)

Марія.

Куда ты, Гетманъ? развѣ ты забылъ,
 Что ты меня съ собою пригласилъ,
 Что я твою, что ты хотѣлъ свой жребій
 Со мной дѣлить и въ счастье и несчастье.
 Нѣтъ, Гетманъ! ты со мной остаться долженъ:
 На плаху ты умѣлъ извести отца...
 Я посмотрю какъ ты пойдешь туда же!

Мазепа.

Безумная! оставь меня... Ты видишь....

(Показываетъ въ окно.)

Отряды Русскихъ показались....

Марія.

Знаю....

И вѣдь-то я тебя, Мазепа, передамъ,
 Какъ драгоценную добычу палача....

Мазепа.

Несчастливая! оставь! нѣтъ ты погибла?

Смотри: кинжалъ мой.... (Извлекаетъ кин-
 жаль).

Марія.

Поражай, злодѣй!

Живую, ты меня не оторвешь,
 Чрезъ трупъ мой только ты отсель уйдешь,
 Мнѣ любо будетъ проводить тебя
 На мѣсто лобное, на плаху....

Мазепа.

Прочь

Несчастная! (Поражаетъ ее). Нтъ! нтъ! еще не скоро Отдѣлся въ руки я Царю. (Выскакиваетъ въ окно).

Кремненко (Ануса и Юрій бросаются и уносятъ ее въ кабинетъ).

Марія!

Ты ранена! Чудовище!

Марія (уходя).

Молчи!

Я умереть сама хотѣла! Боже!

Раскаленные грѣшницы прими! (Юрій и Ануса послѣ непримѣтно возвращаются).

Я В Л Е Н І Е VII.

Тѣ же, Адъютантъ и Пиперь.

Адъютантъ.

Скорѣ, Графъ, скорѣ! мы разбиты!

Его Величество велѣлъ спасать

Казну, бумаги!... (Въ это время драбанты выносятъ изъ другой комнаты портфели и чемоданы. Сквозь окна видны толпы Шведовъ, бѣгущія въ разныхъ направленіяхъ).

Пиперь.

Но-Король самъ гдѣ?

Погибни все! лишь былъ бы онъ спасенъ?

Адъютантъ.

Сейчасъ сюда за мною будетъ...

Пиперь.

Онъ

Не раненъ?

Адъютантъ.

Нтъ! но боль вчерашней раны

Мѣшаетъ на конѣ сидѣть...

Пиперь.

Драбанты!

Казну беречь... Теперь намъ въ бѣгствѣ деньги Всего нужнѣй!... (Къ Кремненко). Ты староста! давай

Скорѣй, что есть въ твоёмъ шкафу... я дамъ

Сейчасъ росписку...

Кремненко.

Мнѣ ее не нужно...

А нужнѣе вамъ сокровище мое,

Увидите вы сами! отворите,

И посмотрите, захотѣлъ взять?... (Съ трескомъ срываетъ планку, которою шкафъ былъ задѣланъ. Онъ открывается. Виденъ во весь ростъ портретъ Петра).

Вотъ все сокровище, моя святыня!

Вотъ что дороже жизни? вотъ предметъ И мой, и всей Россіи обожанья! (Русскіе становятся на колѣни. Музыка подъ сурдиною играетъ народный гимнъ. Выстрѣлы перестаютъ).

Я В Л Е Н І Е VIII.

Тѣ же и Карлъ (въ величайшемъ безпорядкѣ, съ нѣсколькими адъютантами.)

Карлъ.

Коня! скорѣй коня! Графъ Пиперь, Гетманъ! За нами гонятся... (увидя портретъ.) А! это что!

Петръ! Петръ! вездѣ тебя встрѣчать я долженъ

На полѣ битвы! ты и здѣсь и тамъ!

Братъ Петръ! Ты побѣдилъ! теперь я вижу,

Что ты великій Государь, а я

Великій только полководецъ былъ!

Ты отплатилъ за Нарву мнѣ жестоко!

Ты горькій далъ урокъ мнѣ! но межъ нами

Борьба еще не кончена! И я,

Быть можетъ, отплачу тебѣ... (слышны звуки трубъ.)

Коня!

Скорѣй коня! вотъ Русскіе! коня!

Пиперь.

Но ваша рана...

Карлъ.

Все равно! коня!

Сперва спасемся, послѣ будемъ думать

О ранахъ... Гирта, гдѣ твой конь! подай!

Спасайся, Пиперь, Господа! спасайтесь!

(Быстро уходитъ, за нимъ и всѣ Шведы.)

Кремненко.

Вотъ какой конецъ

Готовятъ Русскіе пришельцамъ всѣмъ!

Вотъ тотъ, предъ кѣмъ народы трепетали!

И царства подали! Кто возмечталъ,

Что можетъ онъ поработить Россію!

Господь изрекъ! онъ палъ — и нтъ его!

Юрій (увидя въ окно).

Вотъ Русскіе! вотъ Русскіе! сюда!

Я В Л Е Н І Е IX.

Тѣ же и Меншиковъ, съ отрядомъ Русскими и съ плѣнными Шведами, между коими Пиперь, Рейншильдъ, Шлиппенбахъ, Гирта и другіе. Меншиковъ.

Король вашъ ускакалъ! я постараюсь

Догнать его!.. Васъ, господа, прошу

Къ Его Величеству Царю явиться.

Онъ будетъ радъ такимъ гостямъ... (увидя портретъ.)

Что вижу?

Вот онъ и самъ! Крепчеюко, вотъ твое
Сокровище, которое ты пряталъ!
Дай руку! Добрый, честный ты казакъ!
Пойдемъ къ Царю! тебѣ онъ самъ объявить
И милость и признательность свою!

(обращается къ портрету.)

А ты, нашъ Царь, герой и побѣдитель!
Какою радостью душа твоя полна!
Ты создалъ насъ, Ты былъ нашъ просвѣтитель,
Теперь Тобой Россія спасена!
Теперь съ дымящихся полей Полтавы
Побѣдный гулъ Европы облетитъ,
И памятникъ тебѣ воздвигнетъ вѣчной славы,
И міру мощь Россіи возвѣститъ.
Предъ Русскимъ племенемъ, предъ Царской полемъ
мощной

Иноплеменниковъ заставить трепетать;
Теперь державный нашъ орелъ полночный
Отторгнутыхъ дѣтей своихъ начнетъ собирать,
И ты, нашъ Царь, нашъ геній, нашъ учитель,

Во всемъ и во всемъ ты будешь образецъ?
Товарищъ ратный нашъ, нашъ вождь и мсти-
тель,
Наставникъ, ученикъ, нашъ другъ и нашъ
отецъ!
Ты все соединилъ въ себя!... (Съ жаромъ бро-
сается на колѣни предъ портретомъ,
и всѣ слѣдуютъ ему примѣру)....
Черты святые!

Кто не почитъ васъ какъ святиню алтаря?
Прошли вѣка страданія Россіи!
Господь хотѣлъ спасти ее, и далъ Петра?
Съ нимъ извошла намъ благодать святая!
Въ немъ славы будущихъ вѣковъ залогъ!
О! какъ ты счастлива отчизна дорогая!
Великъ нашъ Русскій Царь! Великъ Россійскій
Богъ!

(Всѣ становятся на колѣни предъ портретомъ.
При послѣднихъ аккордахъ гимна завѣса опу-
скается.)

Иванъ Ивановичъ
Вотъ онъ и самъ! Крепчеюко, вотъ твое
Сокровище, которое ты пряталъ!
Дай руку! Добрый, честный ты казакъ!
Пойдемъ къ Царю! тебѣ онъ самъ объявить
И милость и признательность свою!
(обращается къ портрету.)
А ты, нашъ Царь, герой и побѣдитель!
Какою радостью душа твоя полна!
Ты создалъ насъ, Ты былъ нашъ просвѣтитель,
Теперь Тобой Россія спасена!
Теперь съ дымящихся полей Полтавы
Побѣдный гулъ Европы облетитъ,
И памятникъ тебѣ воздвигнетъ вѣчной славы,
И міру мощь Россіи возвѣститъ.
Предъ Русскимъ племенемъ, предъ Царской полемъ
мощной
Иноплеменниковъ заставить трепетать;
Теперь державный нашъ орелъ полночный
Отторгнутыхъ дѣтей своихъ начнетъ собирать,
И ты, нашъ Царь, нашъ геній, нашъ учитель,

Во всемъ и во всемъ ты будешь образецъ?
Товарищъ ратный нашъ, нашъ вождь и мсти-
тель,
Наставникъ, ученикъ, нашъ другъ и нашъ
отецъ!
Ты все соединилъ въ себя!... (Съ жаромъ бро-
сается на колѣни предъ портретомъ,
и всѣ слѣдуютъ ему примѣру)....
Черты святые!
Кто не почитъ васъ какъ святиню алтаря?
Прошли вѣка страданія Россіи!
Господь хотѣлъ спасти ее, и далъ Петра?
Съ нимъ извошла намъ благодать святая!
Въ немъ славы будущихъ вѣковъ залогъ!
О! какъ ты счастлива отчизна дорогая!
Великъ нашъ Русскій Царь! Великъ Россійскій
Богъ!
(Всѣ становятся на колѣни предъ портретомъ.
При послѣднихъ аккордахъ гимна завѣса опу-
скается.)

II. МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

БЕРЛИНСКІЕ ТЕАТРЫ.

(Письмо Издателя къ Редактору.)

Многіе полагаютъ, что послѣ Парижскихъ театровъ, Берлинскіе суть лучшіе: мнѣніе ошибочное. Можетъ быть, нѣкоторые станутъ упрекать меня въ пристрастіи къ театрамъ Петербургскимъ, но скажу смѣло и откровенно: Берлинскіе театры далеко ниже Петербургскихъ. Въ доказательство моего мнѣнія, сообщу нѣсколько подробностей о Берлинскихъ театрахъ, которыя собралъ я на мѣстѣ.

Въ моей статьѣ я не стану распространяться о достоинствѣ піесъ; не буду говорить о мелкихъ подробностяхъ, равно какъ и о роляхъ, выполняемыхъ актерами; но скажу нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ состояніи находятся Берлинскіе театры, о ихъ устройствѣ, характерѣ и средствахъ.

Въ Берлинѣ собственно находятся три театра: два Королевскихъ и одинъ содержимый отъ города, на акціяхъ: кромѣ того причисляются къ Королевскимъ театрамъ: одинъ въ Потсдамѣ, въ 28-ми верстахъ отъ Берлина, и другой въ предмѣстіи Шарлотенбургъ, въ 7-ми верстахъ отъ города; къ обоимъ этимъ пунктамъ проведены желѣзныя дороги. Въ Потсдамѣ играютъ актеры только по желанію

Короля, въ Шарлотенбургѣ же театръ бываетъ постоянно въ продолженіе всего лѣта.

Королевскіе театры въ Берлинѣ суть: 1-й, *Оперный театръ* (das Opernhaus) и 2-й, *Драматическій театръ* (das Schauspielhaus); третій же, который состоитъ на акціяхъ, называется: *Кенигштеттскимъ Театромъ* (das Königsstädter Theater).

Оперный театръ (das Opernhaus) построенъ въ 1740 году, при Фридрихѣ Великомъ, архитекторомъ *Кенигштеттскій фельдъ* (Knobelsdorf), открытъ балетомъ Клеопатрой.

Театръ этотъ имѣетъ 37 сажень въ длину и почти четырнадцать въ ширину. Фасадъ его украшаютъ шесть колоннъ Коринтскихъ. На фронтопѣ изображены Аполлонъ и девять Музъ. Между фронтономъ и колоннами находится слѣдующая надпись: «*Fridericus Rex Apollini et Musis*» (Король Фридрихъ, Аполлону и Музамъ).

Внутренность театра не обширна; отдѣлка не роскошная; архитектура древняя. Между ложъ красуются великолѣпныя Коринтскія статуи, которыми только и украшается зала театра.

Ложь три яруса; въ каждой помѣщается отъ 8-ми до 10-ти человѣкъ. Мѣста въ низу устроены очень дурно и тѣсно. Впрочемъ, такъ должно быть: иначе бы сборъ былъ въ половину, если бы устройство ихъ было такое, какъ въ нашихъ театрахъ.

Вмѣсто кресель находятся нумерованныя скамейки, такъ что каждая доска нумерованнаго мѣста подымается. Проходъ въ рядахъ скамеекъ очень узкій, и

если вы сѣли въ срединѣ, то почти нѣтъ вамъ возможности выйти. Сзади этихъ скамеекъ партеръ, то, что у насъ называется *мѣста за креслами*.

Цѣны въ театрахъ бываютъ высокія и низкія. Высокая цѣна назначается при первыхъ представленіяхъ какой нибудь пьесы, обстановка которой стоила большихъ издержекъ. Но и эти высокія цѣны ниже, нежели у насъ въ Петербургѣ.

1	Кресла: (то есть скамеечки) при высокой цѣнѣ стоятъ	1 талеръ (т. е. около 3 — 20 ассигн)	руб. коп.
		— при низкой	20 сер. грош. — 2 — 21½ — —
2	Мѣсто въ ложь 1-го яруса (Parquet Loge) при высокой цѣнѣ	1 талеръ 10 сер. грош.	4 — 40 — —
		— при низкой	1 талеръ 3 — 20 — —
3	Въ 2-мъ ярусѣ:	при высокой	20 сер. грош. 2 — 21½ — —
		— низкой	12½ сер. гр. 1 — 36½ — —
4	Въ 3-мъ ярусѣ:	При высокой	15 сер. гр. 1 — 66 — —
		при низкой	10 сер. гр. 1 — 10½ — —
	Партеръ:	При высокой	10 сер. гр. 1 — 10½ — —
		— низкой	7½ сер. гр. — — 83 — —

Въ галереяхъ мѣста не возвышаются. Полный сборъ простирается отъ 1400 до 1800 талеровъ. Посѣтителей помѣщается до 2200 человѣкъ. Спектакли во всѣхъ театрахъ постоянно начинаются въ 6 часовъ, или оканчиваются въ 9 и не позже половины десятого часа.

Афиши всегда объявляютъ начало и конецъ спектакля, то есть: Anfang 6 Uhr, Ende 9 Uhr. Во всемъ видна Нѣмецкая аккуратность!

Драматическій Театръ (Das Schauspielhaus) выстроенъ при Фридрихѣ Вильгельмѣ III, въ 1821-мъ году, архитекторомъ Шинкелемъ (Schinkel). Онъ имѣетъ 35 сажень въ длину и по 17-ти съ боковъ. На фронтонѣ изображены Мельпомена, По-

лиимнія и Талія, подъ которыми находится слѣдующая надпись:

Fridericus Guillelmus III theatrum et odeum incendio consumta majore cultu restituit MDCCCXXI.

Наружность архитектуры очень красива; внутри театръ этотъ гораздо меньше опернаго. Отдѣлка самая простая, и можно сказать, бѣдная. Даже и въ оперномъ театрѣ, отъ котораго въ восторгъ всѣ Нѣмцы, отдѣлка гораздо проще нашего Александринскаго. Что сказали бы они если бы у нихъ былъ такой театръ, какъ нашъ Большой? Мнѣ кажется, не проходило бы той недѣли, когда бы не объявляли: «Театръ Берлинскій, по устройству и роскошной отдѣлкѣ, превосходитъ теперь всѣ Европейскіе Театры.» А мы, Русскіе,

не любимъ хвастаться: прѣзжай, смотри и удивляйся!

Вообще Берлинскіе Театры скучны. Когда входите въ залу театра, васъ поражаетъ темнота, потомъ несносные узкіе проходы между скамеекъ. Ну, да это куда бы не шло! Вы ждете съ нетерпѣніемъ подіянія завѣсы, чтобъ услышать превосходнаго пѣвца или пѣвицу; воображаете увлечься игрою актера; думаете увидѣть великолѣпную постановку; хотите насладиться балетомъ. Не тутъ-то было!.. Какъ въ оперѣ и балетѣ, такъ въ драмѣ и комедіи нѣтъ такихъ талантовъ, которые привели бы васъ въ восторгъ. Развѣ оперу еще можно слушать съ какимъ нибудь удовольствіемъ, и то потому только, что оркестръ, по правдѣ, очень хорошій, да два три таланта довольно порядочные. Балетъ же хуже всякой посредственности.

Г. *Штульмейстеръ*, первый танцоръ Берлинскаго Театра, отъ котораго въ восторгъ вся публика, есть ничто иное, какъ скакунъ на канатѣ! Все свое искусство онъ старается показать въ пируэткахъ. Закусивъ губы, чтобы имѣть болѣе силы, онъ скачетъ, какъ козель. (Извините, другаго сравненія не прибегу!) Въ бытность мою въ театрѣ, рядомъ со мною сидѣлъ какой-то Французъ, который до того взбѣсился на этого первокласснаго и великаго Штульмейстера, что вздумалъ было ему свистать. Свистъ этотъ поразилъ посѣтителей, изъ которыхъ одинъ довольно коверканымъ Французскимъ языкомъ объяснилъ моему сосѣду, что это въ Берлинѣ не принято. Притомъ же онъ сказалъ: «что Г. Штульмейстеръ незаслуживаетъ свистковъ, и артистъ въ полномъ смыслѣ этого слова.» Да, на канатѣ, отвѣчалъ взбѣшенный Французъ, пожалъ плечами и вышелъ вонъ.

Танцовщицы Г-жи *Лемке* и *Паулина*. Первая довольно недурна собою; жаль только, что у нея ноги чуть не въ полъ-аршина. Впрочемъ, обѣ онѣ танцуютъ еще впрядно. Но сравнить съ

Петербургскими танцорками нельзя. У насъ послѣднія солистки гораздо выше ихъ. Почему бы, напримѣръ, не съѣздить въ Берлинъ Г-мъ Андрияновой и Смирновой? Я увѣренъ, что Нѣмцы были бы въ восторгѣ. Посмотришь, къ намъ такъ ползеть всякая сволочь заморская!!!

Обстановка балетовъ не роскошная, а костюмы такъ очень дурны! Но публика довольствуется и этимъ: театръ почти всегда бываетъ полонъ. Не то что наша публика, для которой дирекція не шадитъ ни какихъ издержекъ. У насъ посмотреть одинъ разъ, да и довольно! Впрочемъ, это всегда бываетъ такъ: когда мы въ изобилии, такъ не цѣнимъ ничего!

Опера въ отношеніи къ исполненію гораздо выше балета. Манціусъ (*Mantius*), первый теноръ, обладаетъ небольшимъ, но пріятнымъ голосомъ. У него есть хорошая метода, есть манера, и онъ исполняетъ свои партіи очень удовлетворительно.

Странный случай заставилъ Манціуса вступить на театръ. Онъ родомъ изъ Мекленбурга, прѣхалъ въ Берлинскій Университетъ, въ которомъ находился около двухъ лѣтъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ, гуляя съ своими товарищами по Берлинскимъ улицамъ, и дружнымъ хоромъ распѣвая народныя пѣсни, они проходили мимо дворца. Въ это время покойный Король Фридрихъ Вильгельмъ III стоялъ у окна, и вслушавшись въ этотъ веселый хоръ, замѣтилъ, что одинъ голосъ какъ брилліантъ блеститъ между прочими. Пріятность и нѣжность голоса до того восхитили Короля, что онъ приказалъ позвать къ себѣ всю эту партію. Узнавъ, что это былъ голосъ Манціуса, Король совѣтовалъ ему оставить ученое поприще, и предложилъ вступить на театръ. Манціусъ охотно согласился, и кажется ничего чрезъ это не потерялъ!

Г. *Бадеръ* (баритонъ) имѣетъ голосъ тоже не сильный. Странная метода у этихъ господъ! Они, не имѣя большаго

голоса, поютъ какъ будто кто ихъ давитъ. Это не только неприятно, но въ высокихъ нотахъ даже нестерпимо!

Пише (*Ziesche*), басъ довольно порядочный. Но сравнить его съ нашимъ Ферзингомъ, помилуй Богъ!

Блуме. . . . вотъ тутъ и запята!! . . . Определить его голоса ни какихъ нѣтъ средствъ. Онъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, а потому въ его партіи слышимъ то ноты басовыя, то баритона, то какъ будто поетъ онъ теноромъ; вмѣсто же фальцета въ высокихъ нотахъ, онъ тянетъ дискантомъ. Умора, да и только!!!

Г-жа Фасманъ (*Fassman*) обладаетъ чистымъ и звучнымъ голосомъ, и признаться сказать, много лучше нашихъ *плевуній*. Но до Г-жи Гофманъ, которою нѣкогда красовалась Нѣмецкая Петербургская Опера—далеко!

Директоромъ музыки извѣстный композиторъ Спонтини.

Театръ оперы (*das Opernhaus*) посвященъ исключительно оперѣ и балету.

Въ трагедіяхъ и драмѣ, первое мѣсто принадлежитъ Г. *Роту*. Этотъ актеръ дѣйствительно хорошъ, скажу смѣло, гораздо выше *Кунста* и *Германа*. У него есть чувство, есть душа, и при всемъ этомъ онъ имѣетъ пріятный органъ. Сравнить же его съ нашимъ неподражаемымъ, единственнымъ В. А. Каратыгинимъ, не только грѣшно, но даже смѣшно.

Г-жа *Крелингеръ*, драматическая актриса, когда-то была хороша; но преклонныя лѣта лишили ее многихъ средствъ. Мнѣ говорили, что Г-жа Крелингеръ была нѣкогда удивительная актриса. Очень вѣроятно, потому что ее и теперь можно еще смотрѣть съ удовольствіемъ.

Комики: *Гериз* и *Шнейдеръ*. Первый былъ бы очень не дурной актеръ, если бы не прибѣгалъ къ Нѣмецкимъ фарсамъ. Г. *Шнейдеръ* кромѣ комическаго таланта довольно посредственнаго, пишетъ для театра небольшія пьески. Одна изъ нихъ имѣла хорошей успѣхъ, какъ въ Берлинѣ

и въ Петербургѣ. Это *Frölich* (*Студентъ, Артистъ, и пр.*)

Зейдельманъ одинъ изъ лучшихъ актеровъ Германіи, хотя не нравится всѣмъ критикамъ безусловно. Онъ превосходенъ во многихъ роляхъ и замѣчательнъ по оригинальному характеру, который умѣетъ онъ имъ придавать, въ сравненіи съ игрою другихъ актеровъ въ тѣхъ же роляхъ. Къ числу этихъ оригинальныхъ созданій принадлежатъ Мефистофель и Осинъ, въ драмѣ *Изидоръ и Олга*.

Краса же Берлинскаго Театра — Г-жа Гагнъ. Манера, благородство, наивность, все соединено въ ней. Но теперь она ужъ не та Гагенъ, которая нѣкогда съ ума сводила Петербургъ! Лѣта отняли половину ея достоинства. Охъ, эти несносныя лѣта, зачѣмъ они такъ быстро приходятъ къ хорошенькимъ женщинамъ, а особливо къ актрисамъ?! Водевильная актриса и танцовщица тогда только красуется на сценѣ, тогда только и блеститъ талантомъ, когда еще время не начинало прокладывать на ихъ прекрасномъ личикѣ колею къ старости! А еще къ довершенію ихъ погибели, какъ при блестящемъ талантѣ да стукнетъ сорокъ лѣтъ—прощай слава! прощайте обожатели! Правду сказалъ нашъ извѣстный водевильистъ П. А. Каратыгинъ:

Но вотъ приходитъ роковой,
Неумолимый, полновѣсный;
Сороковой, сороковой,
Губитель красоты телесной!

Объ остальныхъ актеряхъ не стоитъ говорить: они хуже всякой посредственности.

Для меня одно показалось странно: кричали о Берлинскихъ балетахъ Богъ вѣсть что, а на дѣлѣ выходитъ противное. Вѣрно вездѣ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ!

Но за то мнѣ пришлось видѣть водевильнѣ театра, просто на улицѣ. Вѣроятно, рѣдко кому придется видѣть подобную сцену! Беру смѣлость передать подробно, какъ она была. Можетъ быть прочтя мой рассказъ, многіе не найдутъ въ немъ ничего смѣшнаго; но вѣдь есть

же такія піесы, которыя въ чтеніи гиль, а на сценѣ диво. Все зависитъ отъ выполнения ролей!

По окончаніи спектакля, балета *Данаида*, съ грустнымъ чувствомъ пробирался я тихими шагами на квартиру, и, какъ иностранецъ, зѣвая по всѣмъ сторонамъ, замѣтилъ въ отдаленіи двухъ человекъ, у которыхъ, при таинственномъ разговорѣ, по временамъ раздавался какой-то крикъ. Любопытство завлекло меня, и я подкрался къ нимъ на такое разстояніе, что могъ разслушать весь ихъ разговоръ. Одинъ былъ глухой, лѣтъ около тридцати пяти, другой же, старикъ лѣтъ около шестидесяти или болѣе.

Старикъ.

Да она у тебя куда отпросилась?

Глухой.

А?... что?...

Старикъ (*громко*).

Куда от..про..сп..силась?

Глухой.

Да, куда отпросилась... къ теткѣ.

Старикъ.

А гдѣ очутилась?

Глухой.

Въ Липовой Улицѣ, прогуляться (*).

Старикъ (*громко*).

Какая тутъ Липовая Улица! Слышишь ты, гдѣ очутилась, простакъ ты этакой?

Глухой.

Очутилась... Въ театрѣ; ну, такъ что жъ?

Старикъ.

Какъ что? да вѣдь курчавый-то съ ней?

Глухой.

Старикъ.

(*) Въ Берлинѣ сеть улица, которая называется Подъ Липами (*Unter den Linden*). Улица эта немного шире Певекаго Проспекта; посреди ея находится бульваръ изъ столѣтнихъ липъ. Этотъ бульваръ идетъ до самой заставы. За заставой же, верстѣ на восемь или на десять въ окружности, находится липовая роща, въ которой устроены дорожки для гуляющихъ.

Глухой.

Ха, ха, ха, ахъ ты Vater, Vater, перепугалъ ты меня! Я думалъ, Богъ знаетъ что!!!

Старикъ.

Какъ что?... да чего жъ ты еще хочешь?...

Глухой.

Это ея родственникъ, пріѣхалъ изъ Кенгсберга.

Старикъ.

И тебѣ тоже родственникъ?

Глухой.

Ну, какъ же... тоже родственникъ.

Старикъ (*смѣясь*).

Вѣрно близкій?

Глухой.

А?... Что?...

Старикъ (*приставя къ*

головѣ два паль-

ца).

Что?... что?... рога тебѣ, дуралею, приставила твоя женка.

Глухой.

Что ты, папахенъ, Богъ съ тобою, съ чего ты взялъ?

Старикъ.

Какъ съ чего?... Да, вѣдь я тебѣ сто разъ ужъ говорилъ, что я своими глазами видѣлъ, какъ онъ у ней руки-то цѣловалъ! А какъ я вошелъ, она вся вспыхнула, мечется изъ угла въ уголь, и не знаетъ, что дѣлать.

Глухой.

А? что ты говоришь?

Старикъ (*передразни-*

вая).

А.... А.... глухая тетеря! (*громко*) Слышишь, руки цѣловалъ, а она покраснѣла.

Глухой.

Ой ли? Цѣловалъ.... покраснѣла.... (*помолчавши*) Vater.... пойдѣмъ.... допросимъ!... О... если это правда!... брѣ, брѣ, брѣ!... Ужъ я этому курчавому остригу волосы, лучше всякаго цирюльника. А вѣдь какъ плутовка увѣряла, что это ея

близкій родственникъ! Даже рекомендательное письмо показывала отъ брата....

Старикъ.

Вотъ тебѣ и родственникъ! Этакихъ, братъ, родственниковъ, пожалуй, много авится.

Съ этимъ словомъ они не пошли, но пустились галопомъ.

Мнѣ кажется, не въ одномъ водевилѣ я такъ не хохоталъ, какъ видя этотъ водевилъ на яву!

Прошу извиненія за отступленіе, и, обращаюсь опять къ дѣлу.

На этихъ двухъ театрахъ, *Оперномъ* и *Новомъ*, считается 27 актеровъ и пѣвцовъ; 25 актрисъ и пѣвицъ; учитель и учительница пѣнія; 4 суфлера; 80 чело-вѣкъ музыкантовъ; 4 капельмейстера; 16 солистокъ и солистовъ; 47 фигурантовъ и фигурантокъ; 65 учениковъ, которые постоянно заняты въ балетахъ и операхъ; 2 балетмейстера; 2 учителя пѣнія и 2 музыки. Нѣсколько декораторовъ, изъ которыхъ Г. *Гропиусъ* есть главный.

При театрѣ находится училище, въ которое воспитанники приходятъ учиться однимъ только искусствамъ, пѣнію, музыкѣ, танцамъ и декламации.

Директоромъ театра и училища Генераль-Интендантъ, Графъ Редернъ. По штату директоръ театра получаетъ 6000 талеровъ. Но какъ Графъ Редернъ чело-вѣкъ богатый, то онъ отказался отъ этого жалованья, предоставя его въ особен-ности на покупку піесъ и оперъ.

На существованіе и вспоможеніе этихъ двухъ театровъ, выдается ежегодно отъ Короля 80,000 талеровъ. Кромѣ сборовъ и этой суммы, дирекція ни отку-да больше ничего не получаетъ.

Свободный безденежный входъ предо-ставленъ только журналистамъ и теа-тральному доктору. Иначе никто не можетъ входить не заплативъ денегъ. Поли-ція находится въ корридорахъ. Чиновники

же полиціи платять за мѣста какъ и прочіе.

Въ Берлинѣ находится тоже Француз-ская труппа, которой выдается отъ Ко-роля 40,000 талеровъ. Этою суммой со-держится Французскій Театръ. Жалованья же отъ дирекціи Французскіе актеры не получаютъ. Сборъ, безъ сомнѣнія, обра-щается въ доходъ дирекціи.

Всѣ актеры и актрисы путешествуютъ, какъ въ театрѣ, такъ и по окончаніи спектакля пѣшечкомъ: не то, что у насъ, гдѣ за каждымъ актеромъ пріѣзжаетъ карета! Да, Гг. Петербургскіе артисты, вы спокойны, вы не знаете, каково отпра-вляться *пѣтушкомъ*, какъ говорится, изъ театра, сыгравши какую нибудь труд-ную роль! Дирекція васъ лелѣетъ, забо-тится о вашемъ здоровьѣ, печется о ва-шемъ спокойствіи, даетъ вамъ всѣ сред-ства къ усовершенствованію и развитію вашихъ талантовъ! А вы, кажется, изви-ните за правду, не такъ-то думаете?! Посмотрѣли бы вы, какъ здѣсь обращаю-тся и поступаютъ съ актерами? Здѣсь не скажутъ: «Эта роль не моя. Стану я ее играть!... Я талантъ!... Мнѣ и отъ боль-шихъ ролей некуда дѣваться!...» Здѣсь го-ворятъ: «Играй, знай дисциплину, и слу-шай, что велятъ.» А не то штрафъ! Да такой, что впередъ не захочешь спорить! А если чуть не много, то маршъ отъ театра, не посмотрятъ, что — *талантъ!*

Да еще при этомъ директоръ житье актерамъ! А каковъ былъ прежній, знамени-тый Ифландъ, писатель и актеръ! Тотъ былъ до такой степени строгъ, что од-нажды, за ослушаніе, посадилъ первую пѣвицу *Шульцъ* на гаупвахту, на цѣлый мѣсяць. Бѣдненькая, можетъ быть, желала бы отойти совсѣмъ отъ театра, но кон-трактъ.... о, контрактъ здѣсь ужасно свя-зываетъ артистовъ!...

Каково вамъ покажется, что актеръ не имѣетъ права безъ разрѣшенія комитета взойти въ свободныя мѣста во время пред-ставленія?

Если актеръ желаетъ взять нѣсколько билетовъ въ театръ для своего семейства, то сперва онъ долженъ отнестись утромъ въ комитетъ, т. е. въ контору театра, съ прошеніемъ о позволеніи получить входъ. Бенефисъ здѣсь считаютъ за особенную милость, потому что бенефисъ въ Берлинѣ дается не иначе, какъ съ разрѣшенія Короля. Этою наградой пользуются очень немногіе. За то другіе лучшіе актеры получаютъ на одинъ и на два мѣсяца отпускъ въ лѣтнее время. Они разъѣзжаютъ по ближнимъ, маленькимъ городкамъ, и собираютъ очень не много. Но тотъ артистъ, который получилъ бенефисъ, не имѣетъ права пользоваться отпускомъ.

Жалованье же, судя по дешевизнѣ въ Берлинѣ, дается очень хорошее. Но за то ужъ нѣтъ этихъ благодѣтельныхъ пенсіоновъ, которыми имѣютъ счастье пользоваться наши актеры. При прежнемъ Королѣ Фридрихъ Вильгельмъ III, первые актеры еще получали пенсію, но при нынѣшнемъ пенсіи уничтожены. За то, прежній Король выдавалъ на театръ только 40,000 тал., а при этомъ, какъ я сказалъ, дирекція получаетъ вдвое. Слѣдовательно, и жалованье прежде было менѣе, чѣмъ теперь.

Вотъ приблизительная сумма, которую получаютъ первые актеры Берлинскаго Театра.

1) Ротъ (первый трагическій актеръ)	2000 тал. и два мѣсяца отпуска	(6400)
2) Кремингеръ (трагическая актриса)	3000 » одинъ » »	(9600)
3) Цише (первый басъ)	3000 » два » »	(9600)
4) Манциусъ (первый теноръ)	5000 » и бенефисъ или два мѣсяца отпуска.	(16,000)
5) Фасманъ (первая пѣвица).	4000 » » » »	(12,800)
6) Бадеръ (оперный пѣвецъ и актеръ).	4000 » два » »	(12,800)
7) Блуме (оперный пѣвецъ и актеръ).	3000 » одинъ » »	(9600)
8) Гагенъ (перв. вод. и ком. актриса).	2600 » два » »	(8320)
9) Гернъ (первый комикъ).	2000 » » » »	(6400)
10) Шнейдеръ (тоже комикъ)	1600 » одинъ » »	(5120)
Суфлеръ 1-й получаетъ	1200 »	
» 2-й »	800 »	
Кромъ того два дублера по	400 » каждый.	
Директоръ музыки, Спортини, получ.	7000 »	(22,400)

р. асс.

Кромъ передѣлокъ партій и сочиненія музыки для маленькихъ піесъ, а также и для нѣкоторыхъ балетовъ, онъ обязанъ поставить на сцену ежегодно одну оперу своего сочиненія. За новыя піесы, авторы получаютъ отъ 100 и до 1000 талеровъ. За оперу же платится больше. Я слышалъ, будто Оберу за Фенеллу заплачено 7000 талеровъ. Не знаю, правда ли? Кажется, не по средствамъ дирекціи! Впрочемъ, распоряженіе въ приобрѣтеніи большихъ піесъ очень хорошее. Здѣсь каждая опера или балетъ имѣетъ свой капиталъ, т. е., свой счетъ, изъ ко-

торого дирекція видитъ, сколько она получаетъ выгоды или убытка, и есть ли средства къ приобрѣтенію новой піесы.

Первый машинистъ, Г. Классенъ, кромѣ небольшого жалованья, получаетъ за каждую постановку оперы или балета, для которыхъ устроитъ машины.

Декораторы: Гроніусъ и Керстъ тоже получаютъ отдѣльно за каждую декорацию, ими написанную.

Балетмейстеръ Гугетъ имѣетъ жалованья 2500 тал. (8000 р. асс.), кромѣ того получаетъ одновременно десятую часть сбора за новый балетъ, который онъ по-

ставитъ, но тогда только, когда балетъ поправится публикѣ. За освѣщеніе платится съ каждой лампы около 21 к. асс. При обыкновенномъ спектаклѣ зажигается 500 и 600 лампъ; при большихъ же пьесахъ горитъ 1000 и 1200 лампъ.

Рабочій классъ людей получаютъ по 15 талеровъ въ мѣсяцъ.

Перехожу теперь къ Кенигштэдтскому Театру (das Königstädter Theater). Онъ состоитъ, какъ я сказала, на акціяхъ; за первое устройство его заплачено 200,000 тал. Зданіе его находится на Александровской Улицѣ. Построенъ онъ въ 1824 году, имѣетъ 21 сажень въ длину, 25 въ ширину и 13 въ вышину. Внутренность залы очень небольшая, устройство точно такое же, какъ и въ Королевскихъ театрахъ. Въ немъ заключается: 22 лоя и въ 1-мъ ярусѣ, 24 во 2-мъ, и въ 3-мъ ярусѣ галерея. Въ низу нумерованныя скамеечки, а сзади партеръ. Королевская ложа устроена съ боку, около сцены, за которую Король выдаетъ ежегодно 12,000

талеровъ. Посѣтителей вмѣщается отъ 1400 до 1500.

Этотъ театръ состоитъ подъ управленіемъ директора Г. Церфа (Cerf). На немъ находится 44 актера и актрисы, 30 хористовъ, 2 суфлера, 31 музыкантъ, 2 капельмейстера и 1 директоръ музыки. Даются комедии, драмы и водевили. Опера же играется случайно.

Въ бытность мою этотъ театръ выписалъ изъ Италіи, на нѣсколько мѣсяцевъ, Италіанскую странствующую труппу. Я слышала ее, и, признаюсь откровенно, она много лучше большой оперы. Публика обрадовалась новизнѣ, и театръ, кажется, чрезъ это ничего не потеряетъ.

Закрываю мою статью чувствами удовольствія и патриотической гордости: наши Театры Петербургскіе вообще стоятъ гораздо выше, во всѣхъ отношеніяхъ, театровъ Берлинскихъ.

Н. ПЕСОЖНИЙ.

Издатель Репертуара и Пантеона.

Берлинъ, 26 Февраля 1842 года.

10 Марта.

ПѢВЕЦЪ XVII СТОЛѢТІЯ.

Въ половинѣ того классическаго столѣтія, когда во Франціи обращали на себя исключительное вниманіе стихи, музыканты были не въ большомъ почетѣ, хотя собственно музыку любили всѣ. Въ то время считалось крайне неприличнымъ играть на какомъ нибудь инструментѣ, а пѣть можно было только водевили и ве-

селья пѣсенки. Дамы, впрочемъ, имѣли право, не красѣя, заниматься музыкою; мужчину, напротивъ, осмѣяли бы за подобное занятіе. Ланкло (Lenclos) составлялъ, въ этомъ случаѣ, единственное исключеніе; но зато его и считали сумасшедшимъ, и онъ не сознавался въ страсти своей къ лютнѣ, не смотря на все

свое искусство. Тѣмъ не менѣ музыку слушали иногда охотно и въ гостиныхъ, и на гуляньяхъ; кому состояніе не позволяло содержать скрипичныхъ слугъ, valets à violons, тотъ нанималъ музыкантовъ на день. Вотъ почему музыка, столь долгое время предоставленная лакеямъ, отстала далеко отъ другихъ искусствъ, достигшихъ до высшей степени. Къ возрожденію музыки много способствовалъ Ламбертъ, человекъ незнатнаго происхожденія; онъ проложилъ дорогу знаменитому Люлли.

Мишель Ламбертъ родился въ Вивоннѣ, въ Пуату, въ 1610 году. Мать его, бѣдная, простая женщина, до такой степени пристрастилась, во время беременности, къ музыкѣ, что не могла выйти изъ церкви, гдѣ монахини обыкновенно пѣли подлѣ органа. Имѣло ли это обстоятельство вліяніе на необыкновенныя способности сына, утвердительно сказать нельзя; довольно, что десятилѣтній Мишель восхищалъ своимъ голосомъ и пѣніемъ всѣхъ окрестныхъ жителей. Слушать его съѣзжались издалека. Мулинье, капельмейстеръ брата Короля, желая помѣстить мальчика въ пажескій хоръ, привезъ его въ замокъ Шампиньи, гдѣ Принцъ имѣлъ пребываніе. Ламбертъ былъ посвященъ въ таинства искусства, и вскорѣ опредѣлилъ своихъ товарищей.

При королевскомъ Дворѣ жилъ въ то время человекъ, о которомъ нельзя умолчать, а именно Де Ньеръ (De Nierl), бывшій прежде у Креки камердинеромъ. Живя съ своимъ господиномъ въ Римѣ, онъ научился тамъ новому Италіянскому пѣнію, и, по возвращеніи въ Парижъ, восхищалъ Дворъ своимъ искусствомъ. Де Ньеръ былъ большой чудакъ, и Креки никогда не приказывалъ ему пѣть, а если куда нибудь бралъ его съ собою, то Де Ньеръ обыкновенно спрашивалъ: надобно ли захватить и лютию? Герцогъ, съ своей стороны, отвѣчалъ: какъ хочешь! Слова эти означали, что надобно ѣхать съ

лютиною. Лудовикъ XIII, любившій музыку, и даже самъ игравшій на теорбѣ, однажды особенно скучалъ; Креки привезъ съ собою Де Ньера. Восхищенный Король изъявилъ желаніе принять пѣвца ко Двору, и черезъ полгода, музыкантъ получилъ мѣсто перваго камердинера. Онъ, вѣроятно, попалъ бы въ число любимцевъ Короля, если бы не влюбился въ штатсъ-даму Королевы. Де Ньеръ не только не завидовалъ Мишелю, но самъ вызвался учить его, и училъ съ такимъ усердіемъ, что черезъ два года Ламбертъ сравнялся съ своимъ наставникомъ. Всѣ, хотя нѣсколько одаренные вкусомъ, вскорѣ почувствовали истинное отвращеніе къ тѣмъ жалкимъ гудошникамъ, valets à violons, которые терзали слухъ, и тогда же начали смѣяться надъ охотниками до подобной адской музыки. Во время пѣнія Де Ньера и Ламберта, напротивъ, гостиныя были полны слушателями, хотя пѣвцы сіи и стояли на ряду съ служителями. Платили имъ щедро, но обращались съ ними надменно, и вообще ставили ихъ едва ли не въ число канатныхъ плясуновъ.

Мишель вскорѣ превзошелъ своего учителя, и, по смерти его, сталъ господствовать нераздѣльно. Онъ не могъ, впрочемъ, похвалиться силою и превосходствомъ своего голоса, но, при необыкновенномъ искусствѣ, пѣлъ весьма пріятно. Надобно также замѣтить, что Ламбертъ пѣлъ, по возможности, грудью, рѣдко горломъ, и потому достигалъ до высшихъ нотъ; преимущественно же отличался выразительностію. Тогда говорили, что безъ пѣнія Мишеля нельзя постигнуть красоты музыки.

Природа обидѣла Ламберта наружностію. Онъ былъ малъ ростомъ, имѣлъ толстую голову и огромный ротъ; но когда пѣлъ, то слушатели съ удовольствіемъ смотрѣли ему въ лице, потому что всѣ трудности онъ побѣждалъ съ граціею и увѣренностію.

Кардиналь Ришельё былъ уже не слишкомъ щедръ къ поэтамъ, не говоря о музыкантахъ; Ламбертъ ничего и не ожидалъ отъ него, но полагали, что Министръ наградитъ пѣвца пенсіономъ. Пѣвецъ получалъ, впрочемъ, довольно отъ уроковъ, которые давалъ дамамъ, и за пѣніе въ гостинныхъ, а если бы захотѣлъ пѣть еще больше, то могъ бы держать экипажъ. Та бѣда, что Мишель принадлежалъ къ числу самыхъ легкомысленныхъ, беззаботныхъ людей. Поутру онъ всѣмъ давалъ слово быть на вечерѣ, и ни къ кому не являлся, а если кто хотѣлъ залучить къ себѣ артиста, тотъ долженъ былъ не выпускать его изъ виду ни на одну минуту. Ежедневно, десять домовъ льстили себя надеждою слышать Ламберта; хорошо, если онъ посѣщалъ хотя одинъ домъ. Обыкновенно, Мишель позволялъ тащить себя первому встрѣчному, и такимъ образомъ привыкъ къ кочующей жизни, которая порядкомъ очищала его кошелекъ. Въ шинкахъ тѣснилась вокругъ него толпа негодаевъ; артистъ весьма часто платилъ за всѣ ихъ издержки, и кромѣ того пѣлъ для нихъ даромъ, тогда какъ могъ получать въ богатыхъ домахъ лундоры. За то, простолюдныи и внимали пѣвцу съ неистовымъ восторгомъ.

Другимъ значительнымъ предметомъ расходовъ для Мишеля были женщины. Въ наше время, дамы высшаго круга увлекаются скорѣе музыкою, нежели поэзіею; самый ничтожный пѣвецъ вѣрнѣе дѣйствуетъ на ихъ сердце, чѣмъ величайшій поэтъ. Въ семнадцатомъ вѣкѣ, дѣло шло наоборотъ. Въ кругу высшихъ дамъ, Ламберту мало счастливалось, но тѣмъ болѣе въ среднемъ сословіи, гдѣ онъ осыпалъ подарками своихъ пріятельницъ. Деньги велись у него не долго; но артистъ почиталъ себя счастливымъ, и больше не желалъ ничего.

Однажды, за завтракомъ Кардинала много говорили о Мишелѣ. Ришельё обѣщала дамамъ, знавшимъ пѣвца только по

имени, пригласить его пѣть въ тотъ же вечеръ, послѣ комедіи, въ Рюэль, и немедленно отправилъ Ботрю въ Парижъ, за Ламбертомъ. Ботрю долго разъѣзжалъ по городу, прежде нежели нашелъ Мишеля, который давалъ тогда уроки, у Президента Ленайле. Обратясь къ пѣвцу, посланный сказалъ:

— Неудобно ли вамъ, сегодня вечеромъ, ѣхать со мною въ Рюэль? Кардиналь рекомендовалъ васъ знатымъ дамамъ.

«Хотя я и пѣлъ цѣлое утро, отвѣчалъ Ламбертъ, и вечеромъ, можетъ статься, буду не въ голосѣ, однакожъ Кардиналу нельзя отказать, и я къ вашимъ услугамъ!»

— Ровно въ шесть часовъ, я приѣду за вами на квартиру, въ каретѣ. Приготовьтесь заранѣе, и не заставляйте ждать себя. Король, вѣроятно, будетъ въ Рюэль; Принцесса Марія очень желаетъ васъ послушать.

«Вы можете на меня положиться. Въ которомъ часу я долженъ быть готовъ?»

— Ровно въ шесть часовъ, въ своей квартирѣ.

«Очень хорошо; я буду тамъ.»

Разговоръ этотъ происходилъ около полудня. Лишь только Ботрю уѣхалъ, Ламбертъ забылъ о своемъ обѣщаніи, и отправился къ добрымъ пріятельницамъ. Онъ пробылъ бы тамъ до полуночи, если бы погребщикъ не увѣдомилъ, что получилъ бочку отличнаго муската. Въ четыре часа, Мишель пошелъ къ погребщику, погребъ котораго находился недалеко, въ мѣстѣ, знаменитомъ многими шинками и многочисленными посѣтителями. Мишель нашелъ здѣсь порядочное собраніе; его пригласили пѣть. Человѣкъ пятнадцать или двадцать сѣли за столъ. Обѣдъ продолжался часа три; бутылокъ было осушено столько, что двое изъ гостей упали подъ столъ. За дессертомъ раздался общій крикъ, что Мишель долженъ пѣть для уплаты за из-

держки. Пѣвецъ не заставилъ просить себя два раза. При необыкновенномъ шумѣ, никто не услышалъ бы тогда и небеснаго грома. Разгоряченные слушатели аплодировали Ламберту съ такимъ неистовствомъ, что проходящіе останавливались въ изумленіи.

— Что тутъ такое? спросилъ господинъ, высунувшійся изъ кареты.

«Поетъ маленький Мишель!» отвѣчали ему.

Слава тебѣ Господи! вскричалъ Ботрю, рыскавшій по городу. Онъ побѣждалъ въ шинокъ.

— Не съ ума ли сошли вы, Ламбертъ? Я ищу васъ цѣлый часъ. Вѣдь вы должны быть у Кардинала на вечерѣ!

«Чортъ возьми! Я совершенно забылъ объ этомъ. Если еще не поздно, то поѣдемъ-те сей же часъ?»

— Но вы въ такомъ видѣ...

«Ничего! Дорогою проспалъ.»

Мишель, дѣйствительно, спалъ мертвымъ сномъ до самаго Рюэля. Когда они пріѣхали, комедія только что началась. Пьянаго пѣвца положили на постель, въ верхнемъ этажѣ замка. Ботрю, которому Ришелье сдѣлалъ бы выговоръ въ случаѣ неудачи, караулилъ Ламберта, и сильно опасался, чтобы онъ не заболѣлъ. Къ счастью, послѣ комедіи сѣли за столъ, и не равьше десяти часовъ потребовали Мишеля.

— Какъ вы себя чувствуете? спросилъ его со страхомъ Ботрю.

«Ногамъ крѣпко нужно поуспокоиться, а въ голову положено, кажется, фунтовъ сто... Теперь попробуемъ голосъ...»

Прогреть въ полную грудь нѣсколько нотъ, Ламбертъ прибавилъ:

«Голосъ въ порядкѣ! Пойдемъ-те внизъ смѣло!»

Современные писатели, упоминая въ своихъ запискахъ объ этомъ вечерѣ, единогласно утверждаютъ, что Мишель никогда не пѣлъ лучше. Первая, исполненная имъ пѣса, была военная пѣсня,

при чемъ Муллинь аккомпанировалъ на теорбѣ и прелюдировалъ величественнымъ маршемъ. Восторженные офицеры съ трудомъ удерживали себя отъ восклицаній. По окончаніи послѣдняго аккорда, знаменитый Полковникъ Гассіонъ сказалъ: «*Monsieur! Je reconnais, jamais n'ai entendu de mieux cette chose, et je ne sais, ce que c'est que cela, si ce n'est que vous n'avez pas continué pendant quelques minutes de cette sorte.* У пѣвуна должно быть много чувства.»

— Спойте же намъ, что нибудь нѣжное. Мы хотимъ убѣдиться, можете ли вы растрогать желѣзное чувство Гассіона...

Ламбертъ взялъ теорбу, и началъ пѣсню Бенсерада, жалобу влюбленнаго на жестокость любимой особы, причемъ не было недостатка и въ антитезахъ, которыя въ то время предпочитали всему. Сладостный трепеть овладѣлъ дамами, когда пѣвецъ пропѣлъ съ глубокимъ выраженіемъ грусти:

«*Non, je ne prétends pas, dédaigneuse Sylvie,
Que vous favorisiez mon amoureux transport;*

*Seulement, en m'ôtant la vie,
Confessez que c'est vous qui me donnez la mort.»*

Лионскій Епископъ тихо сказалъ Кардиналу Ришелье:

— Такая музыка опасна! Она ослабляетъ духъ и побуждаетъ женщинъ ко грѣху. Бьюсь объ закладъ, что завтра же, отъ этой пѣсни постраждетъ честь многихъ мужей...

Дѣйствительно, одинъ изъ современныхъ писателей говоритъ, что многія дамы, бывшія до того жестокими къ своимъ поклонникамъ, послѣ любовной пѣсни, пропѣтой Мишелемъ, стали къ нимъ благосклоннѣе. А самъ Мишель трудился для другихъ своимъ прекраснымъ талантомъ, потому что ни одна изъ тогдашнихъ красавицъ не смѣла обратить на него вни-

манія. Въ наше время, такіе предрасудки не существуютъ.

Концертъ былъ заключенъ народною пѣнею, романескою, привезенною Де Неромъ изъ Италіи; но слушатели, очарованные первою піекою, приняли романеску довольно холодно. Кавалеръ Боа-Дофень, которому было отказано въ рукѣ знатной дамы, подошелъ къ Кардиналу, и сказалъ ему почти въ страстномъ тонѣ: «Не служитъ ли эта пѣсня доказательствомъ, что небо не жаждетъ несчастія любящимъ сердцамъ!» вмѣсто отвѣта, Министръ улыбнулся, не понявъ хорошенько, что хотѣлъ сказать Боа-Дофень. Черезъ два часа, онъ нашель, однако жъ, приличный отвѣтъ: «Боа-Дофень, вмѣсто основательныхъ доводовъ, указываетъ на пѣсни.»

За все торжество, Ламберта наградили сверткомъ золота и парюю комплиментовъ, какими господинъ награждаетъ слугу. Ни одного душевнаго привѣтствія, ни одного пожатія руки! Если бы онъ былъ великимъ поэтомъ, вельможи расцѣловали бы его, а Король наградилъ бы дворянскимъ достоинствомъ.

Мишель Ламбертъ, возбуждая своею музыкою чувства, которыя передавалъ съ такою выразительностію, поймалъ самъ себя въ собственныя сѣти: онъ влюбился въ лучшую свою ученицу, хорошенькую дѣвицу Лепюи. Отецъ ея не принадлежалъ къ числу людей, зараженныхъ предрасудками, и къ тому сословію, которое бы воспрепятствовало браку. Молодые люди были обручены; но Мишель, не смотря на свою страстную любовь, опять обратился къ прежней жизни, и долго не упоминалъ о свадьбѣ. Лепюи, полагая, что дочь его просто служитъ вгрушкою, обратился съ жалобою къ Герцогинѣ Эгильонской. Однажды утромъ, Ламбертъ получилъ отъ Кардинала стихи, которые долженъ былъ положить на музыку. Это былъ дуэтъ для Мишеля и его ученицы,

Тирсисъ и Филида клялись другъ другу въ вѣчной любви; пастухъ пѣлъ:

«Philis! j'arrête enfin mon humeur vagabonde.»

— Въ самомъ дѣлѣ, пора бросить вамъ такую жизнь, сказалъ Ришелье, обращаясь къ пѣвцу. Вы вездѣ разгласили о своей свадьбѣ; надобно же сдержать данное слово.

Ламбертъ почтительно поклонился, и на другой день съ удовольствіемъ пошелъ къ алтарю, потому что, дѣйствительно, любилъ свою невѣсту. При этомъ случаѣ, Кардиналъ могъ бы выказать себя щедрымъ цѣнителемъ талантовъ, но новобрачные ничего не получили отъ его щедротъ, къ общему негодованію.

Молодая супруга всячески старалась навести на истинный путь своего Мишеля, то есть, приучить его къ порядку, и отучить отъ кочевой жизни, но никогда не имѣла въ этомъ успѣха. Мишель часто возвращался домой ночью, проигравъ значительную сумму, выработанную днемъ. Бѣдная женщина, натурально, любила деньги, бережливость, порядокъ, и безпрестанно огорчаемая поведеніемъ мужа, умерла черезъ три года. Ламбертъ занялся образованіемъ ея младшей сестры, почти ребенка, въ которой неожиданно нашель превосходный голосъ и отличныя способности. Въ послѣдствіи, эта дѣвица прибрѣла такую славу, что публика уже не довольствовалась однимъ Мишелемъ, если съ нимъ не пѣла дѣвица Илеръ (Hilaire). Она была хороша собою; Мишель влюбился въ нее, и невольно позволилъ ей взять верхъ надъ собою; совершилось то, чего тщетно старалась достигнуть покойная жена: пѣвецъ вѣчно былъ при своей ученицѣ, но эта дружба не возбудила даже ни малѣйшаго злословія. Между тѣмъ, ничтожный артистъ не смѣлъ и надѣяться на разрѣшеніе брака. Если бы Мишель вздумалъ просить о позволеніи жениться на свояченицѣ, то, вмѣсто отвѣта, его просто отлучили бы отъ церкви.

Однажды, Ламбертъ пѣлъ съ своею ученицею при Дворѣ. Герцогъ Гизъ сталъ смѣяться надъ его любовію. Артистъ, выведенный изъ терпѣнія, отвѣчалъ: «Герцогъ! Я не знаю, прїятнѣе ли небу объѣты вельможъ, въ сравненїи съ нашими; но Папа могъ бы, нисколько не повредивъ себѣ, дать разрѣшеніе челоуѣку, который не разводился произвольно два раза.» Герцогъ, безъ панскихъ буллъ, расторгъ оба брака, и, вѣроятно, приказалъ бы отколотить палками Мишеля за подобную выходку, если бы, по счастью, не былъ отвлеченъ множествомъ занятїй.

Кардиналъ Мазаринъ явилъ себя не болѣе щедрымъ къ великому пѣвцу, какъ и Ришелье. По покровительству Президента д'Эмери, Ламбертъ съ большимъ трудомъ получилъ пенсіонъ въ четыреста ливровъ, и столько же дѣвнца Илеръ. Время исцѣлило Мишеля отъ любви, но онъ не могъ забыть насмѣшки тѣхъ придворныхъ, которымъ Римъ ни въ чемъ не смѣлъ отказать. Въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, разводы были дѣломъ весьма обыкновеннымъ, и только юный Лудовикъ XIV умѣлъ своею твердостью положить конецъ такимъ соблазнительнымъ преимуществамъ вельможъ.

Ламбертъ долго забавлялъ себя мистификаціями надъ высшимъ дворянствомъ. Онъ не обращалъ вниманїя ни на доходы, ни на потерю пенсіонновъ и покровителей, коль скоро могъ привести въ затруднительное положеніе какого нибудь вельможу. То онъ притворялся больнымъ, то жаловался на потерю голоса, то уговаривалъ дѣвицу Илеръ притвориться въ лихорадкѣ. Мста такимъ образомъ, Мишель сталъ наконецъ пѣть только для города, что, разумѣется, послужило въ ущербъ кошелька. Онъ изобрѣлъ, однакожь, новое средство доставать деньги безъ содѣйствїя Двора, что въ тогдашнее время казалось невозможнымъ. Еще прежде, ресторатеръ Ренаръ приглашалъ его пѣть въ саду, гдѣ обыкновенно собиралось

на обѣдъ дворянство; но Ламбертъ оказалъ предпочтеніе ничтожному трактиру въ Сентъ-Жерменскомъ Предмѣстїи. Здѣсь собирались ученики, писаря, адвокаты, тѣ молодые, восторженные слушатели, которые особенно нравились пѣвцу. Ламбертъ нанялъ тутъ, вмѣстѣ съ своею ученицею, квартиру, и всякій вечеръ оба пѣли, къ удовольствїю гостей, безпрестанно приходившихъ во множествѣ. Хозяинъ разбогатѣлъ; Мишелю также досталась порядочная доля.

Дворъ замѣтилъ наконецъ продѣлку музыканта, и нѣкоторые дворяне начали уже поговаривать о строгомъ наказанїи. По счастью, настали смуты регентства; многіе вельможи, льстившіе толпѣ для своихъ видовъ, приняли сторону пѣвца, и объявили, что кто его тропеть, тотъ долженъ раздѣляться съ ними. Старшая Принцесса брата Лудовика XIV, известная подъ названїемъ Mademoiselle, жила тогда въ Люксембургскомъ Дворцѣ, недалеко отъ квартиры Ламберта. Однажды утромъ, она послала къ нему Секретаря, чтобы увѣрить артиста въ своемъ покровительствѣ. Мишель, чувствуя такія милости, забывалъ о мнѣмомъ ревматизмѣ, и всегда являлся по требованїю Принцессы, которая умѣла, впрочемъ, и награждать великаго пѣвца, съ насльдственною отъ Герцога Монпансье щедростїю.

По прекращенїи безпокойствъ, Ламбертъ снова явился при Дворѣ; но Король никогда не обращалъ на него такого вниманїя, какъ на живописцевъ и писателей.

Одинъ вельможа, которому Ламбертъ часто общалъ пѣть, спросилъ его съ нетерпѣніемъ: думаетъ ли онъ когда нибудь исполнить свое обѣщанїе? Ламбертъ отвѣчалъ такъ, какъ отвѣчала Нинона Ланкло неотвязчивому влюбленному: «Предоставьте это моему расположенїю духа.» Отвѣтивъ такимъ образомъ, кажется, какому-то Герцогу, Мишель едва не попался подъ палки. Ла Сабильеръ съ трудомъ

выпросилъ ему прощеніе. Нинона, восхищенная отвѣтомъ пѣвца, пожелала съ нимъ познакомиться. Ламбертъ, зная ея дурную славу при Дворѣ, тѣмъ скорѣе сдѣлалась домашнимъ другомъ этой женщины. Онъ весьма часто бѣлъ въ домъ Ланкло, и познакомился здѣсь съ Молиеромъ, котораго имя уже начинало становиться извѣстнымъ, съ Дебрео, читавшимъ въ дружескомъ кругу свои прекрасные стихи, съ Лафонтеномъ, большимъ чудакомъ, и многими дворянами, привлекаемыми любезностію хозяйки. Впрочемъ, общество Ниноны Ланкло было не такъ знаменито, какъ въ Рамбулье, или общество, собиравшееся у Сафо (дѣвicy Скудери); но Ламберту нравилось здѣсь гораздо больше, а уваженіе, которымъ потомство наградило друзей Ниноны, доказываетъ, что вкусъ Мишеля былъ не дуренъ.

Однимъ утромъ явился къ Ламберту молодой человекъ, въ ливрѣ Орлеанскаго дома. «Господинъ Мишель! сказалъ онъ весьма скромно: я поваренокъ на кухнѣ Принцессы, и не въ состояніи платить вамъ за уроки; но у меня такая охота къ ученю, что я васъ прошу только дать мнѣ совѣтъ и сказать, чему именно я долженъ учиться. Пою я мало, потому что не имѣю голоса; но я порядочно играю на скрипкѣ, и имѣю понятіе о нотахъ и композиціи.»

И въ ту же минуту, молодой человекъ сыгралъ на скрипкѣ піесу, по-своему. Ламбертъ, съ первыхъ ударовъ смычка, выказалъ на лицѣ своемъ полное удовольствіе, и потомъ воскликнулъ: «Да вѣдь это сыграно отлично! Bravo, молодой человекъ! Ты, въ полномъ смыслѣ, музыкантъ! Зачѣмъ тебѣ оставаться во дворцѣ! Ты можешь жить у меня; я стану учить тебя тому, чего тебѣ еще не достаесть. Какъ тебя зовутъ?»

— Батистомъ Люлли!

«Впередъ говорю тебѣ, любезный Батистъ, что ты готовишь себѣ блистательное поприще!»

Ламбертъ, получивъ доступъ къ Принцессѣ, объявилъ Ея Высочеству, что юноша съ такими дарованіями не можетъ быть поваренкомъ. Принцесса такъ обрадовалась этому открытію, что при всемъ уваженіи своемъ къ Ламберту, не согласилась отпустить Батиста: она опредѣлила его въ число своихъ пажей, и позволила ему посѣщать Мишеля, во всякое время. Кроме того, Принцесса общалась, если Батистъ отличится успѣхами, образовывать у себя оркестръ, и включить его въ число придворныхъ музыкантовъ.

Черезъ полгода, Батистъ носилъ черный, секретарскій кафтанъ, и дирижировалъ двѣнадцатью скрипками, которые исполняли его сочиненія, къ полному удовольствію Короля. Ламбертъ нисколько не завидовалъ Люлли; напротивъ, вездѣ говорилъ, что Батистъ, въ общемъ мнѣніи стоявшій еще на ряду съ канатными плясунами, произведетъ то, за что Цари будутъ уважать его. До того времени, Батистъ писалъ серенады и танцы для балетовъ Люксембургскаго Дворца. Наконецъ, Король взялъ его къ себѣ. Тогда Люлли сталъ дирижировать знаменитыми двадцатью четырьмя малыми скрипками, и положилъ основаніе оперѣ: его образцовыя произведенія, писанныя для поэмъ Киню (Quinault), возвысили музыку на степень изящнаго искусства. Можно себѣ вообразить, сколько предстояло артисту трудовъ при образованіи оперы; надобно было не только сочинять музыку, но обучать пѣвцовъ, хоры, оркестръ.

У Ламберта была дочь, въ которую влюбился Батистъ, когда ей минуло четырнадцать лѣтъ. Тестъ переселился, въ послѣдствіи, къ зятю. Шестидесятилѣтній Мишель, конечно, не могъ уже пѣть, но онъ помогалъ Люлли при образованіи опернаго театра, и молодѣлъ при мысли, что музыка, которой посвятилъ всю свою жизнь, наконецъ стапаетъ на ряду съ искусствами Рафаэля и Корнеля. Услышавъ первыя сочиненія зятя, старикъ сказалъ:

«О, если бы можно было сбросить съ плечъ тридцать лѣтъ, какъ желалъ бы я пѣть такія драгоцѣнные мелодіи!»

Знаменитый Докторъ Фагонъ нѣсколь- ко разъ съ успѣхомъ употреблялъ музыку при леченіи извѣстныхъ нервныхъ бо- лѣзней, и часто совѣтовался съ Люлли и Ламбертомъ, которые много содѣйствова- ли ему въ практикѣ. Очаровательный, волшебный голосъ дѣвicy Илеръ также былъ весьма полезенъ при опытахъ меди- цинскаго факультета.

Въ Парижѣ возникли, между тѣмъ, школы для образованія пѣвцовъ и компо- зиторовъ; музыка, въ короткое время, пріобрѣла необыкновенное развитіе. Лам- бертъ умеръ въ ту минуту, когда совер- шился сей переворотъ; онъ не долго на- слаждался его послѣдствіями, но, по край- ней мѣрѣ, имѣлъ утѣшеніе видѣть, какъ зять его, послѣ представленія оперы Ар- миды, былъ награжденъ отъ Короля са- мыми лестными комплиментами.

— Господинъ Люлли! сказалъ Король; ваше твореніе дойдетъ до отдаленнаго потомства; вашъ гений дѣлаетъ честь мо- ему царствованію!

«Надѣюсь, воскликнулъ невольно Лам- бертъ; это образцовое произведеніе, по достоинству своему, равно Сиду.»

— Не слишкомъ ли много, Мишель, замѣтилъ Король, улыбаясь; но мы со- гласны, что музыка многимъ обязана Люл- ли.

Вскорѣ послѣ этого торжественнаго дня, Мишель умеръ.

Какъ значительно было тогда имя Лам- берта, можно судить по слѣдующимъ стихамъ Буало:

«Molière avec Tartuffe y doit jouer son rôle,
Et Lambert, *qui plus est*, m'a donné sa parole.
Quoi? Lambert? Oui, Lambert. A demain, c'est
assez.»

Если бы можно было пѣрить безуслов- но всѣмъ стихамъ, если бы выраженіе *qui plus est*, Буало употребилъ не для соблюденія размѣра, то позволительно бы- ло бы заключить, что знаменитостію Ми- шель превосходилъ самаго Молиера.

Теперь, Ламбертъ извѣстенъ по одно- му имени, и многіе сто разъ повторяютъ стихи Депрео, не думая справиться, кто же былъ человекъ: *qui plus est que Molière?* Если бы къ намъ обратились съ подоб- нымъ вопросомъ, мы отвѣчали бы смѣло:

Бо Франціи, Мишель Ламбертъ былъ для музыки то же, что Корнель для тра- гедіи.

ЗАВТРАКЪ МОЛИЕРА.

(Статья П. Мюссе).

Всѣ знаютъ анекдотъ о завтракѣ Мо- лиера съ Лудовикомъ XIV, но не всѣмъ извѣстно, какія обстоятельства были по- водомъ къ этому нечаянному завтраку, и

какъ важна была эта неожиданная мп- лость. Люди, которые рассказывали о немъ, вѣроятно не знали тогдашняго при- дворнаго церемоніяла. Отъ этого произо-

шли небольшія противорѣчія съ нѣкоторыми подробностями этикета, наблюдаемаго при пробужденіи Короля (*petit lever*). Мы постараемся исправить эти ошибки, и прежде всего поговоримъ объ этомъ этикетѣ. Чтобъ вполне понять прекрасный поступокъ Лудовика XIV, который вдругъ поставилъ комедіянта наравнѣ съ Принцами, надобно знать до какой степени простиралось поклоненіе особѣ Короля.

Нашему вѣку, который ничего не уважаетъ, покажется смѣшнымъ этотъ мелочной этикетъ, которому царедворцы посвящали все свое существованіе. Когда читаешь, что Герцогиня Бургонская сдѣлалась опасна больна оттого, что на восьмомъ мѣсяцѣ беременности поѣхала въ Марли, куда по этикету должны были отправляться всѣ Принцессы, невольно дѣлаешь себѣ вопросъ: что было этому причиною? ребячество ли Герцогини, или жестокость этикета? изъ сумасшедшихъ или изъ варваровъ былъ составленъ этотъ великолѣпный Дворъ? Но въ то самое время не должны ли мы самымъ блистательнымъ образомъ оправдывать этотъ этикетъ, видя, что онъ возвращаетъ Молиеру всеобщее уваженіе, и позволяетъ Расину идти наравнѣ съ дюками и перами. Смѣясь надъ записками тогдашняго времени, мы невольно должны склониться предъ истиннымъ величіемъ Лудовика XIV, передъ искренней его любовью ко всему прекрасному, передъ ею желаніемъ быть великодушнымъ и справедливымъ, и намъ странно слышать, что потомство злословитъ лучшаго друга и защитника автора *Тартюфа*.

Въ царствованія Карла IX и Генриха III, этикетъ уже былъ во всей своей силѣ. Катерина Медичи приспособила его къ своимъ странностямъ, и строго его соблюдала. Генрихъ IV, вромѣ послѣднихъ лѣтъ своей жизни, не заботился о церемоніальнѣ. Въ немъ было слишкомъ много чувствительности и порывовъ страсти, чтобъ

покориться обрядамъ и обязанностямъ, которыя бы его на каждомъ шагу ставили, или затрудняли. Мы не удивляемся, что побѣдителю при Кутра все не нужно было, чтобъ Принцъ подносилъ ему рубашку при одѣваньи, когда читаемъ письмо его къ Сюлли: «Хорошъ Король Франціи, у котораго всего три рубашки, и тѣ всѣ въ дырахъ!» Тотъ, кого будили до разсвѣта, чтобъ врасплохъ напасть на неприятеля, тотъ кто изъ шинка увѣдомлялъ прекрасную Корисандру объ одержанной побѣдѣ «будучи еще весь покрытъ кровью и порохомъ», не имѣлъ нужды въ Г. плащеносцѣ (*porte-manteau*), который бы несъ за нимъ шапку, часы и реликвій. Тотъ, кто со слезами на глазахъ бросался съ лошади, чтобъ объять депутатовъ Парижа, принесшихъ ему городскіе ключи, вѣрно бы позабылъ въ эту минуту, что Г. Оберъ-Шталмейстеръ долженъ держать стремя и подставить Королю плечо свое, чтобъ помочь ему сойти съ лошади.

Лудовикъ XIII, угрюмый, задумчивый и подверженный многимъ странностямъ, часто предпочиталъ услуги простаго служителя, котораго наружность ему нравилась, церемоніальной заботливости вельможъ. Г. де Рамбулье, гардеробмейстеръ его, часто страдалъ и приходилъ въ отчаяніе отъ подобныхъ поступковъ и кончилъ тѣмъ, что подалъ въ отставку, видя, что его физіономія не нравится Королю. Этикетъ похожъ на театральныя *традиціи*, которыя забываются, если піесу нѣсколько лѣтъ не играютъ. Онъ не уживается съ антиціями, и потому-то при Лудовикѣ XIII все шло на выворотъ. Анна Австрійская, воспитанная при Испанскомъ Дворѣ, вся была составлена изъ церемоніальновъ, но смуты регентства и безразсудныя претензіи Принцевъ произвели такое замѣшательство при Дворѣ, что она никакъ не могла возстановить порядка. За то сынъ ея, Лудовикъ XIV, привелъ опять въ устройство этотъ хаосъ.

Онъ сталъ какъ солнце посреди этихъ непокорныхъ планетъ, размѣстивъ ихъ вокругъ себя въ самой утонченной симметріи и умѣлъ доказать имъ, что весь блескъ, которымъ они сіяютъ, происходитъ единственно отъ его лучей. Съ той минуты, какъ всякое соперничество съ Монархомъ сдѣлалось невозможнымъ, всѣ вельможи, вмѣсто того, чтобъ хвастать другъ передъ другомъ многочисленностію своей свиты, или большимъ числомъ секретарей во время совѣта, искали уже только одной славы, чтобъ правиться своему властелину, чтобъ приблизиться къ его особѣ, чтобъ оказать ему какую нибудь услугу, чтобъ получить отъ него какой нибудь знакъ отличія или довѣренности. Король былъ принужденъ расчитывать свои малѣйшія движенія, взвѣшивать каждое слово. Очевидно, что надобно было имѣть безпрестанно въ виду правила этикета, чтобъ не увлечься минутнымъ движеніемъ и не предаться порыву чувства.

Разговоръ Лудовика XIV рѣдко выходилъ изъ условныхъ границъ. Даже и тогда, когда онъ говорилъ о литературѣ и объ изящныхъ искусствахъ, онъ боялся ошибиться въ своихъ мнѣніяхъ, и только повторялъ аксіомы, похожія на дважды два — четыре, и то не иначе какъ послѣ предварительнаго совѣщанія съ учеными и знатоками. Безъ воспитанія, безъ познаній, съ врожденною страстію къ противорѣчю, онъ только посредствомъ своей любви къ порядку и точности, посредствомъ доброй воли и твердости, дошелъ до такихъ результатовъ, до которыхъ не могли достигъ самые образованные и просвѣщенные Короли. Онъ хотѣлъ, чтобъ во Франціи всякое дарованіе, всякая частичка гевія, содѣйствовали къ славіи и блеску его царствованія. Этого было довольно, чтобъ доставить себѣ и своему вѣку названіе великаго. Молиеръ не могъ бы быть Молиеромъ безъ покровительства Лудовика XIV. Онъ бы двадцать разъ погибъ подъ ударами враговъ своихъ — ца-

редворцевъ, жеманищъ, тартюфовъ и докторовъ. Г. де ла Фельаль задушилъ бы его послѣ критики на Школу женщинъ; его бы засадили въ Бастилію по одному подозрѣнію въ сочиненіи Тартюфа. Онъ бы отказался вовсе писать, или ограничился бы невинными и безвѣтными произведеніями въ родѣ *Dépit amou-geux*.

Молиеръ принадлежалъ къ Придворному Штату въ званіи камердинера и обойщика. Онъ чередовался въ еженедѣльномъ дежурствѣ, чтобъ перестилать постель Его Величества, потому что Лудовикъ XIV однажды объявилъ свое желаніе, чтобъ Г. Покеленъ сохранилъ при немъ свою должность. Онъ имѣлъ право входить во внутренніе апартаменты въ тѣ минуты, когда Король дѣлалъ утренній свой туалетъ (*petit lever*), когда его разували послѣ охоты (*le debouter*) и когда ложился спать (*le coucher*). Король принималъ его всегда съ видимымъ удовольствіемъ, спрашивалъ о его литературныхъ занятіяхъ и о его труппѣ. Онъ говорилъ съ нимъ чаще и болѣе, чѣмъ съ придворными и даже съ Принцами, потому что предметъ разговора былъ занимателенъ для всѣхъ, а съ вельможами ему иногда не о чемъ было и говорить. Лудовикъ XIV любилъ Молиера и не боялся ласковымъ обращеніемъ съ комедіантомъ возбудить зависть придворныхъ, которые не могли въ немъ видѣть себѣ соперника. Дружеское слово или улыбка Герцогу Лозену — значили столько же, какъ орденъ или важное званіе, но, обращенные къ Молиеру, они не обзывали Короля ни къ чему. Каково же было изумленіе всѣхъ вельможъ, когда этотъ комедіантъ вдругъ сталъ наравнѣ съ Принцами. Они не вѣрили своимъ глазамъ!

Но прежде нежели мы расскажемъ какъ это случилось, посмотримъ въ чемъ состоялъ этикетъ Двора Лудовика XIV и сколько онъ призывалъ блеска и очарованія особѣ Короля.

Первый камердинеръ спалъ на складной кровати въ ногахъ Короля по сю сторону балюстрады. За часъ до пробужденія Короля вставалъ онъ тихонько, одѣвался въ передней и увѣдомлялъ оберъ-каммергера и перваго камердинера. За четверть часа до той минуты, когда надобно было будить Короля, служители входили въ спальню, затопляли каминъ, тихо открывали ставни, уносили свѣчу и бронзовую вазу, въ которой плавалъ по волѣ желтый воскъ, горѣвшій посредствомъ вдѣланной въ него свѣтильни. Потомъ убрали складную кровать и ночную закуску, оставленную для Короля и называвшуюся *en-cas*. Далѣе мы увидимъ, въ чемъ эта закуска состояла.

Когда наступалъ часъ, въ который Король наканунѣ приказывалъ будить себя, первый камердинеръ подходилъ къ постели, и говорилъ:

«Ваше Величество! часъ пробилъ!»

Потомъ онъ впускалъ трехъ младшихъ камердинеровъ, изъ которыхъ одинъ отправлялся въ тафельдекерскую, другой на кухню за завтракомъ Короля, а третій становился у дверей, и пропускалъ только тѣхъ, которые имѣли право быть при пробужденіи Короля.

Въ 1664 году число ихъ ограничивалось слѣдующими лицами:

Братъ Короля (*Monsieur*).

Принцъ Конде.

Принцъ Конти.

Герцогъ Лонгвиль.

Герцоги Вандомъ и Бофоръ.

Де Лозенъ, де Гишъ, Вардъ и Данжо (въ слѣдующемъ 1665 году де Гишъ и Вардъ были изгнаны по дѣлу объ анонимныхъ письмахъ, а Данжо вѣроятно наскучилъ Королю, потому что сталъ являться только при первомъ выходѣ). Такимъ образомъ Лозенъ остался одинъ).

Королевскій духовникъ.

Первый докторъ (Валло).

Первый хирургъ (Феликсъ).

Для брата Короля открывались обѣ по-

ловники дверей, для всѣхъ прочихъ одна. Войдя всѣ приближались къ постели передъ балюстрадой и хранили глубокое молчаніе. Бонтавъ, первый камердинеръ, обливалъ руки Королю виннымъ спиртомъ, Оберъ-Каммергеръ подносилъ святую воду, и послѣ того какъ Король дѣлалъ значеніе креста, можно было начинать съ нимъ говорить. Разговоръ продолжался съ четверть часа, потомъ являлся цирюльникъ Кентень, съ двумя или болѣе париками; Король выбиралъ одинъ изъ нихъ, и Кентень уносилъ его, чтобы причесать и приготовить. Вставая съ постели, Король надѣвалъ туфли и халатъ, подаваемый ему Оберъ-Каммергеромъ; потомъ садился въ кресла у камина. Гардеробные служители между тѣмъ входили за балюстраду и убрали шпагу и нижнее платье. Братъ Короля подносилъ между двумя серебряными вызолоченными тарелками салфетку, у которой одинъ конецъ былъ намоченъ. Король вытиралъ себѣ ею лице, потомъ цирюльникъ брилъ ему бороду и подстригалъ усы, напрыскивая ихъ духами. Это все требовало не много времени, но имъ очень дорожили лица, которыя первыя удостоивались говорить съ Королемъ. Когда Король усаживался въ кресла, въ передней объявляли, что маленькій выходъ начинается. Первый камеръ-юнкеръ снималъ съ головы Короля ночной колпакъ. Бонтавъ превозглашалъ:

Первый выходъ!

Тогда служитель открывалъ двери и придворные, допущенные къ первому выходу, представлялись Королю. Ихъ было также не много: Мазаринъ, Вильруа, Берингенъ и еще нѣкоторые, изъ ближайшихъ доверенныхъ особъ, какъ ихъ тогда называли. По дѣламъ управленія являлись также кабинетные секретари, чтецы, смотрители за Королевскими вещами, доктора, главный аптекаръ, начальникъ надъ экипажами, смотритель за палатками.

Кентень причесывалъ Короля, который иногда чесался и самъ; камердинеръ дер-

жалъ зеркало. Туалетъ медленно подвигался впередъ и хотя Людовикъ XIV при первомъ выходѣ только чистилъ себѣ ногти, это занимало однако столько времени, что ему успѣвали рассказывать всѣ новости и всегда старались поддержать его въ хорошемъ расположеніи духа. Въ это время льстецы успѣвали пользоваться утреннею лѣвостью и Королевскимъ неглиже, чтобы болѣе и болѣе втираться въ его милость. Отсутствие парика чрезвычайно уменьшало важность Короля, но съ появленіемъ его, расположеніе Монарха перемѣнялось, и этикетъ вступалъ во всѣ свои права. Когда парикъ былъ надѣтъ, гардеробмейстеры, каждый держа какую нибудь принадлежность полнаго туалета, окружали кресла Короля, и онъ возглашалъ:

Мой дворъ!

И вотъ движеніе и дѣятельность смѣняютъ тишину. Большой выходъ начинается. У дверей становятся камердинеры. Являются посланники, маршалы, герцоги, перы, генералы, прелаты и наконецъ (въ 1690 г.) Расинъ! Для большаго выхода не требовалось особеннаго позволенія. Прежде чѣмъ впустить лица, которыя не были коротко извѣстны при Дворѣ, камердинеръ говорилъ ихъ имена первому камеръ-юнкеру, и тотъ повторялъ ихъ Королю. Если Его Величество ничего не отвѣчалъ на докладъ, то дверь отворялась. Расинъ входилъ всегда прямо, и камердинеръ о немъ не докладывалъ. По дѣламъ службы являлось кромѣ того множество лицъ, о которыхъ мы умалчиваемъ.

Между тѣмъ, Король начиналъ одѣваться сидя въ креслахъ. Каждая принадлежность его туалета, принесенная изъ гардероба, проходила черезъ множество рукъ, прежде чѣмъ доходила до него. Сначала ему подавали нижнее платье, къ которому была пришита нижняя пара чулокъ, и онъ надѣвалъ все это самъ. Потомъ приносили нѣсколько паръ шелковыхъ чулокъ, шерстяныхъ, вязанныхъ или

валяныхъ, смотря по времени года. Камеръ-лакей надѣвалъ ему башмаки съ брилліантовыми пряжками, и завязывалъ подвязки. Потомъ Кентень брилъ его. Въ это время дежурный тафельдекеръ приносилъ на золоченомъ подносѣ завтракъ, который состоялъ изъ одного бульона. Онъ отдавалъ его Оберъ-Каммергеру, который ставилъ подносъ на столъ. Король завтракалъ. Два служителя держали вино и воду, третій салфетку на тарелкѣ. Первый камеръ-юнкеръ пробовалъ воду и вино, выполаскивалъ стаканъ, вытиралъ его и подавалъ Королю, который самъ себѣ наливалъ. Наступала минута, когда Его Величество долженъ утерѣться, и такъ какъ поднести салфетку было знакомъ величайшей милости, то это дѣлалъ всегда или братъ Короля, или первый изъ Принцевъ крови.

При этомъ случаѣ происходила довольно сложное обстоятельство: чтобы подать салфетку, братъ Короля долженъ былъ снять перчатки и положить шляпу: то и другое бралъ изъ рукъ его Оберъ-Каммергеръ; но такъ какъ братъ Короля самъ не могъ принять салфетки изъ рукъ простаго служителя, то она передавалась ему первымъ камеръ-юнкеромъ или Оберъ-Гардеробмейстеромъ. Уже послѣ этого онъ подносилъ ее Королю.

Послѣ завтрака, Его Величество снималъ халатъ. Оберъ-Гардеробмейстеръ и первый гардеробмейстеръ снимали съ Короля ночной камзолъ, первый за правый, а второй за лѣвый рукавъ. Король снималъ мощи, повѣшенныя у него на шеѣ. Первый камердинеръ клалъ ихъ въ маленькій мѣшечекъ, и уносилъ въ кабинетъ, вмѣстѣ съ кошелькомъ и часами. Здѣсь начинался интересный и затруднительный эпизодъ надѣванія рубашки. Она не могла быть подана иначе, какъ братомъ Короля, Принцемъ Конде, Принцемъ Конти, его братомъ, или Лонгвилемъ. Если ни одинъ Принцъ не присутствовалъ при выходѣ, то ее могъ подать Оберъ-Кам-

мергеръ. Обыкновенно вотъ какимъ образомъ она наконецъ доходила до Его Величества: первый служитель при гардеробѣ приносилъ рубашку на вызолоченномъ поднось, покрытую бѣлою тафтой. Онъ передавалъ ее первому камеръ-юнкеру. Братъ Короля въ это время отдавалъ Оверъ-Камергеру свои перчатки и шляпу, потомъ бралъ подносъ изъ рукъ перваго камеръ-юнкера, открывалъ рубашку и подходилъ къ кресламъ. Два гардеробмейстера поднимали къ верху шляфрокъ Короля въ видѣ завѣсы, и рубашка надѣвалась за этими ширмами. Первый камердинеръ помогалъ Королю надѣвать правый рукавъ, одинъ изъ гардеробмейстеровъ, лѣвый. Король вставалъ съ кресель. Братъ Короля бралъ свою шляпу и перчатки изъ рукъ Оверъ-Камергера, и этотъ помогалъ Королю завязать ленты и застегнуть пуговицы нижняго платья. Тогда завѣса исчезала, и присутствующіе могли видѣть Короля, въ рубашкѣ.

До этой минуты Король разговаривалъ только съ Принцами. Придворные, въ почтительномъ разстояніи отъ кресель, говорили только между собою, и если они начинали говорить сколько нибудь погромче, то камеръ-лакей учтивымъ образомъ просилъ ихъ разговаривать тише. Только съ этой минуты разговоръ дѣлался общимъ. Кресла убирались, Король прислонялся къ камину, и тогда позволялось каждому обратиться къ нему съ какою нибудь фразою.

Остальная часть туалета возлагалась уже на одного Оверъ-Гардеробмейстера: онъ подносилъ Королю на выборъ нѣсколько галстуховъ; онъ надѣвалъ на него жилетъ, бафтанъ, поясъ, шлягу, орденскую цѣль или голубую ленту; онъ подавалъ платокъ, трость, перчатки, шляпу. Въ торжественные дни онъ же приносилъ порфиру и даже, если это требовалось, свинцѣрь и корону. Причина этого очень ясна: Король долженъ былъ бытъ

одѣтъ со вкусомъ, и Оверъ-Гардеробмейстеръ долженъ былъ знать всѣ тонкости моды, и потому - то никто не могъ замѣнить его. Между тѣмъ какъ Король, разговаривая, кончалъ свой туалетъ, одинъ изъ пажей разстилалъ на полу, подлѣ постели небольшой коверъ. Его Величество входилъ за балюстраду и становился на колѣни на этомъ коврикѣ, чтобы молиться, тогда двери снова отворялись и вся толпа придворныхъ исчезала за ними.

Лудовикъ XIV обѣдалъ тотчасъ по выходѣ изъ церкви; онъ былъ у обѣдни каждый день. Обыкновенно онъ обѣдалъ въ десять или одиннадцать часовъ утра, во внутреннихъ апартаментахъ, въ кругу своей фамилии; одинъ Герцогини сидѣли за столомъ, прочія дамы стояли вокругъ. Во время стола игралъ оркестръ, дирижируемый Люлли или Делаландомъ, которые обязаны были знать всѣ голоса и инструменты, чтобы доставить Королю хорошую музыку. Это называлось: семейный Королевскій обѣдъ. Часто Король обѣдалъ одинъ въ своей комнатѣ. Въ то время къ нему допускали только брата его, и тѣхъ лицъ, которыхъ имѣли право первыми входить въ его спальню. Братъ Короля подносилъ ему салфетку, послѣ чего Его Величество говорилъ:

— Садитесь, сударь.

Первый камеръ-юнкеръ подвигалъ кресла, но тотъ не садился еще до тѣхъ поръ, пока Король не повторялъ:

— Вы можете сѣсть.

По окончаніи обѣда, Король удалялся въ свой кабинетъ, куда могъ за нимъ слѣвать только братъ его. Въ послѣдствіи времени Дофинъ имѣлъ тѣ же самыя привилегіи, какъ и братъ Короля; потомъ этимъ же пользовались Герцогъ Шартрскій (Регентъ) и усыновленные дѣти Короля.

Когда была назначаема охота, прогулка, или стрѣльба въ цѣль, придворные не присутствовали при второмъ туалетѣ Ко-

роля. Чтобы избавить его отъ труда разсказывать куда онъ сбѣгаетъ, придворные сами догадывались объ этомъ, смотря потому каковы были принадлежности второго туалета.

— Король спрашиваетъ шпоры.

И тогда всѣ бросались сѣдлать верховыхъ лошадей. Оберъ Штабмейстеръ становился вверху лѣстницы. Такъ какъ Король изъ дворца въѣзжалъ и иначе, какъ въ каретѣ, то верховыя лошади слѣдовали за нею, и Король садился на лошадь уже по прибытіи на назначенное мѣсто. Внизу лѣстницы Оберъ Штабмейстеръ принималъ изъ рукъ плащеносца шпагу Короля, которую вручалъ ему при выходѣ изъ кареты. Если Король не надѣвалъ шпоръ, шпага оставалась у плащеносца.

Обязанности плащеносца были довольно замѣчательны. На его рукахъ находились вещи, принадлежащія Королю, во время его прогулокъ, при стрѣльбѣ въ цѣль или во время игры въ мячъ, какъ то: муфта, трость, шляпа, часы. У его нижняго платья былъ нарочно привѣшенъ мѣшечекъ для храненія мощей. Когда Король игралъ, онъ подносилъ ему мячи и платилъ за игру; онъ заказывалъ для зрителя и для участвовавшихъ въ игрѣ хорошую закуску, если это было послѣ обѣда, или завтракъ, если игра происходила до обѣда.

Не должно думать, чтобы въ отсутствіе Короля этикетъ во дворцѣ засыпалъ или уменьшался. Спальня Короля была святнящемъ, гдѣ жертвенный огонь горѣлъ и въ отсутствіе божества. У балюстрады стоялъ часовой, не пропуская за нее никого. Дамы, которыя осматривали спальню, должны были проходя мимо постели дѣлать почтительный реверансъ.

По возвращеніи съ прогулки, начиналась церемонія снятія сапоговъ (*le débouter*). Въ эту минуту было легче всего быть допущеннымъ къ Лудовику XIV. При этомъ находились придворные, имѣ-

шіе право присутствовать при большомъ и маломъ выходѣ, и весь остальной дворъ могъ также пробраться въ комнату Короля, не опасаясь быть остановленнымъ. Камеръ-юнкеры могли приводить съ собою людей, которымъ они хотѣли доставить случай видѣть Короля. Первый камердинеръ снималъ правый сапогъ, одинъ изъ гардеробмейстеровъ лѣвый. Если Его Величество перемѣнялъ весь туалетъ, то одинъ изъ Принцевъ снова подносилъ ему рубашку съ прежнею церемоніею. Такъ какъ Принцы рѣдко присутствовали при снятіи сапоговъ, то обязанность эту исполнялъ всегда оберъ-каммергеръ.

Въ тѣ дни, когда была охота за оленями, Король, послѣ снятія сапоговъ, давалъ завтракъ дамамъ, которыя его сопровождали. Онъ подавался въ кабинетѣ; кромѣ оберъ-каммергера, перваго камеръ-юнкера, оберъ-гардеробмейстера и лицъ, необходимыхъ для прислуги за столомъ, никто не допускался къ этому завтраку, даже Принцы не могли въ немъ участвовать.

Чтобы не останавливаться на слишкомъ мелочныхъ подробностяхъ, пропустимъ весь вечеръ и перейдемъ прямо къ ночи. Обыкновенныя люстры зажигались повеюду. Вездѣ, куда бы ни шелъ Король, передъ нимъ шли два камеръ-лакея съ восковыми свѣчами въ золотыхъ подсвѣчникахъ. Передъ братомъ Короля также носили серебряные подсвѣчники вездѣ, куда бы онъ ни пошелъ, кромѣ спальни Короля. Если онъ входилъ туда, то служители дожидались его въ передней комнатѣ.

Зимою, изъ трехъ дней одинъ назначенъ былъ для собранія, другой для театра (комедіи или балета). Во время собранія зажигались паразныя люстры, ставились столы для разнаго рода игры: въ карты, шашки, трикъ-тракъ, шахматы, и *le trou-madame*. Съ 1693 года у Короля, который пристрастился къ бильярдной игрѣ, явился и бильярдъ. Знамен-

тый игрокъ того времени былъ Шамиль-яръ. Король никогда не присутствовалъ въ собраніяхъ; онъ учреждались для двора, а онъ въ это время съ своими приближенными отправлялся къ Мадамъ де ла Вальеръ. Даже въ его спальнѣ и кабинетѣ играли придворные, но часовые не допускали переходить за баллюстраду, и приближаться къ его бюро и рабочему столу.

Король всегда ужиналъ съ своею фамиліею, если только былъ здоровъ и не принималъ лекарства: принцы и принцессы крови съ дѣтми имѣли мѣсто за королевскимъ столомъ. Дамы сидѣли и стояли вокругъ стола, какъ за обѣдомъ; также игралъ оркестръ.

Послѣ ужина, Король часто переходилъ на половину Королевы. Въ это время убирали его спальню и приготовляли постель. Два тафельдекера приносили закуску, называемую *en-cas-de nuit*. Она состояла изъ трехъ маленькихъ хлѣбовъ, двухъ бутылокъ, изъ которыхъ одна съ Испанскимъ виномъ, другая съ мускатнымъ; при этомъ подавался также графинъ воды, стаканъ, золоченая чашка, нѣсколько салфетокъ и три тарелки. Первый камердинеръ отвѣдывалъ вино и воду. Передъ каминомъ ставили кресла. Цирюльникъ Кентень приготовлялъ свои гребни. Одинъ изъ камердинеровъ клалъ у постели подушки, на которыя становился Король во время молитвы, зажигалъ двурогій шандаль и становился у алькова. Гардеробмейстеры вѣшали шафрокъ на спинку кресель, и клали разныя принадлежности на туалетъ, обитый краснымъ бархатомъ.

Только что Король оставилъ залу и перейдетъ во внутреннія комнаты, придворные, присутствующіе при большемъ и маломъ выходѣ, наполняли спальню, нхъ принималъ камеръ-лакей. Король входилъ черезъ кабинетъ, гдѣ его дожидался оберъ-гардеробмейстеръ, которому онъ отдавалъ шапку, трость и перчатки. Тотъ

передавалъ ихъ камердинеру, который относилъ шапку за баллюстраду и клалъ ее подлѣ постели. Такъ какъ въ это время спальня всегда бывала наполнена народомъ, то присутствующіе становились въ рядъ, чтобы дать Королю пройти къ постели. Придворный священникъ (*l'aumonier*) провожалъ Его Величество, бралъ свѣтильникъ и читалъ молитву: *Quaesumus, omnipotens Deus etc.* и т. д. Когда Король перекрестится и встанетъ, первый камердинеръ принималъ свѣтильникъ изъ рукъ духовной особы, бралъ мощи, часы и шелъ передъ Королемъ до кресель.

— Ваше Величество! кому прикажете держать шандаль, говорилъ оберъ-камергеръ.

Король осматривалъ все собраніе и называлъ того, кому онъ хочетъ оказать эту милость. Избранный приближался и держалъ свѣчу во все время ночнаго туалета Короля. Оберъ-гардеробмейстеръ помогалъ ему снять съ себя верхнее платье, и Король садился въ кресла. Каждый въ свою очередь помогалъ ему снять ту принадлежность туалета, которую надѣвалъ на него поутру. Церемонія съ рубашкой бывала точно та же, кромѣ того, что за занавѣсою находились еще новое лице: то, которое держало свѣчу. Надѣвши шафрокъ Король вставалъ и кланялся придворнымъ. Первый камеръ-юнкеръ бралъ свѣчу, и камеръ-лакей, отворяя двери, возглашалъ:

— Господа! Извольте проходить!

Въ то время когда дворъ удалялся, капитанъ дворцовой стражи, начальникъ Швейцарцевъ и полковникъ Французскія тѣлохранителей получали отъ Короля пароль. Они выходили послѣ всѣхъ. Послѣ этого оставались только тѣ, которые имѣли право присутствовать при пробужденіи Короля. Иногда оркестръ игралъ во время вечерняго туалета, но это бывало рѣдко.

Когда запрутъ дверь, съ Короля снимали

мали парикъ и причесывали его на складномъ стулѣ, подлѣ баллюстрады. Одинъ изъ камеръ-лакеевъ вѣшалъ на баллюстраду нѣсколько платковъ и ночныхъ кофачковъ; Король выбиралъ изъ нихъ одинъ, который первый камердинеръ надѣвалъ ему на голову, послѣ того, какъ Король вытретъ себѣ лице мокрою салфеткою. Потомъ Король отдавалъ приказаніе въ которомъ часу разбудить его поутру, и какое платье приготовить ему къ завтрашнему дню. Камеръ-лакей отворялъ двери и, выпустивъ остальныхъ лицъ, оберъ-камергера и перваго камеръ-юнкера, самъ выходилъ послѣ ихъ. Тогда въ спальнѣ оставался только первый камердинеръ, Бонтанъ, и его помощники. Прежде чѣмъ лечь въ постель, Король проводилъ съ четверть часа въ кабинетѣ, съ своими собаками; онъ гладилъ ихъ и разговаривалъ съ егеремъ, пока стали складную постель для дежурнаго камердинера. Когда Король входилъ снова въ спальню, зажигали вазу, наполненную воскомъ, и одну свѣчу въ углу. Они горѣли до утра. Потомъ, видя, что Король уже легъ, первый камердинеръ задергивалъ занавѣсы алькова, запиралъ задвижками двери, и выходилъ черезъ кабинетъ.

Если Король желалъ отправиться къ Королеви, Бонтанъ посылалъ увѣдомить ея прислугу о посѣщеніи Его Величества. У алькова Королевы опускали занавѣсы. Первый камердинеръ шелъ передъ Королемъ и несъ свѣчу и его шпагу. Онъ входилъ въ спальню, подходилъ къ постелѣ, клалъ шпагу на складной стулѣ, и уходилъ вмѣстѣ съ прислугою Королевы.

Въ военное время, когда Король уѣзжалъ въ походъ, за нимъ возили всю мебель его спальни, и вездѣ гдѣ бы онъ ни остановился, комнату убирали такъ, какъ убрана была его спальня въ Сенъ-Жерменъ или Парижѣ, если только мѣстность позволяла. Эtiquette существовалъ тотъ

же самый, какъ и въ мирное время во дворцѣ.

Казалось бы, что при такомъ этикетѣ и огромномъ числѣ лицъ, всегда окружающихъ Лудовика, невозможно ни польстить ему, ни найти случай заговорить о чѣмъ бы хотѣлось; однако, честолюбцы и тонкіе придворные и здѣсь успѣвали представить свои просьбы, исправить свои ошибки, заключали о степени благосклонности Монарха, узнавали причину его неудовольствія, уничтожали клеветы, отпускали сарказмы и остроути, которыя изъ дѣлали богатыми и знатными. Это самое опасное и скользкое поприще для человѣка неловкаго, докучливаго, безобразнаго или имѣющаго насморкъ, потому что Лудовикъ XIV не терпѣлъ насморковъ и безобразія въ извѣстной степени, но для человѣка ловкаго, находчиваго, остроумнаго, скрывающаго дерзость подъ маскою веселости—это время было самое благопріятное, которое часто вело его ко многому. Во время перваго выхода, когда Король еще не былъ выбритъ Кентенемъ и не совсѣмъ освободился отъ дремоты, Лозень выпросилъ однажды позволеніе жениться на двоюродной сестрѣ Короля.

Лудовикъ былъ самый благородный человѣкъ, и его слово было вѣрнѣе всякой клятвы. Всѣ были увѣрены, что Лозень непременно женится, но въ тотъ же вечеръ, подавая Королю рубашку за прогнутымъ шлафрокомъ, Принцъ Конде и братъ Короля отговорили отъ этого Лудовика, и въ первый разъ въ жизни онъ взялъ назадъ свое слово. Является Лозень, полный покорности и отчаянія, и Король, смутившійся при его появленіи, осыпаетъ его ласками, чтобы утѣшить и чѣмъ нибудь загладить жестокость своего отказа.

При маленькомъ же выходѣ Вардъ, холодно принятый, теряется въ догадкахъ: какимъ образомъ Король узналъ о его низкомъ поступкѣ съ безименными иль-

мами. Онъ хочетъ играть роль остряка и весельчака, но этимъ еще болѣе портить дѣло. Строгий взглядъ Короля приводитъ его въ оцѣненіе. Онъ выходитъ взволнованный и пораженный, и находитъ у себя капитана Королевской стражи, который его арестуетъ и отвозитъ въ темницу.

При всѣхъ выходахъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, благородный и скромный Лавогюйонъ стоялъ у изголовья постели, опершись на балюстраду, грустный и задумчивый, ожидая, когда Король сдержитъ свое обѣщаніе. Причиной его молчанія и печали было нѣсколько незначительныхъ долговъ. Съ щекотливимъ и деликатнымъ характеромъ, онъ не хотѣлъ докучать Королю повтореніемъ просьбъ. Въ одно утро, мѣсто у балюстрады осталось и занятымъ: Лавогюйонъ застрѣлся, и огорченный Лудовикъ долго упрекалъ Бонтана и сердился даже на Кентеня.

При большомъ же выходѣ, Расинъ осторожно раскритиковалъ сочиненія Скаррона въ присутствіи его вдовы, сдѣлавшейся Французскою Королевою. Онъ вдругъ увидѣлъ замѣтную перемену въ обращеніи Короля, и вскорѣ умеръ съ горести, оставивъ на письменномъ столѣ планъ прекрасной трагедіи. Но зачѣмъ было Расину перенимать слабости придворныхъ—ему, царю всѣхъ тогдашнихъ поэтовъ? Старикъ Корнель, смотря какъ увядаютъ его лавры, не умъ рѣ отъ огорченій, причиной которыхъ былъ Расинъ. Онъ оспаривалъ у парки каждый день своей жизни, и слегъ въ могилу, обремененный годами, съ твердою увѣренностью, что потомство пойметъ и оцѣнитъ труды его. Надобно было подражать ему, и видя какъ скоро мѣняется королевская благосклонность, спокойно оканчивать *Ифигенію въ Тавриду*.

Но возвратимся къ 1664 году и къ Молиеру. Изъ всего предъидущаго мы видѣли, что онъ въ должности камерди-

нера обязанъ былъ почти цѣлый день находиться при Королѣ. Но какъ труппа его и литературныя занятія не оставляли ему много времени, то онъ и долженъ былъ повидимому часто находиться въ отпуску, проводилъ время съ своими товарищами, въ домикъ Отеля и рѣдко бывалъ на выходахъ. Вѣроятно Лудовикъ давалъ ему частые отпуска; безъ этого Бонтанъ не оставилъ бы его въ покоѣ ни днемъ, ни ночью. Онъ являлся во дворцѣ, какъ другъ и какъ придворный: его должность была только предлогомъ для того, чтобы онъ могъ чаще видѣться съ Королемъ, Дворѣ, благоговѣя перель Монархомъ, былъ гордъ и недоступенъ для всѣхъ, кто не принадлежалъ къ его кругу. Король не дѣлалъ ничего безъ цѣли. Онъ очень хорошо зналъ для чего называется автора Тартюфа Молиеромъ; всѣ прочіе говорили: господинъ Покеленъ, камердинеръ Его Величества.

Сколько мукъ перенесъ бѣдный Молиеръ въ этой парадной комнатѣ. Сколько чувства долженъ былъ онъ подавлять въ душѣ своей, говоря этикетныя и вздорныя фразы. Не смотря на дурное поведеніе своей жены, Армады Бжаръ, онъ былъ влюбленъ въ нее до безумія, и каждое утро, на маленькомъ выходѣ, долженъ былъ встрѣчаться съ де Гиншемъ, котораго она любила, и съ Лозеномъ, чьей любовницей была она долгое время. Къ счастью, Король оказывалъ столько дружбы Молиеру, шутилъ съ нимъ, такъ явно доказывалъ ему свое благоволеніе, что это хоть нѣсколько утѣшало бѣднаго поэта. Лудовикъ безпрестанно разговаривалъ съ нимъ о его комедіяхъ, дивертиссентахъ, игрѣ актеровъ, дѣлалъ ему иногда свои замѣчанія, но всегда съ нимъ соглашался, повторяя: «Вы совершенно правы, и должны знать это лучше меня.»

Въ то время Молиеръ не написалъ еще своихъ лучшихъ произведеній. Онъ только что окончилъ *Школу женщинъ* и критику этой пьесы. Герцогъ де Лате-

льядь, зондъ этой комедіи, служилъ ему образцомъ для роли Маркиза. Можно представить себѣ каковъ былъ его гнѣвъ, когда онъ увидѣлъ себя на сценѣ, услышалъ даже свои любимыя выраженія, которыя всѣ знали. Встрѣтивши однажды Молиера въ галереѣ, Герцогъ попросилъ позволенія обнять его, Молиеръ поклонился съ почтениемъ; Лафельядъ схватилъ его голову и, прижавши къ груди, началъ сильно тереть щеку о пуговицы своего кафтана.

Этотъ годъ былъ несчастнымъ для Молиера. Въ то же время появился низкій насквилъ Моплерн, актера Бургондскаго Отела, въ которомъ онъ обвинялъ Молиера въ томъ, что тотъ былъ влюбленъ въ свою дочь. Беллокъ, придворный поэтъ и камердиверъ, видя, что его товарищи отказываются стлать вмѣстѣ съ актеромъ постель Короля, сказалъ однажды Молиеру съ низкимъ поклономъ: «Позвольте ли вы мнѣ вмѣстѣ съ вами имѣть честь постлать Королевскую постель!» Лудовикъ XIV обѣщаетъ быть крестнымъ отцемъ перваго ребенка Арманды Бежаръ. Все это однако не возвышаетъ Молиера: придворные презираютъ его; дворцовые служители не хотятъ садиться за столомъ подлѣ скомороха. Молиеръ отказывается отъ своего права обѣдать во дворцѣ. Лудовикъ, увѣдомленный Беллокомъ, ищетъ средства прекратить эти несправедливости и дурное обращеніе.

Во всѣхъ разсказахъ, которые намъ остались, Лудовикъ XIV самъ заставляетъ Молиера разсказать ему о томъ, какъ его оскорбляютъ придворные. Онъ спрашиваетъ свою ночную закуску (en cas) и начинаетъ завтракать съ Молиеромъ. Онъ предлагаетъ ему крыло цыпленка, наливаетъ вина, и велитъ начаться маленькому выходу, но только любимцы и первые вельможи присутствуютъ при завтракѣ, и слѣдовательно, въ этомъ случаѣ, цѣль, которой добивался Король, не была бы достигнута. Герцоги и перы, въ числѣ ко-

терыхъ былъ Лафельядъ, въ это время должны были дожидаться за дверьми, и не могли видѣть и знать, что происходитъ у Короля. Къ тому же и этикетъ, и самая вѣроятность доказываютъ, что въ этихъ разсказахъ есть много ошибокъ.

Всѣ подробности перваго выхода, описанныя нами, исторически вѣрны. Во всѣхъ запискахъ и сочиненіяхъ того времени они одни и тѣже. Мы уже видѣли, что первый выходъ начинался въ то время, когда Король вставалъ съ постели и садился въ кресла, слѣдовательно, онъ не могъ еще прежде выхода сѣсть за столъ, потому что онъ тогда лежалъ еще въ постели. Первый выходъ долженъ былъ начаться до завтрака. Когда, во время завтрака, отворились двери, то начался большой выходъ, и тогда явился Лафельядъ съ придворными. Для нихъ-то наиболѣе нуженъ былъ этотъ урокъ. Принцы стоятъ слишкомъ высоко, а любимцы слишкомъ осторожны, чтобъ быть врагами Молиера. Съ послѣднимъ выходомъ являются чины двора и служители, а они-то именно и унижали Молиера. Однимъ словомъ, и физически, и морально невозможно, чтобы завтракъ этотъ происходилъ въ то время, когда Король, сидя въ креслахъ, приказывалъ начаться маленькому выходу.

Мы уже говорили какъ открывали ставни, уносили ночную закуску вмѣстѣ со свѣчею. Могло случиться, что Лудовикъ потребовалъ ее, когда она уже была унесена, но крыло цыпленка было весьма неудачнымъ изобрѣтеніемъ разскащиковъ. Дѣло было не въ томъ, чтобы накормить Молиера, но чтобы посадить его за Королевскій столъ, и намъ кажется, что простота завтрака еще болѣе возвышала всю важность этого отличія. Это подобіе обѣда придаетъ болѣе цѣны и болѣе значенія Королевскому благоволенію. Вѣроятно, думали, что завтракъ Лудовика не могъ состоять иначе, какъ изъ цыпленка.

Но эта роскошь произошла отъ ребяческаго воображенія. Лудовикъ имѣлъ чрезвычайно тонкое обоняніе, и никакъ бы не перенесъ всю ночь подлѣ своей постели со-сѣдства жаренаго цыпленка. Къ тому же мы знаемъ навѣрное, что ночная закуска состояла изъ хлѣба, вина и воды, и если бы надобно было непременно польстить вкусу Молиера, столько же какъ и его обиженному самолюбію, то вина его Величества могли бы удовлетворить самаго разборчиваго гастронома. Въ кухняхъ не трудно было тотчасъ же отыскать жаренаго цыпленка, но тогдашніе завтраки были очень скромны. Никто не ѣлъ ни какого мяса до обѣда, за который садились въ то время, въ которое мы теперь завтракаемъ. Исправивши такимъ образомъ всѣ ошибки, сдѣланныя разскащиками, опишемъ этотъ завтракъ точно такъ, какъ онъ происходилъ.

Въ этотъ день Лудовикъ XIV, проснувшись, надѣлъ плафрокъ, и потребовалъ, чтобы начался маленькій выходъ. Явился братъ его, Принцъ Конде, де Гишъ, Лозенъ, Берингенъ и неизмѣнный Данжо, вошелъ и Молиеръ по должности. Король, узнавши отъ Беллока о дурномъ обращеніи съ Молиеромъ придворныхъ служителей, сказалъ, обращаясь къ нему:

«Правда ли, Молиеръ, что васъ заставляютъ здѣсь поститься, и что всѣ мои штатные служители считаютъ униженіемъ обѣдать съ вами за однимъ столомъ?»

— Ваше Величество! Правда, что этимъ господамъ не нравится товарищество комедіанта, но я всегда избавляю ихъ отъ моего присутствія.

«Гдѣ же вы обѣдаете?»

— Въ трактирахъ, Государь.

«Какъ? вы обѣдаете въ трактирѣ, когда я вамъ опредѣлилъ имѣть столъ у меня во дворцѣ. Это ни на что не похоже. Я покажу имъ, какъ надобно уважать такого актера, какъ вы. Вѣроятно, вы еще не завтракали? Мы будемъ завтракать вмѣ-

стѣ. Господа! прикажите подать мою ночную закуску.»

Камеръ-лакеи принесли поднось съ закуской, и поставили на столъ, передъ которыми поставили два стула. (За завтракомъ Короля никогда не садился даже братъ его).

«Садитесь, Молиеръ!» продолжалъ Лудовикъ XIV. «Садитесь, и позавтракайте со мною.»

Потомъ онъ взялъ одинъ изъ маленькихъ хлѣбовъ, и подалъ другой Молиеру.

«Впустите весь мой дворъ!» сказалъ онъ потомъ, сообразно съ постановленіемъ этикета.

Двери отворились. Толпа придворныхъ, Герцоговъ и Перовъ вошла въ комнату. Между ими былъ и Герцогъ де Лафьядъ. Всѣ придворные служители, оскорблявшіе Молиера, явились также для исполненія своей должности. Кресла Короля были пусты. Всѣ остановились въ изумленіи, видя это необыкновенное зрѣлище.

Въ это время Лудовикъ XIV пилъ вино въ стаканъ актера.

«Господа, сказалъ Король, вы видите, что я угощаю Молиера, котораго мои служители считаютъ недостойнымъ сидѣть съ ними за однимъ столомъ (*).»

Лудовикъ XIV не говорилъ ни слова имъ самимъ, хотя они всѣ тутъ находились, потому что они не стояли того, чтобы Король обратился къ нимъ съ выговоромъ. Только тогда какъ онъ сѣлъ опять въ свои кресла, Лудовикъ сказалъ вельможамъ:

«Надѣюсь, что послѣ этого всѣ эти господа не заставятъ просить себя во второй разъ оказывать Молиеру должное уваженіе.»

Можно себѣ представить въ какомъ смущеніи и страхѣ стояли виновные.

(*) Mémoires de M-me Campan. Supplément à la vie de Molière, и проч.

Сколько были они горды и высокомерны съ тѣми, которые, по ихъ мнѣнію, стояли ниже ихъ, столько же были низки передъ всѣми остальными лицами. Они ни сколько не старались скрывать перемѣну своихъ чувствъ постепенными и незамѣтными переходами, но бросались безъ стыда и совѣсти въ самыя противоположныя крайности, отъ самаго наглаго тона къ подлѣйшей лести. Впадалъ ли кто въ немилость у Короля, о томъ забывали, не удостоивая его даже взглядомъ. Получалъ ли кто знакъ благоволенія, въ то же время дѣлался человекомъ удивительнымъ, полу-богомъ. Ему уступали вездѣ и во всемъ, жали руки, засыпали увѣреніями въ дружбѣ, не могли жить безъ него и, кажется, на каждомъ шагу готовы были говорить ему стихомъ изъ Андромахи:

Je ne l'ai point encore embrassé aujourd'hui.

И это не преувеличеніе, а точная истина.

Лафельдъ, самый безсовѣстный льстецъ, который когда либо существовалъ, никогда уже болѣе не упоминалъ о своемъ неудовольствіи противъ автора Школы женщинъ, и въ одну минуту простилъ ему всѣ оскорбленія и забылъ всѣ планы мщенія. Исторія говоритъ, что въ день этого завтрака, Молиеръ получилъ множество неотступныхъ приглашеній разнаго рода со всѣхъ сторонъ, отъ самыхъ богатыхъ, гордыхъ и знатныхъ вельможъ. Мы готовы держать закладъ, что Лафельдъ былъ въ числѣ первыхъ. Что же касается до низшихъ дворцовыхъ чиновъ, они почитали за счастье обѣдать съ Г. де Молиеромъ, этимъ удивительнымъ актеромъ и писателемъ, который вполнѣ заслужилъ всѣ знаки Королевскаго благоволенія.

Но кто можетъ описать, что происходило съ поэтомъ въ эту минуту? Что чувствовалъ онъ, полный удивленія и благодарности въ душѣ своей, которую такъ легко можно было тронуть? Подобныя

ощущенія могли быть описаны только имъ самимъ, и мы очень жалѣемъ, что другъ его, Шапель, не передалъ намъ того, что ему вѣроятно рассказывалъ Молиеръ объ этомъ завтракѣ, возвратясь изъ дворца. По несчастію, Шапель былъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ поклонниковъ Бахуса, и занятый только собою и своими грязными удовольствіями, не понималъ цѣны дружбы Молиера, и вмѣсто того, чтобы оставлять послѣ своей смерти кипу вздорныхъ стиховъ, пѣсень, которыхъ никто теперь не слушаетъ, эпиграмъ, которыхъ никто не читаетъ, гораздо бы лучше сдѣлалъ, если бы передалъ потомству разговоръ съ своимъ другомъ и драгоценныя подробности жизни этого человѣка, изъ которыхъ могъ бы составить занимательную и любопытную книгу.

Не можемъ окончить нашего разсказа безъ того, чтобы не сказать, что Принцъ Конде, присутствовавшій при этомъ завтракѣ, также очень любилъ Молиера. Послѣ Короля, побѣдитель при Рокруа былъ первымъ защитникомъ поэта, и если бы мы знали всѣ подробности этой сцены, то вѣрно бы увидѣли, что и Принцъ принималъ въ ней участіе. Великій Конде часто бывалъ у Молиера, но вида, что иногда прерываетъ его занятія, заставлялъ его приходиться въ отель - Конде всегда, когда онъ найдетъ минуту свободнаго времени. Когда Молиеръ являлся, Принцъ отсылалъ своихъ людей, приказывалъ никого не принимать, и заперался одинъ съ флосомомъ. Часто такимъ образомъ просиживали они болѣе трехъ часовъ.

Что же касается до Лудовика XIV, то онъ поступалъ съ авторомъ *Мизантропа*, какъ великій Монархъ, истинный другъ и просвѣщенный покровитель. Если кто не согласится съ этимъ, то пусть скажетъ намъ, какъ иначе представляетъ онъ себя умнаго человѣка и великаго Короля.

АРТИСТЫ И АРТИСТКИ ИТАЛИАНСКОЙ ОПЕРЫ ВЪ ПАРИЖЬ.

ПОЛИНА ГАРСИА.

Въ продолженіе трехъ столѣтій не умолкала музыкальная слава фамили Гарсіа, послѣднею представительницею которой была Марія Малибранъ, а нынѣ Полина Гарсіа, достойная преемница сестры своей, слишкомъ рано похищенной смертію.

Полина Гарсіа (Фердинанда-Лауренція), родилась 18 Іюля 1821 года. Восприемниками ея отъ купели, въ церкви Св. Роха, были Іосифъ Фердинандъ Перъ, тогдашній Директоръ Королевской Капеллы, и Княгиня Прасковья Голицына, урожденная Графиня Шувалова. Такимъ образомъ, еще въ колыбели, артистка была окружена представителемъ искусства и представительницею свѣта, — искусства, котораго долженствовала быть украшеніемъ, свѣта, которому назначено было гордиться рѣдкими качествами ума и сердца этой женщины.

Когда Полинь было три года, родители ея оставили Парижъ, и послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Лондонѣ, отправились въ Нью-Йоркъ, а отсюда въ Мекенку. Междоусобная война, терзавшая сію несчастную страну послѣ того, какъ она объявила себя независимымъ владѣніемъ, несмысленное ожесточеніе партій, убійства, грабежъ, заставили Эмануила Гарсію бѣжать изъ Мексики, въ 1829 году, вмѣстѣ съ семействомъ и театральною труппою, которой онъ былъ директоромъ. При переходѣ чрезъ горы, отдѣляющія

Мекенку отъ моря, несчастный отецъ семейства былъ начисто ограбленъ отрядомъ, даннымъ для охраненія странниковъ, и, лишенный всѣхъ средствъ, полунагой, брошенъ въ холодныхъ, необитаемыхъ ущельяхъ. Это событіе, съ малѣйшими подробностями оставшееся въ памяти Полины, лишило ея отца 60,000 франковъ, нажитыхъ утомительными странствованіями и постоянными трудами. Эмануилу Гарсіи удалось, впрочемъ, добраться до гавани. Пылкая страсть къ искусству, заботливость о воспитаніи дѣтей, скоро возвратили ему прежнюю дѣятельность: самоотверженіе и надежда почти всегда неразлучны въ сердцѣ истиннаго художника.

Марко Вега, органистъ соборной церкви въ Мексикѣ, училъ Полину на фортепіанѣ, но малютка, по наступившимъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ, почти все забыла. Въ продолженіе морскаго путешествія, отецъ познакомилъ дочь съ начальными правилами пѣнія, посредствомъ нарочно написанныхъ для того пѣсень, которыхъ текстъ былъ составленъ изъ разноязычныхъ словъ. Эта метода сблизила дѣвочку съ разнообразными нарѣчійми, и приучила ея слухъ и голосъ къ исполненію труднѣйшаго *ensemble*, что принадлежитъ нынѣ къ лучшимъ достоинствамъ артистки. Имѣя шесть лѣтъ отъ рода, Полина весьма свободно говорила по-Французски, по-Испански, по-Италянски и по-Англійски. Въ послѣд-

ствии, она выучилась Нѣмецкому языку, и теперь владѣетъ имъ, какъ природная Нѣмка.

Рановременное образованіе, которое Эммануилъ Гарсія далъ своимъ дѣтямъ, послужило поводомъ къ клеветѣ, подкрѣпленной злостію и завистію партій, вооружившихся противъ отца Маріи и Полины. Говорили, будто онъ старался развить неестественнымъ образомъ физическія и нравственныя силы своихъ дѣтей; плоды его постоянныхъ стараній были перетолкованы въ жестокое обращеніе съ несчастными дочерьми. Все это гнусная ложь. Полина до сихъ поръ всегда съ благоговѣніемъ вспоминаетъ о нѣжной заботливости покойнаго отца, и точно такимъ же образомъ отзывалась о немъ знаменитая Малибранъ.

По возвращеніи въ Парижъ, въ 1829 году, юная Полина поступила ученицею къ опытному профессору Мейзенбергу, умершему нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и чрезъ него познакомилась съ основательными правилами игры на фортепіанѣ. Радя своего наставника быстрыми успѣхами, Полина болѣе и болѣе углублялась въ сущность искусства, и въ продолженіе трехъ лѣтъ исключительно занималась однимъ упражненіемъ пальцевъ. Уже послѣ такой продолжительной работы, страшной для самаго отчаяннаго терпѣнія, она рѣшилась, для опыта, разыграть сектуоръ Гуммеля. Музыкальному свѣту извѣстно, что Полина включила себя въ рядъ первостепенныхъ піанистокъ, и что Листъ, съ которымъ она исполняла труднѣйшія творенія Баха, изъявилъ желаніе навсегда видѣть ее въ числѣ артистокъ этого инструмента. Полина, видя себя принужденною отказаться отъ фортепіана, по причинѣ опасности, угрожавшей ея слабому здоровью, и до сихъ поръ столько упражняетъ себя, сколько нужно для надлежащей гибкости пальцевъ при аккомпаниментѣ.

Не больше трехъ лѣтъ, какъ Полина Гарсія начала серьезно заниматься гѣніемъ. Прежде она только пробѣгала всѣ возможные партитуры. Не смотря на то, ея юный духъ, блуждая съ самой ранней поры въ неизмѣримой области музыкальныхъ твореній, успѣлъ постигнуть мелодіи Шуберта, которыя Полина списала собственною рукою въ такихъ лѣтахъ, когда одинъ необыкновенный, добровольный энтузіазмъ можетъ подвинуть къ столь утомительной работѣ.

Когда настало время дать прочное, положительное направленіе занятіямъ вокальною музыкою, Полина Гарсія принялась за трудныя упражненія въ сольфеджіо для того, чтобы сообщить своему органу ровность, и постепенно совершенствовать его. Изучивъ піесы, написанныя покойнымъ отцомъ для Маріи, она сама создала себѣ особый родъ упражненій, къ чему не мало способствовали уроки Рейхи (Reicha), у котораго Полина училась основнымъ правиламъ композиціи и гармоніи. Слѣдовательно, утверждали несправедливо, будто Полина Гарсія образовала себя при помощи скрипки. Она никогда и не старалась вступать въ борьбу съ симъ инструментомъ, а если писала всѣ аккомпанименты къ знаменитымъ *этюдамъ* зятя своего, Беріо, то это не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ ея упражненіямъ въ гѣніи.

Полина Гарсія окончила курсъ вокальной музыки въ Брюсселѣ, въ кругу семейства, подъ надзоромъ матери, ясному уму и вѣрному руководству которой должно приписать честь такого прекраснаго музыкальнаго воспитанія. Въ Брюсселѣ же, въ нѣкоторыхъ артистическихъ гостиницахъ, Полина приучалась пѣть предъ публикою, собирая дань усердныхъ рукоплесканій, предвѣщавшихъ будущія театральныя торжества, и наконецъ, въ этомъ же городѣ, 13-го Декабря 1837 года, въ первый разъ пѣла въ концертѣ,

для бѣдныхъ. Беріо также участвовалъ въ этомъ любопытномъ концертѣ, содѣйствовалъ къ достойному открытію художническаго поприща сестры несчастной Маріи, память которой, какъ супруги незабвенной, знаменитый виртуозъ почтилъ продолжительнымъ, печальнымъ молчаніемъ. Филантропическое общество выдало по сему случаю двѣ медали, одну для Полины, другую для Беріо, и тотчасъ же уничтожило форму медалей. На одной сторонѣ медали, поднесенной Полиѣ Гарсіи, находится изображеніе Леопольда, Короля Бельгійцевъ; на другой, надпись: «Жертва благодарности и удивленія Г-жѣ Полиѣ Гарсіи: Королевское Филантропическое общество въ Брюсселѣ, по случаю концерта, въ пользу бѣдныхъ, даннаго 15-го Декабря 1837 года, въ Ратушѣ.»

Молодая пѣвица въ правѣ гордиться симъ знакомъ благороднаго поступка и прекраснаго триумфа: это былъ первый цвѣтокъ въ вѣнкѣ, украшающемъ нынѣ ея чело.

Послѣ перваго публичнаго концерта въ Брюсселѣ, Полина Гарсіа пѣла съ такимъ же успѣхомъ въ различныхъ городахъ Бельгіи, и наконецъ отправилась съ матерью и Беріо въ Германію. Странствующие артисты вездѣ были принимаемы съ восторгомъ. Въ Берлинѣ и Дрезденѣ они заслужили лестное одобреніе двора; Полина была награждена богатымъ изумруднымъ фермуаромъ. Во Франкфуртѣ она пѣла дуэтъ съ Зонтагъ, нынѣшнюю Графиню Росси, незадолго до отъѣзда ея въ Петербургъ.

Въ 1838 году, Полина Гарсіа оставила Германію, и послѣ вторичнаго пребыванія въ Брюсселѣ, продолжавшагося нѣсколько мѣсяцевъ, возвратилась въ Парижъ, куда еще прежде поѣхалъ Беріо. Парижане долго не забудутъ великолѣпнаго концерта сихъ двухъ артистовъ, 15-го Декабря, въ театрѣ *Возрожденія*. Въ этомъ концертѣ, Полина пѣла арію Ко-

сты, трудную по болшему объему голоса, котораго она требуетъ, и тяжкую по грустному воспоминанію о Маріи. Кромѣ того, Полина пѣла арію Беріо и «Каденцу Діавола,» подражаніе «Слу Тартини,» причѣмъ акомпанировала себя на фортепіанѣ съ такою граціею и искусствомъ, что одинъ этотъ талантъ могъ бы привести въ восторгъ слушателей.

Второй концертъ данъ былъ въ превосходной залѣ Герца, при содѣйствіи Лаблаша, Рубини и Иванова. Гарсіа пѣла съ необыкновеннымъ успѣхомъ арію Агаты изъ Фрейшвица, на Нѣмецкомъ языкѣ, и тріо изъ Сотворенія съ Лаблашемъ и Рубини. Это музыкальное празднество упрочило возникавшую славу пѣвицы точностію, вѣрностію, смѣлостію и силою ея голоса, способнаго и къ *pièces d'ensemble*, и къ соло въ труднѣйшихъ твореніяхъ Нѣмецкой Школы. Парижскія гостинныя немедленно овладѣли молодою артисткою.

Увѣнчанная блистательными успѣхами въ свѣтѣ, гдѣ не такъ давно производила восторгъ сестра ея, Маріа, Полина была ангажирована къ Италіанской Оперѣ въ Лондонѣ, 9-го Мая 1839 года, гдѣ и дебютировала на Королевскомъ Театрѣ, въ *Отелло*, высокою созданіи Шекспира и Россини. Не смотря на неизгладимыя воспоминанія, оставленныя въ душѣ слушателей Пастою и Малибранъ, Полина умѣла выставить роль Дездемоны въ новомъ блескѣ. Затѣмъ, она являлась въ Ченерентолѣ, гдѣ ея грація и наивность были равносильны энергіи и страсти въ *Отелло*. Приглашенная въ аристократическій кругъ, Полина нѣсколько разъ нѣла на частныхъ вечерахъ Королевы Викторіи, и всегда заслуживала самую лестную похвалу Ея Величества.

Віардо, тогдашній директоръ Парижской Италіанской Оперы, находившійся въ то время въ Лондонѣ, ангажировалъ Гарсію на сезонъ, который долженъ былъ начаться съ 1-го Октября. Еще прежде,

Académie royale de musique обращалась съ предложеніями къ юной пѣвицѣ; но опасаясь не выдержать огромнаго репертуара, Гарсія благоразумно отстранила отъ себя, на нѣкоторое время, всѣ предложенія.

Парижане съ нетерпѣніемъ ждали услышать пѣвицу передъ публикою, которая не всегда принимаетъ за чистую монету славу артиста, упроченную въ другихъ земляхъ. Всѣ ложи Итальянскаго театра были разобраны за мѣсяць на три представленія. Полина Гарсія дебютировала 8-го Октября, въ роли Дездемоны, недавно созданной ею въ Лондонѣ, созданной потому, что пѣвица изучала ее не по образцу своихъ предшественницъ, но по Шекспиру, съ языкомъ котораго вполне знакома. Мимикою и пѣніемъ, Гарсія превзошла всѣ ожиданія, коими была встрѣчена при появленіи на сцену. Слушатели въ особенности изумлялись объему ея голоса, который отъ низкаго *f* доходитъ до высокаго *c*, что составляетъ двѣ съ половиною октавы!... Знатки дивились также точности костюма. Полина Гарсія, дѣйствительно, сама избираетъ свой костюмъ по образцамъ, находящимся въ Королевской Библиотекѣ. Историческая вѣрность сія подала поводъ къ счастливому нововведенію во второмъ актѣ *Ченерентолы*, гдѣ умная замрашка, вмѣсто обыкновеннаго фантастическаго костюма, являлась въ настоящей пышной одеждѣ великаго столѣтія. Ни Момбелли, ни Зонтагъ, не выполняли партіи *Ченерентолы* съ большею увлекательностію.

Для третьяго дебюта, Полина Гарсія выбрала себѣ *Розину*. Справедливость требуетъ сказать, что эта попытка сначала не вполне соответствовала ожиданіямъ поклонниковъ артистки, и что *Розина*, при всей ослѣпительной роскоши вокализаціи, быть можетъ, по этой самой причинѣ и не осуществила идеала *Розины*. Публика наградила ее, впрочемъ, громкими руко-

плесканіями. Со втораго представленія, Гарсія всегда пѣла и играла эту роль съ отличными совершенствомъ. Въ тотъ же сезонъ, она являлась съ большимъ успѣхомъ въ *Танкредѣ*.

Такимъ образомъ, въ теченіе одного года, имя Полины Гарсіи достигло до высокой степени славы. Парижъ и Лондонъ увѣнчали юную пѣвицу; но умная артистка, конечно, не увлечется торжественными похвалами до того, чтобы остановиться неподвижно на одной ступени. Соединяя съ глубокимъ познаніемъ драматическаго искусства основательныя музыкальныя свѣдѣнія и превосходную организацію, она имѣетъ на своей сторонѣ всѣ условія, всѣ преимущества, чтобы быть великою трагическою актрисою и великою пѣвицею. Притомъ, Полина Гарсія такъ молода, отличается такою пламенною фантазією, такою живостію ума, что непростительно было бы не имѣть впереди новыхъ надеждъ.

Физиономія Полины Гарсіи имѣетъ въ себѣ много благородной важности; походка ея величественная, непринужденная, равно, какъ и вся осанка. Въ глазахъ, какъ и у Марин, блестятъ огонь и живость; жесты всегда натуральны, истинны; ростъ высокій, стройный; волосы черные; цвѣтъ лица страстной Испанки, однимъ словомъ, все обличаетъ въ Полину артистку—глаза, голова, сердце.

Голосъ Полины Гарсіи, соединяющей сильныя тоны прекраснѣйшаго *контральто* съ самыми высокими *сопрано*, имѣетъ много сходства съ голосомъ свояченицы ея, Мануэль Гарсіи, недавніе дебюты которой, въ *колической оперѣ*, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Знатки тотчасъ замѣтятъ, что обѣ пѣвицы образовались въ одной знаменитой школѣ Гарсіи, обладающей тайною подобной методы. Голосъ Полины, всегда полный, ровный, вѣрный, имѣетъ чистѣйшій металлическій звукъ, особенно въ среднихъ и низкихъ тонахъ.

Съ удивительною гибкостью и выражаетъ оныя грусть, радость, отчаяніе, а драматическій колоритъ, господствующій въ тончайшихъ оттѣнкахъ чувства и страсти, можно назвать истиннымъ феноменомъ вокализации, недоступнымъ для анализа.

Независимо отъ богатыхъ даровъ, которыми артистка обязана природѣ, искус-

ству и собственнымъ стараніямъ, Полина Гарсія сама сознаетъ въ себѣ свое призваніе и стремленіе къ высокой цѣли. Теперь она занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между знаменитыми талантами, но чего нельзя ожидать еще отъ такой геніальной женщины?

Фрагментъ изъ оперы "Труффальдино в Фанфанелле" (L'italiano in Algeri) Полин Гарсія исполняетъ въ роли Труффальдино. Ея игра отличается необычайной гибкостью и выразительностью. Она способна передать самые тончайшіе оттенки чувства и страсти, что придаетъ ея исполненію особую прелесть и драматическій колоритъ. Ея пѣніе отличается удивительною гибкостью и выразительностью, что придаетъ ея исполненію особую прелесть и драматическій колоритъ.

Въ оперѣ "Труффальдино в Фанфанелле" Полин Гарсія исполняетъ роль Труффальдино. Ея игра отличается необычайной гибкостью и выразительностью. Она способна передать самые тончайшіе оттенки чувства и страсти, что придаетъ ея исполненію особую прелесть и драматическій колоритъ. Ея пѣніе отличается удивительною гибкостью и выразительностью, что придаетъ ея исполненію особую прелесть и драматическій колоритъ.

Въ оперѣ "Труффальдино в Фанфанелле" Полин Гарсія исполняетъ роль Труффальдино. Ея игра отличается необычайной гибкостью и выразительностью. Она способна передать самые тончайшіе оттенки чувства и страсти, что придаетъ ея исполненію особую прелесть и драматическій колоритъ. Ея пѣніе отличается удивительною гибкостью и выразительностью, что придаетъ ея исполненію особую прелесть и драматическій колоритъ.

Въ оперѣ "Труффальдино в Фанфанелле" Полин Гарсія исполняетъ роль Труффальдино. Ея игра отличается необычайной гибкостью и выразительностью. Она способна передать самые тончайшіе оттенки чувства и страсти, что придаетъ ея исполненію особую прелесть и драматическій колоритъ. Ея пѣніе отличается удивительною гибкостью и выразительностью, что придаетъ ея исполненію особую прелесть и драматическій колоритъ.

Въ оперѣ "Труффальдино в Фанфанелле" Полин Гарсія исполняетъ роль Труффальдино. Ея игра отличается необычайной гибкостью и выразительностью. Она способна передать самые тончайшіе оттенки чувства и страсти, что придаетъ ея исполненію особую прелесть и драматическій колоритъ. Ея пѣніе отличается удивительною гибкостью и выразительностью, что придаетъ ея исполненію особую прелесть и драматическій колоритъ.

III. СМѢСЬ.

РЕВНОСТЬ РОССИИ.

Въ 1817 году, когда Россини писалъ въ Миланъ знаменитую оперу свою *Сороку-Воровку*, онъ былъ не въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ басистомъ Галли, по поводу волокитства за одною изъ пѣвицъ тамошняго театра, которой оба они строили куры. Пѣвица, однако же, видимо предпочитала Галли, и Россини рѣшился отомстить за это своему сопернику. Ему очень хорошо былъ извѣстенъ объемъ голоса Галли, и онъ зналъ, что у него есть два, три тона, которыхъ пѣвецъ не можетъ выдержать, и при которыхъ онъ непременно сфальшитъ. Въ одномъ изъ речитативовъ, которые приходились въ партіи Галли (въ роли Фервандо, Россини именно подвелъ эти три роковыя ноты (при словахъ: *Sciagnato e guida, e colla spada già, già m'è sopra*). Галли, спѣлъ ихъ и сфальшилъ, какъ должно было ожидать. Пѣвица не простила ему этого музыкальнаго проступка, и Россини имѣлъ удовольствіе выйти побѣдителемъ изъ этой любовной борьбы.

НЕОЖИДАННОЕ РѢШЕНІЕ.

Давно, очень давно, къ Русской оперѣ, въ Москвѣ, были ангажированы двое Итальянскихъ пѣвцовъ, знавшихъ нѣсколько говорить по-Русски, но все таки сохранившихъ въ высшей степени свое Итальянское произношеніе. Между ими произошло однажды споръ, касательно того, кто изъ нихъ лучше произносить по-Русски, на сценѣ, и они обратились къ одному изъ товарищей своихъ, коренному

Русскому и притомъ извѣстному остряку, который долженъ былъ рѣшить ихъ недоумѣніе. — «По моему мнѣнію, Г-нъ К. произносить лучше, нежели Г. Т.» сказалъ избранный судья. — «Помилуйте,» возразилъ Г., «да вѣдь я гораздо долѣе его въ Россіи, и, безспорно, говорю чище его.» — «Въ томъ-то и дѣло, что когда поете вы, у васъ понимаешь каждое слово, а у Г. К. не поймешь ничего!»

БАЛЬЗАКЪ И КИНОЛА.

По поводу новой драмы Бальзака, *Les Ressources de Quinola*, содержащей которой мы уже сообщали въ обзорѣ Парижскихъ Театровъ, помѣщенномъ въ VI-й кн. Реп. и Пант., на Бальзака напала почти во всѣхъ Парижскихъ газетахъ, и чтобы показать свое безпристрастіе, критики, при этомъ случаѣ, начали выхвалять романы Бальзака, которые они до того времени, по большей части, жестоко порицали. Прочитавъ эти статьи, Бальзакъ сказалъ: «Видно, приходится мнѣ написать еще одинъ романъ; тогда, авось, критики примутся хвалить мою драму!»

КАДАМБУРНАЯ ПОЭЗІЯ.

Въ 1815 году, въ періодъ знаменитыхъ Ста Дней, случилось въ Тулузѣ слѣдующее происшествіе. Дебюты тамошней театральной труппы кончились счастливо, за исключеніемъ комика, который совершилъ великолѣпное паденіе, и котораго директоръ хлопоталъ замѣстить поскорѣе другимъ. Въ то время, полтика играла важную роль и въ театрѣ; Тулуза, особенно, отличалась шумными сценами; источникъ. — 5

никомъ которыхъ были приверженцы партіи Лудовика XVIII и партіи Наполеона.

Директоръ объявилъ наконецъ, что онъ ангажировалъ въ Парижѣ превосходнаго комика, Тиста, и надѣется, что жителямъ Тулузы понравится актеръ, осыпанный похвалами въ письмахъ всѣхъ театральныхъ корреспондентовъ. Къ несчастію, вскорѣ разнесся слухъ, что Тистъ приверженецъ Бурбоновъ, и будущій дебютантъ провозглашенъ былъ отъявленнымъ анти-Бонапартистомъ. Зрители сей последней и самой многочисленной партіи, вознегодовавъ, заранѣе поклялись погубить ревнистаго роялиста. Такимъ образомъ подписанъ былъ приговоръ несчастнаго Тиста, прежде нежели онъ успѣлъ взять мѣсто въ дилижансѣ.

Насталъ день дебюта. Лишь только Тистъ, блѣдный, трепещущій, вышелъ изъ за кулисъ, раздались страшные крики, пронзительные свистки, *à bas, bravo*, и, наконецъ ожесточеніе обѣихъ партій готово было превратиться въ рукопашный бой. Въ эту минуту опустили завѣсу.

Пока въ залѣ шумѣли и кричали, директоръ шагалъ вдоль и поперегъ сцены, то хватаясь рукою за голову, то поднимая глаза къ небу, то вдругъ останавливаясь, какъ человекъ вдохновенный. Можно было подумать, что онъ сошелъ съ ума, но почтенный директоръ готовилъ неожиданную развязку неприятному дѣлу. Приказавъ поднять завѣсу, онъ важно приблизился къ аванъ-сценѣ, и послѣ трехъ обычныхъ поклоновъ, обратился къ публикѣ съ слѣдующимъ привѣтствіемъ:

«Messieurs! Vous avez sifflé Tiste,
Et Tiste est mauvais, j'en conviens;
Mais faut-il qu'ainsi, pour un rien,
Le public se fâche et m'attriste?
Si vous repoussez cet artiste,
Si vous trouvez, qu'il ne vaut rien,
Je vous en dédommage bien,
Car ma troupe est bonne, à part Tiste.» (*)

(*) Господа! Вы освистали Тиста. Согласенъ, что Тистъ дуракъ, но неужели за такую бездѣ

лшь только директоръ кончилъ свою рѣчь, раздались изступленные крики одобренія; обѣ партіи единодушно аплодировали столь оригинальному присутствію духа. Между тѣмъ, при громѣ общихъ восклицаній, Тистъ былъ выведенъ на сцену директоромъ и любимую актрисою, и встрѣченъ, какъ нельзя лучше.

По милости плохаго каламбура, артистъ, за минуту уничтоженный въ прахъ, сдѣлался любимцемъ публики.

ВѢРНОЕ ПРЕДСКАЗАНІЕ.

Можно ли, по фізіономіи человека, определить его дарованія и способности? Слѣдующій анекдотъ удовлетворительно рѣшаетъ сію задачу.

Въ то время, когда Глукъ выступилъ на поприще лирической драмы, случилось ему быть въ Цюрихѣ, гдѣ жилъ Лафатеръ, уже начинавшій основывать школу, въ послѣдствіи столько знаменитую. Германскій композиторъ слышалъ мелькомъ о фізіологическихъ трудахъ Лафатера, и хотя не совсѣмъ вѣрилъ въ непогрѣшительность его ученія и наблюдений, однако жъ, при своемъ пылкомъ умѣ и воображеніи, влюбленномъ во все чудесное, страстно желалъ познакомиться съ новыми, смѣлыми, блестящими гипотезами фізіономиста. Глукъ отправился къ Лафатеру.

Основатель фізіономической школы сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, настоящемъ музеумѣ, гдѣ головы всѣхъ современныхъ знаменитостей были отлиты съ величайшею тщательностію, и оканчивалъ огромную переписку, которой обыкновенно посвящалъ большую часть утра. Лафатеръ не замѣтилъ, повидимому, прихода артиста, и, увлеченный мыслями, продолжалъ публичка должна сердиться и огорчать меня? Если вы отвергнете этого артиста, если, по вашему мнѣнію, онъ никуда негодится, я вознагражу васъ съ излішкомъ, потому что труппа моя хороша, за исключеніемъ Тиста.— Эти слова по-Французски составляютъ каламбуръ: *bonne à part Tiste* и *Bonapartiste*.

жалъ писать, даже не взглянувъ на новаго посѣтителя. Такъ продолжалось больше полчаса, и Глукъ уже начиналъ приходить въ замѣшательство отъ столь долгаго ожиданія. Наконецъ, Лафатеръ, устремивъ на него свои голубые глаза, исполненные ума и доброты, спросилъ:

— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

«Извините, отвѣчалъ артистъ съ улыбкою, извините, если я не отвѣчу на вашъ вопросъ, и предоставлю вамъ самимъ рѣшить сго. Вамъ, конечно, нѣтъ въ этомъ ни какого труда при вашей прозорливости и проницательности. И такъ, позвольте мнѣ спросить у васъ: кто и что я?»

Глукъ, разумеется, думалъ смутить знаменитаго ученаго; но Лафатеръ былъ уже приученъ къ подобнымъ хитростямъ, и нѣсколько разъ, къ неопisanному изумленію своихъ многочисленныхъ посѣтителей, выходилъ побѣдителемъ изъ труднаго испытанія. И такъ, не смутившись ни сколько вопросомъ маэстро, онъ внимательно сталъ разсматривать его черты и фізіономію, и черезъ нѣсколько минутъ, окончилъ свой осмотръ восклицаніемъ:

— Нѣтъ, я не ошибаюсь: вы музыкантъ....

«Правда, отвѣчалъ артистъ, но это опредѣленіе неопредѣленно. Не можете ли вы сказать, что именно составляетъ предметъ моихъ музыкальныхъ занятій?»

При новомъ вопросѣ, Лафатеръ замолчалъ и задумался, но вдругъ сказалъ:

— Вы композиторъ... драматическій композиторъ... Отличительные признаки ваши: сила, энергія, смѣлость, возвышенность чувствъ, величіе идей... Бьюсь объ закладъ, продолжалъ Лафатеръ, вынимая изъ бібліотеки великолѣпно переплетенное сочиненіе, вы авторъ этой партіцип...

Глукъ узналъ свою оперу: *Паденіе Гигантовъ*, имѣвшую колоссальный успѣхъ во всей Германіи. Изумительная, необычайная презорливость Лафатера почти утратила музыканта.

— Я еще не все высказалъ, продол-

жалъ Лафатеръ, котораго чело сіяло вдохновеніемъ при возраставшей торжественности голоса... Вы призваны къ великому дѣлу... Вы оставите послѣ себя прекрасный путь, безсмертныя воспомнанія.... Вы будете основателемъ знаменитой школы... Вы заключаете въ душѣ своей необыкновенную силу творчества и тотъ пылъ къ борьбѣ и битвѣ, который образуетъ славныхъ предводителей и упрочиваетъ побѣду...

Черезъ три года послѣ этого свиданія, Глукъ былъ во Франціи, гдѣ давали его *Ифигенію въ Тавриду*, вдохновенное созданіе, возобновившее формы лирической драмы. Всѣмъ извѣстно, что по сему случаю, музыкальный міръ раздѣлился на двѣ враждебныя партіи, и имя Глука, прославленное борьбою, дошло до насъ въ полномъ блескѣ и величіи. Лафатеръ разгадалъ знаменитаго Германскаго композитора.

КУПЛЕТЪ КСТАТИ.

Одинъ сочинитель драмъ и водевилей, весьма извѣстный на Тамплъскомъ бульварѣ, богатый веселостію и остроуміемъ, но бѣдный деньгами, познакомился въ кофейнѣ, гдѣ собираются авторы и капиталисты, съ однимъ изъ тѣхъ обязательныхъ заимодавцевъ, которые стараются имѣть дѣло преимущественно съ литераторами, изъ уваженія къ ихъ безопасности и нерадѣнію.

Засвидѣтельствовавъ надлежащимъ образомъ заемное письмо, герой биржи ссудилъ героя пера тысячею эку по двадцати пяти процентовъ, и послѣ этой сдѣлки оба героя заключили между собою родъ дружескаго союза. Биржевой человѣкъ не могъ обойтись безъ человѣка умнаго, а умный человѣкъ былъ радъ поддерживать знакомство, во всякомъ случаѣ полезное.

Однажды утромъ, сошедшись по обыкновенію въ условенной кофейнѣ, заимодавецъ сказалъ литератору:

— Любезный другъ! Я долженъ просить тебя о важной услугѣ.

«Съ большимъ удовольствіемъ... Въ чемъ дѣло?»

— Вчера, въ спектакль, я познакомился съ одною дамою, и, кажется, она нашла меня не совсѣмъ противнымъ, потому что сегодня назначила мнѣ свиданіе. Я желалъ бы изложить ей письменно объясненіе прямое, страстное; но вѣдь ты знаешь, что слогъ не мое дѣло...

«Конечно... тебѣ извѣстенъ только слогъ заемныхъ писемъ.»

— Проказникъ!.. Признаюсь, я надѣялся на тебя... Мы теперь сядемъ завтракать, а за десертомъ ты мнѣ набросашь проектъ письма; я сплужу его, и буду счастливѣйшій изъ смертныхъ.

«Очень радъ доставить тебѣ счастье.»

Письмо написано; друзья разстались.

Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, герой биржи безпрестанно твердилъ драматическому писателю о своей любовной интригѣ. «Тебѣ, говорилъ онъ, твоему увлекательному слогу, я всѣмъ обязанъ.»

— Но неужели ты до сихъ поръ влюбленъ?

«Больше чѣмъ когда нибудь... Представь мое счастье: она уже три года за мужемъ...»

— А! замужняя...

«Это-то мнѣ и нравится... У ней еще не было дѣтей... Понимаешь?»

— Молодецъ!

«Я хочу попросить тебя написать куплетецъ на это счастливое событіе.»

— Изволь.... Если хочешь, напишу пѣлюю пѣсню на арію изъ *Деревенскаго Колдуна*: «C'est un enfant.» Что ты скажешь на это?...

«Безподобно, мой другъ, безподобно!»

За пуншемъ, пѣсня была готова. Счастливый любовникъ ушелъ, упоенный блаженствомъ и радостію.

На другой день утромъ, литераторъ лежалъ еще въ постели; жена его встала прежде, и, убирая комнату, напѣвала пѣ-

сенку. Литераторъ прислушивается... голось, слова... такъ! это та самая пѣсня, которую онъ сочинилъ вчера для своего глупаго друга...

— Что за пѣсню ты поешь? спросилъ литераторъ у жены.

«Право, не знаю.... Я пою ее, кажется, лѣтъ сто.»

— А!...

Драматическій авторъ нашъ намѣренъ избрать этотъ сюжетъ для новой комедіи; но его сильно затрудняетъ развязка.

МУЗЫКАЛЬНАЯ СПЕКУЛЯЦІЯ.

Спекуляція вздумала извлечь пользу изъ огромныхъ доходовъ, которые доставляетъ вокальная музыка. Въ мелодической Италіи уже давно существуютъ и нелегитимированные подрядчики, берущіе на себя обязанность выводить на сцену еще неизвѣстные таланты. Нѣтъ никакой возможности миновать рукъ сихъ подрядчиковъ. Они овладѣваютъ дарованіемъ въ самомъ цвѣтѣ, заключаютъ съ нимъ договоръ, и, за извѣстную сумму, располагаютъ имъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Одинъ изъ умныхъ Французскихъ музыкантовъ, и вмѣстѣ ученый критикъ, сдѣлалъ попытку надъ Италіанскою методою. На свой рискъ взялъ онъ нынѣ молодаго пѣвца, бѣднаго, неопытнаго, никому не извѣстнаго; рѣшился образовать его и потомъ пустить въ дѣло съ условіемъ, чтобы пѣвецъ дѣлился съ наставникомъ доходами, въ теченіе десяти лѣтъ.

Подобная спекуляція, весьма полезная для искусства, и прежде была извѣстна во Франціи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ музыкальный подрядчикъ заключилъ условіе съ тремя воспитанниками, подававшими прекрасныя надежды: теноромъ, баритономъ и басомъ.

— Я упрочилъ свое состояніе, говаривалъ спекуляторъ, видя успѣхи юныхъ артистовъ.

Издержки его были уже довольно значительны; онъ выкупилъ своихъ питом-

цевъ отъ конскрипціи, какъ вдругъ горячка призвала баса въ могилу, а вскорѣ потомъ, баритонъ, въ слѣдствіе невоздержной жизни, совершенно потѣрять голосъ. Подрядчикъ принужденъ былъ опять отправить его въ деревню.

Теноръ наслаждался добрымъ здоровьемъ, отличался красивою наружностію, и голосъ его, съ каждымъ днемъ, пріобрѣталъ новую прелесть, силу, объемъ. Блестательные дебюты его въ гостиныхъ ручались хозяину за вознагражденіе всѣхъ понесенныхъ имъ убытковъ; Королевская Академія Музыки уже сдѣлала очень выгодныя предложенія; однимъ словомъ, въ перспективѣ являлись самыя лучшіе результаты... Чѣмъ же кончилось дѣло? Молодой пѣвецъ одержалъ побѣду надъ богатою вдовою, и она вышла за него за мужъ.

— А нашъ контрактъ! воскликнулъ спекуляторъ.

— «Я сказалъ, что мы будемъ дѣлать то, что я буду пріобрѣтать, но я не условливался пѣть на театрѣ.»

— Если эта статья была не вполне объяснена, то сущность самаго дѣла подтверждаетъ ее.

«Нѣтъ, я слѣдую буквальному смыслу контракта.»

— Такъ что же? Вы пріобрѣли тридцать тысячъ ливровъ годоваго дохода отъ вашей супруги; она получаетъ шестьдесятъ, а вы женились съ тѣмъ, чтобы пользоваться доходами нераздѣльно. И такъ, по контракту, слѣдуетъ на мою долю сто тысячъ эку.

Въ теченіе Мая, дѣло это будетъ разсматриваться во Франціи судебнымъ порядкомъ, въ первой инстанціи.

ВСѢ РАЗЫГРЫВАЮТЪ КОМЕДИЮ!

Въ одномъ Парижскомъ журналѣ напечатано: Младенецъ, черезъ три дня послѣ явленія на свѣтъ, еще не открывая глазъ, забавляется болтовнею полишинеля.

Четырехъ лѣтъ, онъ импровизируетъ за занавѣскою фантастическія комедіи

и страшныя драмы. Семилѣтній ребенокъ уже просится въ спектакль, и, воротясь домой, просить, чтобы вы купили ему ручной театръ, съ позолотою, съ завѣсою, которая поднимается и опускается, съ подвижными кулисами, съ актерами и актрисами всѣхъ націй и всѣхъ званій.

Въ училищѣ, мальчикъ любитъ, по преимуществу, трагическихъ писателей Аонія и Рима, изучаетъ Аристофана, смѣется надъ Сократомъ, уважаетъ Плавта и Теренція.

Восемнадцатилѣтній юноша восклицаетъ, обращаясь къ отцу:

— Вы желаете, папенька, чтобы я былъ адвокатомъ? Но я терпѣть не могу приказныхъ бумагъ. Чиновникомъ?... Но это званіе заставляетъ меня хохотать.... Я хочу быть актеромъ; Тальму еще никто не замѣнилъ; я возьму его котурны и славу.

Если отецъ не согласится, сынъ поступаетъ въ военную службу, и играетъ комедіи въ пользу бѣдныхъ. Отецъ умираетъ; сынъ плачетъ, какъ подобаеетъ доброму актеру, проситъ у дирекціи главнаго театра позволенія прочесть что нибудь, а та отсылаетъ его на провинціальный театръ, гдѣ онъ встрѣчаетъ свистки.

Вы думаете, что свистки смутили актера? Нисколько. Онъ удаляется въ какое нибудь захолустье, на югъ, и возвращается оттуда теноромъ. Въдь онъ видѣлъ Альпы, почти касался границъ Италіи, а извѣстное дѣло, что воздухъ Сень-Бернара и эхо театра де ла Скалы даютъ голосъ даже безголоснымъ.

Въ Парижѣ считается двѣ тысячи дѣйствующихъ актеровъ; четыре тысячи кандидатовъ, которые оканчиваютъ театральныя курсы, и десять тысячъ ожидающихъ очереди. Кромѣ тридцати театровъ различныхъ, проектируются еще столько же. Прійдетъ, можетъ быть, время, когда каждая улица будетъ имѣть свой театръ, и не достанетъ камней для Талинъ и Мельпомены.

Глубокомысленные философы должны рѣшить вопросъ: почему молодые люди увлекаются званіемъ актера?

Знаете ли вы, что шестнадцатилѣтняя дѣвица, получившая отличное воспитаніе, покорная родителямъ, умная, скромная, увѣрена, что, пѣть на свѣтъ никого счастливѣе актрисъ Плесси и Дозъ?

Плесси и Дозъ слушаютъ любовныя объясненія каждый вечеръ, съ позволенія родителей и начальниковъ; имъ безпрестанно говорятъ комплименты, бросаются въ ихъ погамъ, закалываются за нихъ кинжалами. Вы говорите: это комедія; но вѣдь комедія должна же имѣть какое нибудь слѣдствіе! Развѣ вы считаете за ничто отвѣты, которыми онѣ могутъ награждать своихъ пламенныхъ обожателей, слезы, которыя могутъ проливать безбоязненно, бѣлая плечи и бѣлую шейку, которыя могутъ показывать? Такая дозволенная свобода развѣ не жизнь во всей своей полнотѣ? А что вы скажете о рукопесканіяхъ, о цвѣтахъ, о вѣнкахъ, и наконецъ о страстяхъ, которыя актрисы возбуждаютъ въ зрителяхъ?

Надобно сознаться, что матери сами даютъ пищу столь опаснымъ наклонностямъ. Онѣ не требуютъ, чтобы ихъ дочери умѣли штопать мужнины колпаки, по учатъ дочерей на фортепіанѣ, и потомъ выставляютъ на показъ въ гостиной, гдѣ сотня недалковидныхъ слушателей портятъ дѣвицъ своими рукопесканіями.

ОБЩЕСТВО ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Недавно происходило въ Парижѣ годовичное засѣданіе общества драматическихъ писателей. Въ этомъ засѣданіи, Г. Арну сообщилъ обществу, что Министръ далъ обѣщаніе открыть въ скоромъ времени третій лирической театръ. Г. Арну напомнилъ также, что общество лишилось въ нынѣшнемъ году нѣсколькихъ членовъ своихъ, а именно Дювала, Теолона, Роже, Кенъ и Ода (Aude).

За докладомъ Г. Арну, послѣдовалъ докладъ Г. Фердинанда Лангле (казначей).

Г. Фердинандъ Лангле обратилъ вниманіе общества на постановленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, которымъ вмѣняется въ обязанность директорамъ странствующихъ труппъ театральныхъ присылать въ Министерство точные списки пѣсть, игравшихъ ихъ труппами. Списки эти, въ случаѣ споровъ о «правахъ автора», послужать для Коммисіи Общества вѣрными документами.

Далѣе, изъ представленныхъ обществу свѣдѣній видно, что:

Въ нынѣшнемъ году выдано въ пособіе 2,812 фр. 50 с.

Всего же выдано въ пособіе, со времени основанія общества, 61,952 фр.

О доходахъ авторовъ мы уже говорили въ VIII книжкѣ Р. и П.

Въ 1841 и 1842 г., наследники Далеярава получили 533 фр. 52 сент.; насл. Седена—1,755 фр. 9 сент. насл. Гретри—1,792 фр. 15 с.; насл. Николо 635 фр. 64 с.; насл. Дезожье — 569 фр. 61 с.; насл. Пикара—102 фр. 41 сент.

ЗАКЛАДЪ.

Лондонскій артистъ Джонъ Куперъ, весьма извѣстный въ свое время, имѣлъ пріятеля, какого-то Джое Гульда, большаго остряка и весельчака. Разъ, когда Куперъ утверждалъ, что его ничто не можетъ смѣшать на сценѣ, Гульд побился съ нимъ объ закладъ, что приведетъ его въ замѣшательство, какъ только вздумаетъ. Вскорѣ послѣ того, случился бенефисъ Купера. Къ этому бенефису, Гульд нанялъ, подъ чужимъ именемъ, ложи, самую близкую къ сценѣ. Потомъ, во время спектакля, онъ съ шумомъ вошелъ въ театръ, надѣлъ зеленыя очки необычайной величины, вынулъ изъ кармана телескопъ, и, привинтивъ его къ борту ложи, навелъ прямо на Купера. Въ эту минуту, Куперъ декламировалъ съ жаромъ какой-то патетической монологъ. Лишь только онъ кончилъ, Гульд воскликнулъ при-

творнымъ голосомъ: «Браво, Куперъ! хоть куда!» Всѣ зрители взглянули съ изумленіемъ на Гульда, но Гульдъ, не обращая ни на что вниманія, опять усѣлся за свой телескопъ, наведя его снова на Купера. Послѣ этого, бѣдный артистъ уже не могъ скрывать своего смущенія. Онъ кашлялъ, заикался, останавливался на полусловѣ, и не сводилъ глазъ съ телескопа. Между тѣмъ, Гульдъ, каждый разъ, когда онъ кашлялъ, заикался или останавливался, не докончивъ слова, приговаривалъ громко: «Не кашлай, Куперъ! Не заикайся, Куперъ!» Артистъ, наконецъ вовсе замолчалъ и подошелъ къ аванъ-сценѣ, чтобы извиниться передъ публикою; но, при новомъ возгласѣ своего неутомимаго преслѣдователя, до того смутился, что убѣжалъ со сцены. Вслѣдъ за тѣмъ скрылся изъ театра и Гульдъ....

Въ гардеробѣ, Куперъ нашелъ записку слѣдующаго содержанія: «Ужинай сегодня со мною, а завтра заплати проигранный закладъ. За это я ссужу тебя моимъ телескопомъ. Твой Джоэ Гульдъ.»

КИТАЙСКАЯ ДРАМА.

Французскій синологъ Базенъ издалъ (подъ названіемъ *Piraki, ou histoire de Luth*) переводъ одной изъ любимѣйшихъ Китайскихъ драмъ. Пьеса эта, представленная въ Китаѣ, въ первый разъ, еще въ 1404 году, имѣеть для насъ тотъ интересъ, что знакомить, также какъ и другія, подобныя ей произведенія, съ домашнею жизнію Китайцевъ, столь отдаленныхъ отъ насъ и столь мало намъ извѣстныхъ. Основною мыслию служить ей повиновеніе власти родительской, повиновеніе, которое Китайцы вообще утврждаютъ; характеры въ ней, особенно женскіе, вѣрно обрисованы и хорошо выдержаны. Весьма замѣчательно и находящееся при ней критическое разсужденіе, которое Базенъ перевелъ изъ Китайскаго предисловія къ этой драмѣ.

МЕЛОЧА.

Александръ Дюма получилъ за свою

новую пьесу, Лоренцино, отъ Французскаго Театра, премію въ 2,500 франковъ и отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ 6,000 франковъ.

— Изъ Милана пишутъ, что импрессио Морелли предлагаетъ (на выгодныхъ условіяхъ) Мейерберу написать, къ будущему карнавалу, оперу для Театра della Scala.

— Любимое произведеніе Россіи, его чудный *Stabat*, былъ недавно исполненъ въ Болоніи, подъ руководствомъ ученика Россіи, Довидзети. Стеченіе публики при этомъ случаѣ было необычайно великое. Соло въ *Stabat* пѣлъ Г-жи Клара Новело и Дели Антони и Гг. Ивановъ и Графъ Помпео Беліойозо. Сей послѣдній, обладающій превосходнымъ голосомъ (басомъ), нарочно, по настоятельной просьбѣ Россіи, прибылъ для этого въ Болонію. Братъ Графа участвовалъ въ хорахъ, вмѣстѣ со многими замѣчательными пѣвицами.

— Въ ночи съ 26-го на 27-е прошлаго Марта, сгорѣлъ въ Манчестерѣ амфитеатръ, построенный за пять лѣтъ предъ симъ. Это прекрасное зданіе было превосходно убрано внутри и могло вмѣщать въ себя до 3000 человекъ. Лошади Г. Велса, который долженствовалъ начать свои представленія въ Понедѣльникъ на Святой Недѣлѣ, были спасены. Зданіе сгорѣло до основанія.

— Новая симфонія Феликса Мендельсона будетъ въ скоромъ времени исполнена въ Лондонѣ.

— Въ Кассель умеръ одинъ изъ лучшихъ виртуозовъ Германіи, другъ Шпора, камермузыкантъ Газеманъ. Кромѣ своего музыкальнаго таланта, онъ замѣчательнъ и тѣмъ, что вывелъ на сценическое поприще Г-жъ Гейнефеттеръ, Пиршеръ и Бакофенъ.

— Композиторы Калвода и Доцауэръ избрали въ Почетные Члены Стокгольмской Академіи.

IV. ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

ПЕТЕРБУРГСкія ТЕАТРАЛЬНЫЯ НОВОСТИ

Извѣстный нашъ драматургъ П. Г. Ободовскій отдалъ на сцену двѣ исполненныя достоинства пьесы. Это «Царь Василій Іоанновичъ», драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, съ прологомъ, и передѣланную съ Нѣмецкаго, стихами же, драму въ трехъ дѣйствіяхъ «Христина, Королева Шведская». Обѣ эти пьесы дамы будутъ въ наступающемъ Мѣсѣцѣ, первая въ пользу талантливаго артиста нашего П. А. Каратыгина, а послѣдняя въ бенефисъ Г-жи Дюръ. Роль Царя Василія Іоанновича исполнитъ В. А. Каратыгинъ. Кромѣ того заготовлено къ Майскимъ бенефисамъ множество новаго. 30-го Апрѣля играли новое драматическое представленіе: *Святославъ*, въ пяти картинахъ, въ стихахъ, и въ ней дебютировалъ во второй разъ молодой артистъ, Г. Громовъ, обещающій сдѣлаться украшеніемъ нашего театра. На нашей сценѣ появится вскорѣ повника—пѣса, написанная тремя авторами. Гг. Федоровъ, Григорьевъ 1-й и Перепельскій сложили комедію-водевиль изъ романа Грицьки Основьяненки: *Похожденія Петра Степанова сына Столбикова*, изобилующаго смѣшными и занимательными сценами. Мы также увидимъ вскорѣ оригинальную драму Г-на Тимона-Бурмицкаго: *Помпшанный*, провинціальныя сцены Н. Коровкина: *Настенька*, оригинальный водевиль Г-на Дершау: *Петербургскій аферистъ*, драму *Обойщикъ*, переведен-

ную съ Французскаго, и *Боярскую Спесь*, уже извѣстную читателямъ Репертуара. РИГА И РЕВЕЛЬ.

На Рижскомъ театрѣ игралъ нынѣ гостиныя роли знаменитой Германскій трагикъ Эмиль Девриентъ, котораго со дня на день можемъ ожидать въ Петербургѣ.

— Въ Дерптскомъ журналѣ *Das Inland* пишутъ, что Ревельской театр находится въ весьма незавидномъ состояніи, и что Директоръ его, Г. Гессау, возвысивъ цѣну мѣстъ, несообразно съ средствами поспитителей театра, видитъ съ сокрушеніемъ, что театральная зала его обыкновенно пуста, не смотря на всѣ его старанія.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Théâtre Français. Oscar, ou le mari qui trompe sa femme, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Скриба и Дюверье, двухъ остроумнѣйшихъ, опытавшихъ драматическихкихъ писателей, приобрѣла чрезвычайный успѣхъ, хотя завязка и дѣйствующія лица въ ней самыя простыя, съ которыми, кажется, не интересуешь никого. Гг. Скрибъ и Дюверье расточили въ новой пьесѣ столько остроумія, столько интересныхъ сценъ и положеній, столько прелестныхъ подробностей литературной отдалки, что ихъ пьесу похвалилъ даже строгій критикъ Журнала *des Débats*, безпощадный Жюль-Жаненъ. — Оскаръ, счастливый съ молодою женою своею, вздумалъ уговорить на любовное свиданіе молоденькую дѣвушку, и, между прочими доказательствами ея любви, сохраняетъ въ своемъ комодѣ письмо отъ нея. Письмо это попадаетъ въ руки жены; Оскаръ

въ отчаяніи, признается въ своемъ проступкѣ добродушному дядѣ своему, не называя своей жертвы; а дядя, въ свою очередь, признается племяннику, что намѣренъ жениться — на дѣвушкѣ, именно, которая являлась на свиданіе Оскара. Бѣдный дядюшка! Несчастный дядюшка! полумаете вы. Отнюдь нѣтъ! потому что на свиданіе была послана крестьянская дѣвочка, Мариетта. Оскаръ, чтобъ заставить ее молчать, предлагаетъ ей 4000 фр., но у Мариетты есть женихъ, въ Алжирской арміи, и дѣло повидному никакъ не можетъ уладиться! По счастью, жена Оскара, сказавшись наконецъ надъ мужемъ своимъ, открываетъ ему, что на таинственное и роковое любовное свиданіе являлась — она сама! Вотъ и все!—Вообразите же, что на этой простой завязкѣ основаны три акта, въ продолженіе которыхъ публика не скучаетъ ни минуты.

Second Théâtre Français. *Le Comte de Bristol*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Г. Жюль Гюсседэ, свѣтскаго молодого человѣка, занимающагося литературою. Этоха піеса — замѣчательная борьба Карла I и Кромвеля, но завязка ея вымышленная. У стараго Графа Бристольскаго, преданнаго законному Королю, дочь обезпечена самимъ Карломъ I; это обстоятельство вооружаетъ его противъ Карла, и онъ дѣлается ревностнымъ приверженцемъ Кромвеля. Когда, черезъ восемь лѣтъ послѣ того, Карла присуждаютъ къ смерти, дочь Графа, изъ состраданія къ несчастію Короля, спасаетъ его, но въ порывѣ радости слишкомъ рано провозглашаетъ о томъ, такъ, что Кромвель успѣваетъ настигнуть бѣгущаго, который дѣлается жертвою ужасной участи. Драмѣ этой много рукоплескали, и хотя въ ней есть нѣкоторая длиннота, однако же нельзя не замѣтить въ авторѣ ея истиннаго таланта.

Тотъ же Театръ. Un voyage à Pontoise, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Богатый банкиръ, хвастливый и страш-

ный эгоистъ; молодая жена его, натуры кокетливой и болѣе нежели легкомысленной; молодой *Спортсменъ*, любовникъ ея, разоряющійся на лошадяхъ — вотъ дѣйствующія лица, представляющія въ этой піесѣ пороки нашего времени. Съ другой стороны, въ той же піесѣ, выставлены добродѣтельные лица, и въ гораздо большемъ числѣ; они суть, во-первыхъ Лавреатъ Консерваторіи, ученикъ Лесюэра, отправляющійся на счетъ Правительства въ Римъ для изученія тамъ всѣхъ таинствъ сигарки и Мараскина; во-вторыхъ, братъ его, бывшій воспитаникъ Политическаго Школы, потомъ служившій по табачному откупу, непоятый геній инженернаго искусства и, сверхъ всего этого, влюбленный въ прелестную наслѣдницу; въ-третьихъ и въ-четвертыхъ, прелестная наслѣдница и почтенный родитель ея, грубый Алзасецъ, негодянтъ, но добрый малый; вотъ противоположный станъ. Молодой композиторъ, желая выйти въ люди, выдумываетъ, будто бы въ Россіи, а именно въ Ригѣ, у него умираетъ дядя, и оставляетъ наслѣдство, за которымъ ему необходимо ѣхать. Путешествіе въ Россію онъ ограничиваетъ поѣздкою въ Понтуазъ, гдѣ встрѣчается съ женою банкира, влюбляется въ нее, счастливъ, блаженъ и, сверхъ всего, приобретаетъ либретто для оперы, а братъ его получаетъ въ компанію предполагаемаго общества какой-то желѣзной дороги, обещающей несмѣтный дивидендъ. Піеса очень мила, весела, остроумна.

Théâtre de l'Ambigu-Comique. *Le Vert galant*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ. Веръ-Галантъ было названіе трактира, въ которомъ собиралось и высшее и низшее общество, перемѣшивалось, распивало шампанское и простое вино, всякъ по своимъ средствамъ. Тамъ нередко можно было встрѣтить какого нибудь маркиза, приволакивающагося за гризеточкой, швейсѣй, или востолюдпа, любезничая-

шаго съ маркизой. Недоразумѣнія, смѣшныя сцены, разнообразныя шутки, протекающія изъ этого, безчисленны. Въ новой пьескѣ видишь веселую картину народныхъ нравовъ; очень смѣшное окончаніе второго акта, когда двухъ вельможъ, переодѣтыхъ и обманурыхъ, уводятъ подъ стражу, а жены ихъ остаются бесѣдовать съ простыми поселянами, принимая ихъ за перереженныхъ вельможъ.

Théâtre des Folies-Dramatiques. Amour et Amourette, водевилъ въ пяти дѣйствіяхъ. Въ этой пьескѣ мы видимъ двухъ гризетокъ такъ называемаго Латинскаго Квартала; за ними ухаживаютъ двое студентовъ, которые просятъ курсы наукъ не въ коллегіяхъ, а на загородныхъ балахъ и въ трактирахъ. Они написали какую-то пьеску для бульварнаго театра, и посылаютъ билеты своимъ гризеткамъ, которыя въ театрѣ отдають предпочтеніе двумъ другимъ студентамъ. Это обстоятельство ни сколько не ссоритъ ихъ между собою, напротивъ того, они общими силами содѣйствуютъ къ свадьбѣ одного изъ ихъ товарищей на одной изъ обѣихъ гризетокъ, отличающейся необыкновеннымъ благонавіемъ и чистѣйшею любовью.

Théâtre de la Porte Saint-Martin. Paris le Bohémien, драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Бушарди, автора драмы *Gasparde*, пѣвшею блистательный успѣхъ на томъ же театрѣ. Все дѣло состоитъ въ послѣдствіи Іоанна Висконти, которое какой-то честолюбецъ старается присвоить себѣ одному. У Герцога Висконти сынъ, котораго все почитаютъ законнымъ наследникомъ; честолюбецъ Галеасъ, желая овладѣть престоломъ, старается удалить молодаго Джіовани; но ему покровительствуетъ Провидѣніе: цыганъ, по имени Парисъ, призрѣлъ Джіовани, который, какъ выходитъ на повѣрку, сынъ не Герцога, а этого самаго цыгана, и стараніями его достигаетъ престола. Эта драма изобилуетъ драматическими положеніями, въ

которыхъ отлично хороши Фредерикъ Метрѣ. — Къ крайнему нашему удивленію, прочитавъ въ одномъ Парижскомъ Театральномъ журналѣ, что эта пьеса имѣла успѣхъ, заглядываемъ въ другой, и находимъ, что эта самая пьеса упала ужаснымъ образомъ. Чему вѣрить?

— Не смотря на приближающееся лѣто, Парижскіе Театры не перестаютъ готовить разныя новинки. Нынѣ репетируютъ балетъ *la Rosière de Gand*, въ которомъ главная роль назначается прелестной Карлоттѣ Гриси. Вместе съ тѣмъ будетъ представлена опера *le Cabecilla*.

— Трагическая труппа Французскаго театра играла недавно, въ Тюльерійскомъ Дворцѣ, трагедію Поліевккъ. — Рашель, передъ отъѣздомъ въ Англію, гдѣ ей за двѣ недели обязуются выплатить 55,000 фр., явится въ новой роли, въ трагедіи *Ариэидѣ*, соч. О. Корнеля.

— Пѣмецкая опера открыла, 23-го Апрѣля, представленія свои оперою *Волшебный Стрѣлокъ*, но разыграла ее такъ плохо, что едва ли поддержится въ Парижѣ это нововведеніе. Нѣсколько поправилась публикѣ только пѣвица Г-жа Валькеръ.

— Въ роли Жидовки дебютировала недавно въ Парижѣ молодая пѣвица, Г-жа Морель, воспитанница Консерваторіи.

Л О Н Д О Н ъ.

Изъ Лондона, о тамошней театральн. и дѣятельности въ послѣднее время, пишутъ: «На Дрюриленскомъ Театрѣ постоянно играютъ *Макбета*, Шекспира, и публика не можетъ насмотрѣться въ немъ на директора этого театра и вместе съ тѣмъ актера Макреда. На томъ же театрѣ дается, по безъ особеннаго успѣха, небольшая оперетка: *The Students of Bonn*. На Ковентгарденскомъ Театрѣ была игра на волшебная пьеса, подъ названіемъ *the white Cat* и, послѣ того, *Свадьба Фигаро*, Моцарта. На Сюррейскомъ Театрѣ появилось, какъ и всегда появляется послѣ

Пасхи, нѣсколько пьесъ, которыя этотъ театръ называетъ «Grand Romantic Equestrian Drama.» Изъ числа ихъ, особенно восхищаетъ Лондонскихъ гиппомановъ, подъ названіемъ: *The Pearl of the Harem, or the Koordisch Lover and his war steed Beda.* На Театрѣ Королевы Викторіи привлекаетъ толпу простаго народа новая мелодрама: *The lucky Horseshoe, or the Lone Chamber and the silent Highway;* тамъ же дается съ большимъ успѣхомъ пантомима *Adin and the wonderful Lamp.* Двѣ новыя пьесы Гринвуда (Greenwood) *Christine* и *a Regiments of Tartars* имѣли большой и заслуженный успѣхъ на хорошенькомъ, небольшомъ Театрѣ *Siddlers Wells;* но небольшая новая пьеска Лемона (Lemon): *Robert Rurn;* основаніемъ которой служитъ анекдотъ изъ жизни Шотландскаго поэта, особаго успѣха не имѣла.»

— Лондонскій Театръ Принцевъ купленъ недавно Г-мъ Монтагю за 14,500 ф. ст.; постройка его обошлась въ 47,000 ф. ст.

Г Е Р М А Н И Я.

Директоромъ Берлинскаго Опернаго Театра, на мѣсто Г. Мэзера, назначенъ Г. Таубертъ. Онъ вступитъ въ эту должность 1-го будущаго Юля.

— На Придворномъ Театрѣ въ Вѣнѣ играна, въ первый разъ, пьеса, подъ названіемъ *Der Liebe Wahn und Wahrheit.* Успѣхъ ея былъ не совсѣмъ полный.

— На театрѣ an der Wien имѣла успѣхъ пьеса: *D'e Mimsell aus der Stadt, oder die Heiraten aus Speculation,* соч. В. Шольца. Впрочемъ, этимъ успѣхомъ она преимущественно обязана игрѣ въ ней самого ея автора, Вѣнскаго комическаго артиста.

— На Леопольдштадскомъ Театрѣ были даны двѣ слѣдующія новыя пьесы: *Der Kirchttag in Lainz, oder: Helf, was helfen kann!* «мѣстная сценическая шутка» съ пѣніемъ, въ двухъ дѣйствіяхъ, и *Der un-*

terbrochene Kirchttag, комическая пантомима въ одномъ дѣйствіи (послѣдняя соч. балетмейстера Г. Фенцеля). Сюжетъ первой изъ этихъ пьесъ—похищеніе. Въ ней одинъ опекунъ желаетъ, изъ расчетовъ, выдать свою питомцу за какого-то магистра; но питомца любить дѣсничаго, который старается ее похитить. Пьеса оканчивается свадьбою дѣсничаго на питомца. Ни су эту спасла отъ паденія одна только прекрасная игра участвовавшихъ въ ней артистовъ. Небольшая, но забавная пантомима *Der unterbrochene Kirchttag* имѣла успѣхъ.

— Новыи романтическій балетъ Гверры: *Angelica,* недавно игранный въ Вѣнѣ, имѣлъ большой успѣхъ. Дѣйствіе его исполнено интереса и притомъ ведено такъ, что зритель не повѣтъ легко разгадаетъ его, и безъ помощи программы. Обстановка оная превосходно, но самое лучшее въ немъ — танцы. Въ немобогатъ, и то только прежней школы, балетахъ, такъ хорошо составлены большіе общіе танцы, какъ въ этомъ произведеніи Гверры. И притомъ они ни сколько не охлаждають дѣйствія, какъ это бываеъ нерѣдко въ другихъ балетахъ. Особенно же удалось Гверрѣ и наиболѣе понравилась публикѣ четвертая картина. Гверра и артисты, занимавшіе первыя роли въ его новомъ балетѣ, были нѣсколько разъ вызваны.

— Въ Вѣнѣ же были играны въ первый разъ: *Mara,* романтическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, слова Отто Прехтлера, музыка Юсифа Петцера. Сюжетъ этой оперы интересенъ, характеры въ ней обрисованы удачно; либретто ея богато хорошими стихами. Что же касается до музыки ея, то это еще первая попытка молодого композитора, который, если не ошибаемся, промѣ нѣсколькихъ пѣсенъ и одной симфоніи, ничего не издалъ до нынѣ. Впрочемъ, это попытка довольно удачная: музыка «Мары» понравилась Вѣнской публикѣ. *Hütel euer Haus, oder der Verleum-*

der und der Plauder, «мѣстная характерная картина,» въ четырехъ дѣйствіяхъ, соч. Фридриха Кейзера. Піеса эта имѣла успѣхъ, но за него авторъ долженъ преимущественно благодарить артистовъ, участвовавшихъ въ ея исполненіи.

Тамъ же, въ скоромъ времени, будутъ представлены: *Pietro Metastasio*, Блума, *Beruf und Liebe*, Франца Брауна и *Medea*, Грильпарцера.

— На дняхъ была представлена въ Дрезденѣ комедія *Рекко*, соч. Лаубе. Однако же эта піеса почти не имѣла успѣха, ибо, подобно миниатюрной живописи, разсматриваемой издали, она не была понята всѣми, кто не былъ съ нею знакомъ прежде.

— Слышно, что въ Люттихѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ Бельгійскихъ городахъ будетъ въ скоромъ времени даваться представленія Нѣмецкая оперная труппа, состоящая подъ дирекцію Г. Шпильбергера (Изъ Кельна). И такъ, между тѣмъ какъ Французскія театральныя труппы разбѣ-

гаютъ по Германіи, а въ Вѣнѣ и Берлинѣ даются Италіянскіе оперные спектакли, Нѣмцы затѣваютъ играть оперы въ Парижѣ, Лондонѣ и въ Бельгіи! Это можетъ принести пользу для сценическаго искусства.

— Въ Венеціи, въ театрѣ della Fenice, были играны 30-го Марта съ успѣхомъ опера Донизетти. *Королева Голкондская* и, въ первый разъ, балетъ Виотти: *Lucrezia degli Obizzi*. Въ тотъ же вечеръ играли на театрѣ San Benedetto новую оперу композитора Графиньи: *I Bonifazi ed Salinguerri*. Ее приняли довольно хорошо.

— Въ Бухарестѣ начались недавно представленія Нѣмецкой оперной труппы, которая находится подъ дирекцію Г. Фриша. Для перваго дебюта въ этомъ городѣ была сыграна сю Норма. Представленіе это увѣчалось блестящимъ успѣхомъ. Не за долго предъ симъ, эта же труппа играла, съ неменьшимъ успѣхомъ, въ Яссахъ.